Изданіе Рижскаго Педагогическаго Общества.

С. Н. СИВИЦКІЙ.

Отечественная война

въ Прибалтійскомъ краѣ.

1812—1912 г.

Съ историческимъ очеркомъ Прибалтійскаго края въ XVIII столѣтіи.

Съ приложеніемъ 17 портретовъ и 4 картъ и плановъ.

РИГА, 1912 г.

Прилагаемые портреты большею частью взяты изъ собранія старинныхъ гравюръ библіотеки „Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній“ и Рижской Городской Библіотеки. Портреты гр. Ю. Ю. Броуна, ген. И. Н. Эссена и Фр. Сиверса сняты съ большихъ портретовъ, находящихся въ Рижскомъ Замкѣ и Домскомъ музеѣ.

Типо-литографія Шнакенбургъ, Рига.

Часть первая.

Историческій очеркъ Прибалтійскаго края въ XVIII столѣтіи. Первый вѣкъ русскаго господства.

I. Періодъ невмѣшательства.

Курляндія.

Въ 1710 году, послѣ взятія войсками Петра Великаго приморскихъ городовъ Риги и Ревеля, были присоединены къ Россіи Лифляндія и Эстляндія *). Сознавая все значеніе для Россіи Прибалтійскаго края, Петръ Великій думалъ также о пріобрѣтеніи третьей прибалтійской провинціи — герцогства Курляндскаго, находившагося въ вассальной зависимости отъ Польши. Однако Петръ не хотѣлъ захватить силой Курляндію, чтобы не ссориться съ своимъ союзникомъ Польшей; но онъ подготовилъ мирное соединеніе этого герцогства съ Россіей, выдавъ свою племянницу Анну Іоанновну замужъ за герцога курляндскаго Фридриха Вильгельма. При заключеніи брака Петръ далъ въ приданое весьма значительную сумму денегъ 200 тысячъ

*) Краткія свѣдѣнія о завоеваніи Прибалтійскаго края Петромъ Великимъ и о предшествующей его исторіи см. въ брошюрѣ того же автора: „Къ 200-лѣтію русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ". Рига 1910 г. — Пособія при составленіи настоящаго историческаго очерка: Eckardt. Livland im 18. Jahrhundert. Leipzig 1876. Его же: Zur livl. Landtagsgeschichte. В. М. 1869 и Die Einführung der Statthalterschaftsverfassung in Livland. Schmidt. Rechtsgeschichte Liv-, Est- und Kurlands. Jurjew 1895. Его же: Zur Geschichte der Ritter- und Landschaft in Livland. Тобинъ. Лифляндское аграрное законодательство въ 19 столѣтіи. Рига 1900. Transehe-Rosenek. Gutsherr und Bauer in Livland im 17. und 18. Jahrhundert. Strassburg 1890. Agthe. Ursprung und Lage der Landarbeiter in Livland. Tübingen 1909. Gernet. Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estland. Reval 1900. Mettig. Geschichte der Stadt Riga. Diderichs. Garlieb Merkel. В. М. 1870. Чешихинъ. Сборникъ матеріаловъ по исторіи Прибалтійскаго края, т. I.—IV. Самаринъ. Сочиненія, т. VII. и X. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I. Брикнеръ. Исторія Екатерины II. СПб. 1885. Соловьевъ. Исторія Россіи и др.

рублей съ разрѣшеніемъ употребить ихъ на выкупъ герцогскихъ имѣній, но съ обязательствомъ, въ случаѣ смерти герцога, выдавать его вдовѣ ежегодную пенсію въ размѣрѣ 40 тысячъ рублей. Этотъ договоръ обезпечивалъ на будущее время вліяніе Россіи въ Курляндіи. Герцогъ Фридрихъ Вильгельмъ жилъ въ бракѣ очень недолго, онъ умеръ въ 1711 году, возвращаясь послѣ свадьбы изъ Петербурга въ Митаву. Тогда герцогомъ сдѣлался его дядя, бывшій регентъ герцогства Фердинандъ, послѣдній бездѣтный отпрыскъ дома Кетлера. Но онъ жилъ все время въ Данцигѣ, а герцогствомъ управляли государственные совѣтники изъ дворянъ (оберъ-раты). Важнѣйшей задачей курляндскаго правительства было выполнить обязательство относительно пенсіи вдовствующей герцогинѣ, что было дѣломъ нелегкимъ въ виду скудости герцогской казны. Оберъ-раты нашли выходъ, предложивъ Аннѣ Іоанновнѣ самой управлять герцогскими имѣніями. По совѣту Петра, Анна согласилась, отправилась въ Митаву и поселилась въ герцогскомъ дворцѣ, а гофмейстеромъ и резидентомъ къ ней былъ назначенъ Бестужевъ-Рюминъ (отецъ извѣстнаго канцлера). Съ этого времени русское вліяніе фактически устранило польское, хотя Курляндія и считалась вассальнымъ владѣніемъ Польши. Какъ только курляндское дворянство дѣйствовало несогласно съ видами Петра, Бестужевъ возбуждалъ вопросъ объ уплатѣ пенсіи съ угрозой ввести въ Курляндію русскія войска. Умеръ Петръ Великій, скоро Анна сдѣлалась русской императрицей, но положеніе дѣлъ оставалось то же. Когда со смертью Фердинанда прекратилась династія Кетлеровъ, императрица Анна Іоанновна употребила все свое вліяніе, чтобы курляндскій ландтагъ выбралъ наслѣдственнымъ герцогомъ ея любимца извѣстнаго временщика Бирона, который построилъ въ Митавѣ роскошный дворецъ, и по нынѣ представляющій замѣчательное по красотѣ зданіе. Во время 20-лѣтней ссылки Бирона сначала въ Сибири, а потомъ въ Ярославлѣ, Курляндія оставалась безъ правителя. Польскій король Августъ III хотѣлъ воспользоваться такимъ неопредѣленнымъ положеніемъ и съ согласія императрицы Елизаветы Петровны выставилъ кандидатуру своего сына Карла, который въ 1758 году и былъ избранъ частью курляндскаго дво-

рянства. Но императрица Екатерина II воспротивилась такому усиленію Польши. Чтобы обезпечить русское вліяніе въ Курляндіи, она рѣшила возстановить въ герцогскихъ правахъ Бирона, недавно возвращеннаго изъ ссылки и безъ сомнѣнія покорнаго ея волѣ. Хотя она врядъ ли относилась къ нему сочувственно, но считала возстановленіе его выгоднымъ для государственныхъ интересовъ Россіи. Въ декабрѣ 1762 года Бирон вступилъ въ Митаву, гдѣ его встрѣтило мѣстное дворянство, а русскій батальонъ привѣтствовалъ музыкой и пальбой. Въ 1769 году Бирон по старости и болѣзни торжественно отрекся отъ власти въ пользу своего старшаго сына Петра. Но герцогъ Петръ своимъ произвольнымъ правленіемъ возбудилъ всеобщее неудовольствіе въ Курляндіи какъ среди дворянства, такъ и въ городскомъ населеніи. Никакія просьбы, обращенныя къ герцогу, не помогали, и многіе изъ дворянъ вступили въ сношенія съ Екатериной II. Послѣ третьяго раздѣла и паденія Польши (1795 г.) курляндское дворянство въ манифестѣ 17 марта объявило ленную зависимость отъ Польши несуществующей и поручило дальнѣйшее устройство своихъ дѣлъ Екатеринѣ. Герцогъ Петръ, находившійся въ Петербургѣ, призналъ совершившійся фактъ и отрекся отъ своего достоинства. Курляндія превратилась въ русскую губернію.

Во время самостоятельнаго существованія въ Курляндіи подъ вліяніемъ аристократической Польши чрезвычайно усилилось нѣмецкое дворянство и образовалась настоящая дворянская республика. Герцогъ долженъ былъ сообразоваться съ желаніями могущественнаго дворянства и былъ какъ бы первый между равными. Высшая власть въ странѣ находилась въ рукахъ собранія дворянъ, или ландтага, который съ 1617 года получилъ представительственный характеръ: онъ состоялъ не изъ всѣхъ дворянъ, а изъ депутатовъ, выбираемыхъ дворянствомъ по одному отъ каждаго прихода. Какъ постоянный органъ дворянства, при герцогѣ былъ учрежденъ верховный совѣтъ (Oberrath), состоявшій изъ 4 старшихъ совѣтниковъ — дворянъ (ландгофмейстеръ, канцлеръ, оберъ-бургграфъ и ландмаршалъ) и 2 младшихъ — недворянъ. Старшіе совѣтники помогали герцогу въ управленіи, иногда замѣ-

няя его, и наблюдали за сохраненіемъ правъ дворянства и другихъ сословій. Всѣ совѣтники вмѣстѣ представляли высшій судъ — оберъ-гофгерихтъ, который являлся второй инстанціей по гражданскимъ дѣламъ и первой инстанціей по уголовнымъ преступленіямъ дворянъ. Курляндія дѣлилась на 4 округа, или оберъ-гауптманства, и Пильтенскій дистриктъ (бывшее епископство Курляндское). Во главѣ округовъ стояли назначаемые изъ дворянъ особые начальники, или оберъ-гауптманы, которые съ двумя засѣдателями составляли также низшій судъ по гражданскимъ дѣламъ для всѣхъ сословій и по уголовнымъ дѣламъ для недворянъ. Оберъ-гауптманства въ свою очередь раздѣлялись на 8 гауптманствъ (каждое на два) подъ управленіемъ особыхъ гауптмановъ изъ дворянъ, которые завѣдывали герцогскими имѣніями и производили судъ надъ лицами низшаго состоянія. Пильтенскій дистриктъ*) пользовался отдѣльнымъ самоуправленіемъ подъ непосредственной верховной властью польскаго короля, и пильтенское дворянство составляло особую корпорацію съ собственнымъ ландтагомъ. Высшимъ административнымъ и судебнымъ учрежденіемъ была здѣсь ландратская коллегія, члены которой избирались дворянами и утверждались непо-

*) При распаденіи древней Ливоніи въ 1561 г., когда орденскія владѣнія Курляндіи достались Кетлеру, епископство Курляндское пріобрѣлъ извѣстный датскій принцъ Магнусъ, котораго Іоаннъ Грозный хотѣлъ сдѣлать королемъ Ливонскимъ. Послѣ его смерти Пильтенскій округъ былъ выкупленъ у Даніи Пруссіей, а потомъ пріобрѣтенъ герцогомъ курляндскимъ Яковомъ. (См. административное дѣленіе Курляндіи на картѣ, помѣщенной ниже въ гл. IV). Отдѣльное устройство Пильтенскаго дистрикта было уничтожоно только въ 1819 г., когда онъ превратился въ оберъ-гауптманство (пятое) Курляндской губ., съ 2 гауптманствами, а пильтенское дворянство слилось съ курляндскимъ въ одну корпорацію. Характерную черту политическаго строя Курляндіи составляетъ смѣшеніе административной и судебной власти. Какъ оберъ-ратъ (онъ же оберъ-гофгерихтъ), такъ и оберъ-гауптманскіе и гауптманскіе суды одновременно управляли и судили. Только подъ русской властью была разграничена дѣятельность этихъ учрежденій. По указу 26 мая 1812 г. оберъ-гауптманскимъ судамъ была предоставлена одна судебная власть, а вся полицейская и исполнительная власть поручена гауптманскимъ судамъ (см. Рус. Стар. 1898 г. май). Еще раньше вмѣсто оберъ-ратовъ былъ учрежденъ дворянскій комитетъ (Ritterschafts-comité), какъ исполнительный органъ ландтага, который и теперь имѣетъ представительный характеръ.

средственно королемъ. Города въ Курляндіи не могли достигнуть политической самостоятельности и находились въ зависимости отъ дворянства. Въ каждомъ городѣ былъ городской магистратъ (Stadtmagistrat), которому принадлежала полицейская и судебная власть по гражданскимъ дѣламъ, а по уголовнымъ дѣламъ города подчинялись оберъгауптманскимъ судамъ. Курляндское дворянство не только имѣло въ своихъ рукахъ управленіе страной, но и пользовалось особыми имущественными правами. Въ 1617 г., когда было выработано государственное устройство Курляндіи („Формула правленія"), дворянство получило исключительное право владѣть землей и арендовать герцогскія имѣнія; бюргеры же совершенно устранялись отъ землевладѣнія. Тогда же было опредѣлено отдѣлить дворянскіе землевладѣльческіе роды отъ недворянскихъ. Выбранные дворянами депутаты приступили къ составленію списка дворянскихъ фамилій, или матрикула, и окончили свою работу въ 1634 г. При этомъ было рѣшено вносить новыя фамиліи въ матрикулъ только съ согласія герцога и короля и по выбору дворянства на ландтагахъ. Съ этого времени матрикулированные дворяне присвоили себѣ исключительно всѣ дворянскія привилегіи — право землевладѣнія и политическое представительство на ландтагѣ. Успѣхи курляндскаго дворянства послужили для другихъ прибалтійскихъ провинцій идеаломъ, къ которому они стремились въ XVIII-омъ вѣкѣ.

Политика правительства.

Первые пятьдесятъ лѣтъ русскаго владычества были весьма благопріятны для господствующихъ сословій Лифляндіи и Эстляндіи. При завоеваніи аккордными пунктами были обезпечены старинныя привилегіи дворянства и городовъ и прежнее устройство страны. Русское правительство въ началѣ XVIII-го вѣка было слишкомъ занято внутренними дѣлами государства и не отличалось достаточной силой, чтобы вмѣшиваться во внутреннюю жизнь новоприобрѣтенныхъ провинцій, организованныхъ по издавна сложившимся обычаямъ. Высшая правительственная власть въ каждой провинціи была сосредоточена въ рукахъ генералъ-губернаторовъ, которые назначались изъ прибли-

женныхъ государю лицъ и были русскаго или вообще немѣстнаго происхожденія. Генералъ-губернаторъ начальствовалъ надъ войсками и наблюдалъ за всѣми учрежденіями и чиновниками какъ правительственными, такъ и выборными сословными. Но огромная генералъ-губернаторская власть оказалась въ значительной степени фиктивной. Первые генералъ-губернаторы, какъ напр., князь Н. И. Репнинъ и фельдмаршалъ графъ Ласси *), были слишкомъ заняты военными и общегосударственными дѣлами и часто должны были надолго уѣзжать изъ ввѣреннаго имъ края. Они не имѣли ни времени, ни охоты знакомиться съ мѣстными языками и съ сложными порядками страны. Вотъ почему они были принуждены окружать себя чиновниками изъ мѣстныхъ уроженцевъ, которымъ поручали технику управленія. Ближайшими помощниками генералъ-губернатора были вице-губернаторъ, стоявшій во главѣ его русской канцеляріи, гдѣ сосредоточивалось военное управленіе и два правительственныхъ совѣтника (Regierungsräthe), которые руководили нѣмецкой канцеляріей генералъ-губернатора, завѣдывавшей мѣстными дѣлами на нѣмецкомъ языкѣ. Совѣтники и даже вице-губернаторъ назначались изъ прибалтійскихъ дворянъ. Юридическимъ совѣтникомъ генералъ-губернатора былъ оберъ-фискалъ (въ Эстляндіи — оберъ-прокуроръ), который съ подчиненными ему фискалами наблюдалъ за исполненіемъ законовъ и за интересами казны и являлся государственнымъ обвинителемъ

*) Графъ Петръ Ласси былъ рижскимъ генералъ-губернаторомъ двадцать лѣтъ (1730 — 1750 г.). Ласси происходилъ изъ дворянскаго католическаго рода въ Ирландіи и послѣ изгнанія Стюартовъ еще мальчикомъ долженъ былъ искать счастья въ иностранной службѣ. Въ 20-ыхъ годахъ онъ прибылъ въ Россію и поступилъ въ военную службу, оказавъ здѣсь большія способности. Самые замѣчательные военные успѣхи онъ проявилъ, будучи лифляндскимъ губернаторомъ. Въ 1734 г. онъ участвовалъ въ осадѣ Данцига, а въ 1736—38 г. — въ турецкой войнѣ, гдѣ прославился завоеваніемъ Азова и Крыма. При вступленіи на престолъ Елизаветы Ласси предводительствовалъ русскими войсками въ войнѣ со шведами и своими побѣдами принудилъ ихъ къ унизительному миру. Послѣ паденія Миниха онъ былъ высшимъ военнымъ авторитетомъ и часто долженъ былъ жить въ Петербургѣ. Конечно, такой человѣкъ могъ посвящать гражданскому управленію только скромную часть своего времени и силъ. Большимъ значеніемъ при немъ пользовался еще вице-губернаторъ Бисмаркъ, родственникъ Бирона (1736—40 гг.).

въ судахъ. Эту должность занимали исключительно нѣмцы, получившіе юридическое образованіе въ германскихъ университетахъ (исключеніе составлялъ эстляндскій оберъ-прокуроръ малороссъ Мелиссино). Въ рукахъ государства было также финансовое управленіе страны. Первоначально въ прибалтійскихъ губерніяхъ согласно съ аккордными пунктами сохранялась шведская податная система и не было введено ни подушной подати, ни налога съ продажи недвижимыхъ имуществъ. Шведскія подати были позе-

Графъ Петръ Ласси.

мельныя и собирались съ гакена, или сохи, т. е. извѣстнаго количества пахатной крестьянской земли. Изъ податей наиболѣе важны были двѣ: такъ называемая конная служба (Rossdienst) и фуражная или станціонная повинность (Station). Въ шведскую эпоху эти подати собирались натурой и состояли въ поставкѣ вооруженныхъ всадниковъ и въ доставленіи фуража (овса и сѣна), но Петромъ Великимъ онѣ были переведены на деньги (по 11 талеровъ съ гакена). Этотъ налогъ былъ невеликъ, но гораздо тяже-

лѣе ложилась на населеніе требуемая въ военное время поставка подводъ и балокъ. Кромѣ поземельныхъ податей правительство получало большіе доходы съ казенныхъ имѣній, которыя обыкновено сдавались въ аренду (по 60 руб. съ гакена). Всѣ государственныя подати, какъ поземельные налоги, такъ и арендныя деньги, поступали въ экономію, т. е. государственное казенное управленіе. Въ Лифляндіи были три экономіи: рижская, дерптская и аренсбургская (для о. Эзеля). Каждой экономіей управлялъ намѣстникъ, или инспекторъ (Statthalter), который собиралъ доходы, разбиралъ жалобы между крестьянами и арендаторами казенныхъ имѣній и завѣдывалъ расквартировкой войскъ. Во главѣ же финансоваго управленія всей губерніи стоялъ генералъ-директоръ (онъ же намѣстникъ рижской экономіи): онъ завѣдывалъ сдачей казенныхъ имѣній въ аренду и былъ посредникомъ всѣхъ заключаемыхъ съ казной подрядовъ и контрактовъ.*) Всѣ финансовые чиновники были мѣстные уроженцы и именно дворяне, потому что при сношеніяхъ съ крестьянами и арендаторами необходимо было знаніе мѣстныхъ языковъ и поземельныхъ законовъ.

Самоуправленіе.

Такимъ образомъ правительственныхъ чиновниковъ было немного и они большею частью состояли изъ мѣстныхъ уроженцевъ, которые не могли быть защитниками русскихъ государственныхъ интересовъ. Все же гражданское управленіе было отдано въ руки сословныхъ корпорацій (дворянства и городовъ), которымъ открылось широкое поле для самодѣятельности и которыя продолжали развиваться на началахъ, сложившихся въ средніе вѣка и въ шведскую эпоху. При завоеваніи Прибалтійскаго края Петръ Великій обѣщалъ возстановить и сохранять „провинціальный штатъ“ (т. е. особое провинціальное устройство — Landes-

*) При генералъ-директорѣ состоялъ оберъ-камериръ, которому были подчинены 3 камерира экономій. На нихъ лежало исчисленіе казенныхъ податей и повинностей отдѣльныхъ имѣній, а также всѣхъ доходовъ и расходовъ провинціи и жалованья чиновниковъ. При намѣстникахъ были рентмейстеры, или казначеи, окружные комиссары для завѣдыванія квартирной повинностью и доставкой провіанта и др.

staat), именно земское самоуправленіе, нарушенное въ Лифляндіи въ послѣдніе годы шведскаго владычества Во главѣ самоуправленія стояло собраніе дворянъ-землевладѣльцевъ, или ландтагъ, собиравшійся періодически подъ предсѣдательствомъ выборнаго предводителя дворянства. Исполнительнымъ органомъ ландтага была коллегія ландратовъ, избираемымъ ландтагомъ на всю жизнь и составлявшихъ постоянное земское представительство. Въ рукахъ ландтага находились важнѣйшія дѣла, касавшіяся страны: выслушиваніе предложеній правительства, установленіе и раскладка податей и натуральныхъ повинностей, выборы должностныхъ лицъ, дорожное и почтовое дѣло, церковное и школьное управленіе. Особенностью прибалтійской жизни было то, что здѣсь лютеранская церковь имѣла земскій характеръ. Съ церковнымъ устройствомъ было связано низшее самоуправленіе. Лифляндія дѣлилась на 4 земскихъ округа, или уѣзда*), а уѣзды — на церковные приходы, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ нѣсколькихъ дворянскихъ имѣній. Въ приходахъ собирались приходскіе конвенты изъ всѣхъ помѣщиковъ и арендаторовъ прихода и изъ представителей крестьянскихъ общинъ, или церковныхъ старостъ. Приходскіе конвенты завѣдывали не только церковными, но и земскими дѣлами, каковы, напр.: постройка и содержаніе церковныхъ зданій и школъ, устройство приходскихъ дорогъ, призрѣніе бѣдныхъ, распредѣленіе взносовъ на приходскія нужды и пр. Во главѣ прихода стояли выбираемые помѣщиками два церковныхъ попечителя (Kirchenvorsteher), которые слѣдили за исполненіемъ церковныхъ повинностей и руководили конвентами. Церковный приходъ такимъ образомъ представлялъ мелкую земскую единицу. Особую силу придавало лифляндскому самоуправленію то, что оно строилось снизу и основывалось на такомъ прочномъ фундаментѣ, какъ церковные приходы. Въ 4 уѣздахъ были образованы главныя церковныя попечительства (состоявшія изъ ландрата, пропста, т. е. старшаго пастора

*) Именно, рижскій и венденскій — въ латышской части, дерптскій и перновскій — въ эстонской. О. Эзель имѣлъ и имѣетъ отдѣльное самоуправленіе. Въ Эстляндіи были также 4 уѣзда съ особыми историческими названіями: Гаррія (ревельскій), Викъ (гапсальскій), Ервенъ (вейссенштейнскій) и Вирландъ (везенбергскій).

и одного засѣдателя изъ дворянъ), которыя наблюдали за состояніемъ церковнаго и школьнаго дѣла въ приходахъ, разбирали споры между пасторами и прихожанами и пр. Главное церковное попечительство было единственнымъ постояннымъ органомъ, находившимся между ландратской коллегіей и низшимъ органомъ самоуправленія — церковнымъ конвентомъ, такъ какъ уѣздныя дворянскія собранія созывались весьма рѣдко.*)

Въ тѣсной связи съ самоуправленіемъ находилось судебное устройство Прибалтійскаго края. Въ каждомъ лифляндскомъ уѣздѣ былъ земскій судъ, или ландгерихтъ, а въ каждомъ эстляндскомъ уѣздѣ — мангерихтъ, члены которыхъ (ландрихтеръ или манрихтеръ и 2 ассессора) выбирались изъ мѣстныхъ дворянъ. Эти суды разбирали гражданскія дѣла всѣхъ обывателей уѣзда, а уголовныя дѣла — только лицъ недворянскаго происхожденія. Высшій судъ въ Лифляндіи — это надворный судъ, или гофгерихтъ, а въ Эстляндіи — верхній земскій судъ, или оберъ-ландгерихтъ, которые состояли изъ назначеннаго правительствомъ президента и изъ ассессоровъ, отчасти выбираемыхъ дворянами, а отчасти назначаемыхъ самимъ судомъ. Высшій судъ являлся второй инстанціею для уѣздныхъ судовъ по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; въ первой же инстанціи онъ разсматривалъ уголовныя пре-

*) Земское самоуправленіе въ Прибалтійскомъ краѣ (а отчасти и городское) подъ покровительствомъ шведскихъ и русскихъ государей достигло такого развитія, какъ нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ Англіи. Его выгодную особенность составляло непосредственное личное личное участіе въ управленіи (а не по выбору) всѣхъ землевладѣльцевъ (и бюргеровъ) съ безплатнымъ отправленіемъ должностей, что обезпечивало внимательное отношеніе къ дѣлу и экономное веденіе земскаго хозяйства. Затѣмъ существованіе мелкой земской единицы обусловливало непосредственную связь самоуправленія съ населеніемъ и способствовало привлеченію къ земскому дѣлу многихъ дѣятелей. Одни и тѣ же лица участвовали и въ приходскихъ конвентахъ, и въ ландтагахъ, что придавало единство земской дѣятельности и служило школой самоуправленія. Для русскаго правительства прибалтійскія учрежденія служили образцомъ при организаціи мѣстнаго управленія въ центральной Россіи. Реформы Петра Великаго (надворные суды и ландраты, магистраты и гильдіи) и особенно Екатерины II, какъ мы увидимъ, въ значительной степени заимствованы изъ Прибалтійскаго края. См. прилагаемую таблицу прибалтійскихъ учрежденій сравнительно съ губернскими учрежденіями Екатерины II.

Таблица правительственныхъ и земскихъ учрежденій Прибалтійскаго края сравнительно съ губернскими учрежденіями имп. Екатерины II.
(Л.-Лифляндія; Э.-Эстляндія; К.-Курляндія; Эз.-о. Эзель; П.-Пильтенскій округъ. Курсивомъ отмѣчены учрежд. Екатерины II).

	Администрація.	Финансы.	Судебныя учрежденія.	Земское самоуправленіе.
Губернскія учрежденія.	Генер.-губернаторъ. Вице-губернаторъ. 2 губерн. совѣтника. (Regierungsräthe). Л. Оберъ-фискалъ. Э. Оберъ-прокуроръ. *Губерн. правленіе. Gouv.-Regierung.* *Приказъ обществ. призрѣнія.*	Камеръ-контора и юстицъ-коллегія для лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ. *Казенная палата. Kameralhof.* Генер.-директоръ экономіи. Оберъ-камериръ (контролеръ).	*Палата гражд. и уголовная. Gerichtshoff. bürg. u. peinl. Sachen.* *Совѣстн. судъ—Gewissensgericht.* Л. Надворный судъ — Hofgericht. Э. Верхн. зем. судъ — Oberlandgericht. К. Высш. надв. судъ — Oberhofgericht. *Дворян.: Верхн. зем. судъ. Oberlandgericht.* *Крест.: Верхн. расправа. Oberrechtspflege.* *Город.: Губ. магистратъ. Gouv.-Magistrat.*	Распорядит.: Ландтагъ — Landtag. *Губернск. дворянск. собраніе. Gouv.-Adelsversammlung.* Л. Adelskonvent. Э. Ritterschaftsausschuss. К. Ritterschaftscomitè. — Дворянскій представительный комитетъ. Предсѣдатель.: Л. и Эз. Landmarschall. Э. Ritterschaftshauptmann. К. Landesbevollmächtigter. — Предводитель дворянства. *Губ. предводитель дворянства. Gouvern.-Adelsmarschall.* Исполн.: Л., Э., Эз. и П. Landrathskollegium. — Ландратская коллегія. К. Верховный совѣтъ. Oberrath (Ritterschafscomitè).
Уѣздныя учрежденія.	Уѣздная полиція. Л. Орднунгсъ-рихтеръ и орднунгсъ-герихтъ (управа благочинія). Э. Гакенрихтеръ. К. Гауптманъ и гауптманскій судъ. Hauptmannsgericht. *Кап.-исправникъ. Kreishauptmann.* *Нижн. зем. судъ. Niederlandgericht.*	Намѣстникъ экономіи. Камериръ. Рентмейстеръ (казначей). *Уѣздн. казначейство.*	Л. Земскій судъ — Landgericht. Э. Мангерихтъ — Manngericht. К. Оберъ-гауптманскій судъ. Oberhauptmannsgericht. *Уѣздный судъ. Kreisgericht. Дворянск. опека.* *Нижняя расправа. Niederrechtspflege.* *Город. магистратъ. Stadtmagistrat. Сиротск. судъ.*	Уѣздные депутаты — Kreisdeputirte. *Уѣзд. предводители дворянства. Kreismarschälle.* Главн. церковн. попечитель (—ство). Oberkirchenvorsteher (—Amt).
				Приходъ: Приход. конвентъ — Kirchenkonvent. Церк. попечитель — Kirchenvorsteher. Церковн. староста — Kirchenvormund.

ступленія лицъ дворянскаго происхожденія, а также дѣла, касающіяся духовныхъ завѣщаній, наслѣдствъ и землевладѣльческихъ споровъ. Мѣсто апелляціонной и ревизіонной инстанціи надъ прибалтійскими судами заняла юстицъ-коллегія для лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, учрежденная въ 1718 г. Петромъ Великимъ въ Петербургѣ съ дѣлопроизводствомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1737 г. она была подчинена сенату, а въ 1738 г. соединена съ камеръ-конторой для лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ и сдѣлалась высшимъ учрежденіемъ по административнымъ и судебнымъ дѣламъ прибалтійскихъ провинцій. Полицейская власть находилась также въ рукахъ дворянъ. Уѣздной полиціей завѣдывалъ въ Лифляндіи орднунгсрихтеръ, или исправникъ, съ двумя помощниками, а въ Эстляндіи — гакенрихтеръ. Эти лица наблюдали за порядкомъ и безопасностью въ уѣздахъ и за правильнымъ поступленіемъ налоговъ, производили судебныя слѣдствія, приводили въ исполненіе судебные приговоры и пр.

Дворянство.

Изъ предыдущаго видно, что вся общественная жизнь и даже судебная власть въ Прибалтійскомъ краѣ находилась въ рукахъ земскаго самоуправленія, въ которомъ главную роль играло дворянство. Въ орденскую эпоху въ ландтагахъ принимали участіе города, но при шведскомъ владычествѣ они устранились отъ земскихъ дѣлъ, за исключеніемъ Риги, которая посылала двухъ депутатовъ въ лифляндскій ландтагъ. Завѣтнымъ желаніемъ дворянства было совершенно исключить бюргеровъ изъ землевладѣнія и изъ самоуправленія. Скорѣе всего это удалось эстляндскому дворянству. Въ 1662 г. дворянской депутаціи удалось получить отъ шведскаго короля Карла XI резолюцію, запрещавшую бюргерамъ пріобрѣтать дворянскія имѣнія. Ободренные этимъ успѣхомъ дворяне просили объ учрежденіи „рыцарской скамьи“, т. е. матрикула, для устраненія безпорядковъ и недоразумѣній. Король обѣщалъ, но это обѣщаніе осталось неисполненнымъ. Въ Лифляндіи же въ теченіе всего шведскаго періода правомъ владѣть землей пользовались не только коренные дворяне, но также городскіе бюргеры и пришлые дворяне (польскіе и шведскіе).

Всѣ эти землевладѣльцы имѣли право присутствовать на ландтагахъ съ рѣшающимъ голосомъ. Даже арендаторы и чиновники могли являться на засѣданія, хотя безъ права голоса. Но дворяне составляли особую корпорацію, или братство (Ritterschaft, Mitbruderschaft), въ противоположность которому простые землевладѣльцы назывались „земствомъ“ (Landshaft). Принадлежность къ дворянству опредѣлялась индигенатомъ, т. е. туземнымъ происхожденіемъ; сюда относился всякій коренной дворянинъ, родившійся въ краѣ и владѣвшій крупнымъ имѣніемъ, или отецъ котораго былъ землевладѣльцемъ. Всякій дворянинъ, поселившійся въ странѣ, могъ расчитывать на то, чтобы сдѣлаться „собратомъ“ и войти въ составъ дворянской корпораціи; даже не происходило особаго принятія (нужно было только внести 100 талеровъ въ дворянскую кассу); переходъ изъ одной категоріи въ другую происходилъ молчаливо, какъ бы въ силу давности. Относительно же самоуправленія „дворяне и землевладѣльцы“ (Ritter- und Landschaft) пользовались одинаковыми правами и равнымъ почетомъ и могли занимать всѣ земскія и судебныя должности. Этотъ порядокъ весьма способствовалъ упроченію лифляндскаго самоуправленія. Но еще въ шведскую эпоху дворяне имѣли то преимущество, что они изъ своей среды могли избирать ландмаршала (предсѣдателя ландтага) и ландратовъ; въ составъ судовъ могли быть выбраны недворяне, но правомъ активнаго выбора пользовались только дворяне. Не довольствуясь этимъ, лифляндскіе дворяне еще при шведскомъ владычествѣ, ссылаясь на примѣръ Курляндіи и Эстляндіи, хотѣли устранить бюргеровъ отъ землевладѣнія и образовать матрикулъ, но безуспѣшно. Напротивъ, шведское правительство весьма ослабило лифляндское дворянство, предпринявши редукцію, т. е. отобраніе въ казну многихъ дворянскихъ имѣній.

Обстоятельства измѣняются съ переходомъ Лифляндіи подъ власть Россіи. Въ XVIII вѣкѣ при благосклонномъ отношеніи русскаго правительства происходитъ въ Лифляндіи образованіе замкнутой дворянской корпораціи, которая захватила въ свои руки управленіе страной. Причиной этого было прежде всего то, что въ самой Россіи въ XVIII вѣкѣ возвышается дворянство и занимаетъ вы-

дающееся положеніе въ государствѣ. Если правительство въ Россіи дѣйствовало въ интересахъ дворянства, то естественно, что оно поддерживало дворянъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Затѣмъ многіе прибалтійскіе дворяне, вступивши въ русскую службу, достигали высокаго положенія при русскомъ дворѣ, особенно въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны (Бирономъ, Левенвольде, Остерманъ), и покровительствовали своимъ собратьямъ. При каждой перемѣнѣ царствованія прибалтійскіе дворяне, равно какъ и города, посылали въ Петербургъ депутаціи, которыя хлопотали объ утвержденіи старыхъ привилегій и о пріобрѣтеніи новыхъ, что часто и удавалось. Чтобы быть освѣдомленными о придворныхъ настроеніяхъ и имѣть возможность отвращать грозящіе удары, лифляндскіе дворяне содержали въ столицѣ особыхъ уполномоченныхъ, которые доносили о всѣхъ событіяхъ при дворѣ, давали совѣты и хлопотали предъ вліятельными лицами, дѣйствуя не только просьбами, но и подарками. *) Послѣ этого неудивительно, что лифляндское дворянство подъ русскимъ господствомъ упрочило свое положеніе и пріобрѣтало новыя привилегіи. Прежде всего оно постаралось возвратить имѣнія, отобранныя шведскимъ правительствомъ во время редукціи. Въ 1721 г. была учреждена Петромъ Великимъ особая комиссія, которая возвращала имѣнія прежнимъ владѣльцамъ по предъявленіи достаточныхъ документовъ и закончила

*) Экардтъ въ своей статьѣ: „Zur livl. Landtagsgeschichte“ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ этихъ уполномоченныхъ лифляндскаго дворянства. Въ 1721 г. велъ лифляндскія дѣла нѣкій Штремфельдъ, который между прочимъ посовѣтовалъ послать въ 1725 г. по смерти Петра депутацію, добившуюся новыхъ правъ. При Петрѣ II въ Москвѣ лифляндское и эстляндское дворянство содержало капитана Паули съ платою 50 талеровъ въ мѣсяцъ. Его преемникъ Гагемейстеръ былъ опредѣленъ въ 1733 г. съ годовымъ содержаніемъ въ 450 тал.; онъ предложилъ послать ему „семги и сельдей, какъ небольшіе подарки для расположенныхъ лицъ“ и для этой цѣли ассигновать 200 тал. ежегодно. Въ 1742 г. представительство дворянскихъ интересовъ было передано г. Рейцу, который старался повліять на высшее начальство „поднесеніемъ бургундскаго вина“. Также ландраты предпринимали дѣловыя поѣздки въ Петербургъ, обыкновенно связанныя съ большими издержками, такъ какъ они дѣйствовали „верховыми лошадьми, устрицами, семгой и ящиками съ апельсинами и лимонами.“ Balt. Mon. Bd. 18, s. 261—77, 433—36.

свою работу въ 1727 г. При этомъ правила леннаго владѣнія не соблюдались русскимъ правительствомъ; возвращенныя имѣнія разрѣшено было передавать и отчуждать какъ родственникамъ, такъ и постороннимъ лицамъ. Но не всѣ имѣнія были возвращены (напр., принадлежавшія шведскимъ вельможамъ или лицамъ, погибшимъ во время войны). Въ общемъ въ рукахъ русскаго правительства осталось около половины лифляндскихъ имѣній. Въ теченіе XVIII вѣка многія изъ этихъ имѣній были пожалованы разнымъ вліятельнымъ лицамъ какъ русскимъ, такъ и нѣмцамъ *). Но балтійскіе дворяне старались устранить русскихъ пришельцевъ, покупая у нихъ имѣнія, и такимъ путемъ увеличивали свое богатство и могущество. Въ то же время дворяне стали стремиться къ устраненію бюргеровъ изъ землевладѣнія. Въ аккордныхъ пунктахъ 1710 года дворянство выговорило себѣ исключительное право покупки и пріема въ залогъ имѣній. Но въ договорѣ съ городомъ Ригой то же право утверждено было для рижскихъ бюргеровъ. Вслѣдствіе противорѣчія привилегій начались долгіе споры между бюргерами и дворянами. Уполномоченный Петра Великаго баронъ Левенвольде въ 1711 г. рѣшилъ споръ въ пользу дворянъ и предложилъ бюргерамъ продать имѣнія за покупную сумму съ вознагражденіемъ всѣхъ расходовъ. Но резолюція Левенвольде имѣла характеръ частнаго мнѣнія, а не закона, и самъ Петръ впослѣдствіи далъ право на покупку имѣній бюргерамъ Дерпта. Преемница Петра Екатерина I въ 1725 г. предоставила лифляндскимъ дворянамъ преимущественное право аренды казенныхъ имѣній и при покупкѣ дворянскихъ имѣній. Такое рѣшеніе, конечно, не могло удовлетворить ихъ. Они добились своего по закону 18 января 1741 года, который далъ имъ исключительное право на аренду казенныхъ имѣній, а вопросъ о бюргерскомъ землевладѣніи былъ рѣшенъ

*) Въ теченіе XVIII вѣка русское правительство роздало въ Лифляндіи 209 имѣній, пространствомъ болѣе $^1/_3$ всей земельной площади Лифляндіи. Изъ нихъ менѣе половины досталось русскимъ вельможамъ, большею частью Елизаветинскаго времени. Но русскіе дворяне не имѣли никакой склонности заниматься хозяйствомъ и участвовать въ самоуправленіи. Поэтому они охотно продавали имѣнія мѣстнымъ дворянамъ. Въ настоящее время въ Лифляндіи осталось всего 86 казенныхъ имѣній.

только въ царствованіе Екатерины II, когда въ 1789 г. въ силу общерусскаго закона о запрещеніи недворянамъ покупать крѣпостныхъ, — лифляндскій гофгерихтъ сталъ отказывать бюргерамъ въ укрѣпленіи за ними дворянскихъ имѣній. Одновременно дворянство стремится устранить бюргеровъ изъ земскаго самоуправленіи. Въ 1730 г. оно возбудило притязаніе на избраніе членовъ лангерихтовъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ послѣдніе назначались гофгерихтомъ и не только изъ дворянъ. Юстицъ-коллегія въ 1739 г. рѣшила вопросъ въ пользу дворянъ. Въ силу этого земскіе суды очутились въ зависимости отъ дворянъ и лишились авторитета въ глазахъ другихъ классовъ населенія.

Кромѣ бюргеровъ у дворянъ появился другой, болѣе опасный врагъ — чиновное и пришлое дворянство. Извѣстно, что по табели о рангахъ Петра Великаго офицерскій чинъ давалъ потомственное дворянство. Такимъ путемъ всякій чиновникъ могъ сдѣлаться русскимъ дворяниномъ и получить право на пріобрѣтеніе имѣній и на участіе въ самоуправленіи; а это угрожало земельному могуществу и нѣмецкой національности лифляндскаго дворянства. Чтобы оградить себя отъ постороннихъ элементовъ и охранить нѣмецкій характеръ дворянской корпораціи, лифляндскій ландтагъ 1727 года возбудилъ ходатайство предъ правительствомъ объ учрежденіи дворянскаго матрикула, т. е. списка родовъ, принадлежащихъ къ дворянской корпораціи. Съ одобренія генералъ-губернатора Ласси это ходатайство удостоилось въ Петербургѣ утвержденія, и для составленія матрикула была образована въ 1732 году комиссія подъ предсѣдательствомъ ландрата де-ла-Барра. Правительственнымъ указомъ предписывалось, чтобы всякій, кто имѣетъ притязаніе на лифляндскій индигенатъ, представилъ въ комиссію въ теченіе года соотвѣтствующіе документы, каковы: дворянскіе дипломы, дарственныя или купчія грамоты на владѣніе имѣніями, родословныя таблицы, доказывающія происхожденіе отъ дворянскихъ предковъ, и пр. Работы комиссіи были закончены 29 іюня 1747 года, и составленный лифляндскій матрикулъ получилъ утвержденіе. Онъ обнималъ 172 фамиліи, которыя и образовали дворянское сословіе въ тѣс-

номъ смыслѣ (Ritterschaft).*) Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ установленъ сложный порядокъ внесенія новыхъ членовъ въ матрикулъ. Для этого недостаточно было диплома или высочайшаго пожалованія, а потребовалась сложная баллотировка въ общемъ собраніи ландтага, причемъ для принятія необходимо было не менѣе $^3/_4$ присутствующихъ голосовъ. Примѣру Лифляндіи послѣдовалъ Эзель, матрикулъ котораго обнималъ 25 фамилій. Въ Эстляндіи къ составленію матрикула приступили въ 1744 г., когда была учреждена комиссія, закончившая свои работы въ 1756 г., а въ 1761 г. былъ утвержденъ правительствомъ списокъ 127 фамилій.

Учрежденіе матрикула имѣло большія послѣдствія въ жизни Прибалтійскаго края. Первоначально съ матрикуломъ не было связано никакихъ политическихъ цѣлей. Всякій землевладѣлецъ, если онъ могъ доказать свое дворянство, имѣлъ право быть внесеннымъ или не внесеннымъ въ матрикулъ и съ этимъ не было соединено ни увеличенія, ни уменьшенія правъ. Совершенно измѣнилось дѣло послѣ завершенія матрикула. Образовалась противоположность между матрикулированнымъ дворянствомъ, которое одно имѣло притязаніе на индигенатъ, и нематрикулированнымъ, которое считалось не имѣющимъ индигената. Замкнутая такимъ путемъ корпорація матрикулированнаго дворянства заявляла притязанія на всѣ присвоенныя дворянству привилегіи, именно, на право землевладѣнія и участія въ ландтагахъ и на замѣщеніе должностей изъ своей среды; а нематрикулированные дворяне были поставлены наравнѣ съ городскими землевладѣльцами. Эти притязанія скоро получили силу закона. Въ Эстляндіи по земскому уставу 1756 г. въ ландтагѣ участвовали только члены матрикулированнаго дворянства, а нематрикулированные владѣльцы имѣній не имѣли никакого доступа (такъ же, какъ и въ Курляндіи). Въ Лифляндіи новое по-

*) Эти 172 фамиліи раздѣлялись на 5 классовъ: къ I кл. принадлежали 52 рода изъ эпохи Ливонскаго ордена; ко II кл. — 16 фамилій изъ польскаго періода; къ III кл. — 45 фамилій изъ шведскаго; къ IV кл. относились всѣ, которые пріобрѣли индигенатъ между 1710 и 1747 гг. къ V кл. — всѣ роды, принятые послѣ 1747 г.

ложеніе о земскомъ устройствѣ было издано въ 1759 г. По этому положенію ландтагъ собирается одинъ разъ въ три года, и на засѣданія его обязательно должны являться всѣ лица, принадлежащія къ дворянской корпораціи, подъ страхомъ значительнаго штрафа. Арендаторы и нематрикулированные землевладѣльцы могутъ посѣщать засѣданія, но въ случаѣ отсутствія штрафу не подвергаются. Они пользуются правомъ голоса лишь при установленіи поземельныхъ налоговъ. Въ выборахъ же на земскія и судебныя должности участвуютъ только матрикулированные дворяне, которые одни имѣютъ право быть избранными. Благодаря этому земское представительство принимаетъ чисто дворянскій характеръ. Предсѣдатель ландтага — ландмаршалъ (въ Лифляндіи), по уставу 1759 г., не имѣлъ административныхъ обязанностей и долженъ былъ заботиться предъ правительствомъ о сохраненіи правъ и преимуществъ дворянства. Поэтому онъ нерѣдко жилъ въ столицѣ и являлся какъ бы посланникомъ своего дворянства. Ландратская коллегія, состоявшая изъ 12 пожизненныхъ ландратовъ, должна была наблюдать „за всѣмъ, что относится къ благу страны и къ сохраненію привилегій“. Это было чисто дворянское учрежденіе, какъ бы спеціально устроенное для обезпеченія вліянія дворянства на управленіе краемъ.*) Ландратская коллегія завѣдывала почти

*) Въ XVIII вѣкѣ ландратская коллегія въ Лифляндіи была тѣсно связана со всѣми вѣтвями управленія: 3 члена ея засѣдали въ высшемъ судѣ — гофгерихтѣ; одинъ ландратъ былъ предсѣдателемъ евангелической оберъ-консисторіи; 4 являлись главными церковными попечителями 4 уѣздовъ и вмѣстѣ составляли главный комитетъ по управленію народными школами; 1 ландратъ завѣдывалъ почтовымъ дѣломъ и 1 былъ главнымъ инспекторомъ дворянскихъ имѣній (пожалованныхъ Екатериной I для содержанія ландратской коллегіи). Пользуясь огромнымъ значеніемъ на ландтагѣ, ландраты оказывали рѣшительное вліяніе при выборѣ должностныхъ лицъ. Вотъ почему генералъ-губернаторы обращались за содѣйствіемъ къ ландратамъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ, напр., относительно налоговъ, поставки подводъ и рабочихъ и пр. Если же принять во вниманіе, что вначалѣ часто губернскіе совѣтники и генералъ-директоръ экономіи были изъ ландратовъ, то можно сказать, что послѣдніе являлись настоящими правителями страны. — Очередной ландратъ завѣдывалъ текущими дѣлами: содержаніемъ дорогъ, собираніемъ казенныхъ податей и земскихъ сборовъ и пр. Въ настоящее время послѣ преобразованія полиціи и судовъ значеніе ландратской коллегіи уменьшилось.

всѣми отраслями гражданскаго управленія параллельно съ правительственными органами и являлась какъ-бы вторымъ правительствомъ, иногда съ большей властью, чѣмъ какая была предоставлена губернаторамъ и вице-губернаторамъ. Но ландраты не управляли всѣ вмѣстѣ, а по очереди, такъ что исполнительнымъ органомъ дворянства была не вся коллегія, а очередной ландратъ (residirender Landrath), который завѣдывалъ всѣми текущими дѣлами. Кромѣ ландратской коллегіи органомъ дворянства въ Лифляндіи является, по уставу 1759 г., дворянскій конвентъ, собиравшійся въ промежутокъ между двумя ландтагами и состоявшій изъ уѣздныхъ депутатовъ, выбираемыхъ ландтагомъ по 1 или по 2 отъ уѣзда, депутатовъ дворянской кассы и изъ ландратовъ подъ предсѣдательствомъ ландмаршала. Конвентъ долженъ былъ подготовлять вопросы, вносимые на разсмотрѣніе ландтага, и обсуждать неотложныя дѣла, но онъ не могъ вводить новаго обложенія. Лифляндскому конвенту соотвѣтствуютъ дворянскіе комитеты въ Эстляндіи и Курляндіи, состоявшіе тоже изъ уѣздныхъ депутатовъ или маршаловъ.

Такимъ образомъ послѣ учрежденія матрикула, характеръ прибалтійскаго самоуправленія совершенно измѣнился: изъ земскаго оно сдѣлалось сословнымъ и дворянскимъ; его дѣйствительное основаніе — владѣніе землей отступило на задній планъ и замѣнилось фиктивными преимуществами древности и знатности рода. На мѣсто „дворянства и земства“, которыя до сихъ поръ дружно руководили судьбами Лифляндіи, выступаетъ теперь матрикулированное дворянство, стремившееся расширить свои фамильные интересы на счетъ прочихъ дворянъ и землевладѣльцевъ. Но эти притязанія вызвали раздѣленіе и вражду среди землевладѣльческаго сословія. Въ Эстляндіи (какъ и въ Курляндіи) число недворянскихъ землевладѣльцевъ было незначительно, потому что бюргеры съ давняго времени были устранены отъ землевладѣнія. Поэтому тамъ легко приспособились къ новому порядку. Но въ Лифляндіи начинаются безконечные столкновенія и споры, потому что многочисленные нематрикулированные землевладѣльцы не могли примириться съ устраненіемъ ихъ отъ самоуправленія и съ ограниченіемъ своихъ правъ. Главнымъ предметомъ спо-

ра былъ вопросъ о землевладѣніи, которое хотѣли сдѣлать монополіей полусотни старыхъ фамилій. Враждующія стороны обратились къ правительству. Генералъ-губернаторъ графъ Броунъ рѣшилъ споръ въ томъ смыслѣ, что за кореннымъ дворянствомъ было признано право покупки и пріема въ залогъ имѣній въ теченіе срока 1 годъ 6 мѣсяцевъ и 3 дня, по истеченіи котораго имѣніе могло быть куплено нематрикулированнымъ лицомъ. Такимъ образомъ вмѣсто исключительнаго права владѣнія имѣніями матрикулированное дворянство получило лишь преимущественное право *). Взаимная вражда среди первенствующаго сословія истощала жизненныя силы и отравляла общественную жизнь страны. Всѣ недовольные элементы, устраненные отъ общественныхъ интересовъ и отъ пользованія многочисленными правами, не признавали никакихъ обязанностей къ странѣ, гдѣ они являлись пасынками; они старались вредить своимъ противникамъ всѣми средствами и вмѣшивали въ эти споры правительство, результатомъ чего было, какъ мы увидимъ, крушеніе стараго провинціальнаго строя въ царствованіе Екатерины II.

Города.

Въ то время какъ землевладѣльческое дворянство чрезвычайно усилилось и захватило въ свои руки все

*) Всѣ преимущества матрикулированнаго дворянства послѣ кратковременнаго уничтоженія ихъ Екатериной II сохранились въ XIX ст. и вошли въ „Сводъ мѣстныхъ узаконеній“ 1845 г., по которому право пріобрѣтать имѣнія въ Курляндіи, Эстляндіи и о. Эзелѣ было предоставлено только матрикулированному дворянству, а въ Лифляндіи — вообще потомственнымъ дворянамъ съ тѣмъ ограниченіемъ, что матрикулированные дворяне имѣютъ право выкупа въ теченіе извѣстнаго срока (1 г. 6 м. 3 дня). Но послѣ аграрныхъ реформъ 60 годовъ само дворянство отказалось отъ своихъ исключительныхъ правъ, и по ходатайству курл. и лифл. дворянства въ 1866 г., а эстл. и эзельскаго — въ 1869 г. высочайше разрѣшено было въ Прибалтійскомъ краѣ пріобрѣтать имѣнія всякаго рода въ полную собственность лицамъ всѣхъ сословій христіанскаго исповѣданія. Тогда прекратилась долголѣтняя борьба между дворянствомъ и бюргерами, а также между различными разрядами дворянъ. Послѣ этого ландтагъ принялъ снова земскій характеръ съ участіемъ всѣхъ землевладѣльцевъ, но земское представительство (ландратская коллегія, конвентъ и пр.) сохраняетъ свой дворянскій характеръ, и крестьяне не имѣютъ доступа въ ландтагъ.

управленіе страной, — городская жизнь въ Прибалтійскомъ краѣ въ началѣ XVIII вѣка приходитъ въ упадокъ. Мелкіе города (какъ напр., Феллинъ, Венденъ, Валкъ) потеряли значеніе еще въ шведскую эпоху вслѣдствіе прекращенія торговли и были розданы во владѣніе шведскимъ вельможамъ. Послѣ же опустошеній Сѣверной войны они никакъ не могли оправиться и даже не имѣли собственныхъ магистратовъ. Но и большіе приморскіе города — Рига, Перновъ и Ревель, которые процвѣтали при шведскомъ владычествѣ, тоже пришли въ упадокъ. Кромѣ конкуренціи Петербурга, привлекавшаго льготами иностранныхъ купцовъ, здѣсь играли роль неблагопріятныя условія торговли. Старыя торговыя сношенія (съ Швеціей) прекратились, а новыя еще не наладились. Прибалтійскія провинціи были отдѣлены таможенными границами не только отъ иностранныхъ государствъ, но и отъ русскихъ областей, съ таможнями въ Нарвѣ и Псковѣ. Сохранившіяся здѣсь шведскія таможенныя учрежденія и тарифы были неудобны тѣмъ, что взималось большое число пошлинъ и притомъ не только съ привозныхъ, но и съ вывозимыхъ товаровъ. Хлѣбная торговля, которая играла важную роль въ то время, стѣснялась частыми запрещеніями со стороны русскаго правительства вывоза хлѣба заграницу, что бывало въ случаѣ неурожая въ Россіи. Въ лучшихъ условіяхъ находилась Рига, благодаря своей торговлѣ съ Польшей: по рѣкѣ Западной Двинѣ вывозилось изъ Бѣлоруссіи и Литвы черезъ Ригу много льна и льняного сѣмени (въ среднемъ 130 тыс. тоннъ въ годъ); туда же главнымъ образомъ сбывали рижскіе купцы привозимые изъ-за границы товары. Вотъ почему Рига была самымъ богатымъ изъ прибалтійскихъ городовъ и средоточіемъ нѣмецкаго бюргерства. Мы опишемъ городское устройство Риги въ XVIII вѣкѣ, которое является типичнымъ для всѣхъ городовъ Прибалтійскаго края.

Городское устройство Риги, какъ и другихъ прибалтійскихъ городовъ, было основано на различіи между полноправными гражданами, или бюргерами, и простыми обывателями. Бюргерамъ принадлежало не только участіе въ управленіи городомъ, но и разныя экономическія преимущества, именно, исключительное право заниматься торго-

влей и ремеслами и право на вспомоществованіе въ случаѣ нужды въ городскихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Простые же обыватели были лишены всѣхъ этихъ правъ. Но бюргеры не были всѣ равны, а раздѣлялись на многія сословія и корпораціи съ различными правами. Во главѣ города стоялъ магистратъ, или совѣтъ (Rath), въ составъ котораго входили 4 бургомистра и 14 ратсгеровъ, выбиравшихся пожизненно, отчасти изъ купцовъ, отчасти изъ ученыхъ юристовъ („литератовъ"). Магистратъ представлялъ собою и высшую власть и первое сословіе въ городѣ. Онъ завѣдывалъ всѣми отраслями городского управленія, включая сюда судъ, полицейское и таможенное дѣло, а также управленіе рижской крѣпостью. Магистратъ назначалъ всѣхъ городскихъ чиновниковъ и судей, учителей и пасторовъ. Въ полномъ собраніи онъ былъ и высшимъ мѣстомъ управленія и судомъ второй инстанціи.*) Магистратъ представлялъ собою замкнутую корпорацію и самъ пополнялъ себя, причемъ „литераты" выбирались имъ изъ секретарей и нотаріусовъ собственной канцеляріи, а купеческіе члены — изъ старшинъ большой гильдіи. Итакъ, магистратъ былъ высшее, именно, правящее сословіе въ городѣ. Второе сословіе бюргеровъ составляла большая гильдія, въ которую входили купцы, ученые свѣтскаго и духовнаго званія и художники; самостоятельное мѣсто въ ней занимала компанія мелочныхъ торговцевъ (Krämer-Compagnie). Во главѣ гильдіи находилась скамья старшинъ (около 40 человѣкъ), которые выбирались по мѣрѣ открытія вакансіи и составляли какъ бы выборный комитетъ, сносившійся съ магистратомъ по всѣмъ торговымъ дѣламъ. Скамья старшинъ выбирала эльтермана, или предсѣдателя гильдіи, а прочіе бюргеры — докмана, который являлся ихъ представителемъ и ходатаемъ. Всѣ эти лица утверждались магистратомъ. Большая гильдія собиралась два раза въ году подъ предсѣдательствомъ эльтермана и докмана для выбора должностныхъ лицъ и для обсужденія торговыхъ дѣлъ; при этомъ составлялись предложенія и просьбы, которыя передавались магистрату. Купцы большой гильдіи имѣли исключительное право покупать товары изъ первыхъ

*) Низшіе городскіе суды были слѣдующіе четыре: веттный (коммерческій), кемерейный, фохтейскій и ландфохтейскій.

рукъ — отъ иностранныхъ купцовъ или съ кораблей, и полученные товары продавать внутри страны въ розницу или отправлять заграницу. Въ отношеніи торговли всѣ бюргеры большой гильдіи пользовались равными правами, но изъ нихъ выдѣлялись такъ называемые „братья", которые составляли замкнутое общество внутри гильдіи и присвоили себѣ право на занятіе различныхъ доходныхъ должностей по городскому управленію. Въ большую гильдію входили только женатые купцы, а холостые образовали особую корпорацію Черноголовыхъ, которая имѣла собственнаго эльтермана и собственное помѣщеніе („домъ Черноголовыхъ"). Третье сословіе — малая гильдія состояла изъ ремесленниковъ (за исключеніемъ часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которые какъ художники принадлежали къ большой гильдіи) и имѣла одинаковое устройство съ большой гильдіей, т. е. дѣлилась на старшинъ, братьевъ и простыхъ членовъ, выбирала эльтермана и докмана и собиралась одинъ разъ въ годъ. Ремесленники малой гильдіи раздѣлялись на цехи, связанные многочисленными цеховыми предписаніями („шрагами"); они пользовались исключительнымъ правомъ на занятіе своимъ ремесломъ, такъ что кромѣ нихъ не могло быть ремесленниковъ въ городѣ и учрежденіе новыхъ цеховъ не дозволялось. Цехи состояли изъ мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ; въ составъ малой гильдіи входили только мастера. Каждый цехъ имѣлъ во главѣ эльтермана съ двумя помощниками, которые разбирали споры между мастерами и подмастерьями. Чтобы сдѣлаться мастеромъ и получить право открыть мастерскую, надо было сперва выучиться ремеслу у мастера, потомъ послужить нѣкоторое время подмастерьемъ, затѣмъ нѣсколько лѣтъ странствовать, а по возвращеніи выдержать испытаніе, угостить всѣхъ мастеровъ и внести значительную денежную сумму. Вотъ почему полученіе званія мастера требовало чрезмѣрныхъ расходовъ и было для многихъ недостижимо. Вслѣдствіе ограниченной конкуренціи работа цеховыхъ ремесленниковъ ухудшалась, а цѣны возвышались. Отсюда можно видѣть, какими искусственными преградами было стѣснено развитіе промышленной и общественной жизни и какъ безусловно зависѣло каждое лицо отъ произвола различныхъ обществъ и корпорацій.

Магистратъ и гильдіи составляли полноправное бюргерство, въ рукахъ котораго находилось все управленіе городомъ. Если возникало какое-либо дѣло, то обѣ гильдіи собирались отдѣльно и обсуждали его, а затѣмъ постановленное рѣшеніе сообщалось эльтерманами магистрату. То мнѣніе, къ которому присоединялся магистратъ, получало силу закона. Для управленія отдѣльными отраслями городского хозяйства были основаны различныя коллегіи, составленныя изъ всѣхъ городскихъ сословій. Самая важная изъ нихъ — это коллегія кассы, которая состояла изъ 12 членовъ (2 отъ магистрата и по 5-ти отъ гильдій) и завѣдывала всѣми городскими доходами, какіе получались изъ городскихъ имѣній, отъ таможенныхъ сборовъ, городскихъ вѣсовъ и проч. Коллегія кассы сдавала имѣнія въ аренду и принимала отчеты управителей, также исполняла всѣ городскія работы и подряды въ пользу города. Касса-коллегія первоначально никому не давала отчета и, по свидѣтельству Нейендаля, вела свои дѣла не особенно добросовѣстно: не было строгаго надзора за городскими работами, иногда сами члены коллегіи брали на себя городскіе подряды; „вообще были слишкомъ снисходительны къ лѣности, нерадѣнію и обману.“ Кромѣ касса-коллегіи образовались еще по такому же способу коллегіи для завѣдыванія квартирной повинностью, городскими лугами, школами, благотворительными учрежденіями и пр. Словомъ, все управленіе въ городѣ было устроено корпоративно.

Полноправными бюргерами могли быть лица нѣмецкаго происхожденія и лютеранской вѣры, которыя родились въ Ригѣ и изучали здѣсь торговое или ремесленное дѣло. Поэтому не допускались къ бюргерскому праву (до 1767 г.) ни латыши, ни русскіе, ни евреи, хотя бы они постоянно жили въ городѣ. Всѣ эти жители являлись негражданами, или просто обывателями (Beiwohner). Они не принимали участія въ городскомъ управленіи, но имъ было позволено владѣть въ городѣ и его округѣ домами и землей и заниматься мелкими промыслами и ручной работой.*) Кромѣ

*) Однако эти права не были обезпечены, потому что полноправные бюргеры, боясь соперничества въ дѣлѣ торговли и ремеслъ, старались притѣснять обывателей. Въ 1735 г. всѣмъ форштатскимъ жителямъ было строго запрещено заниматься торговлей. Въ 1738 г. магистратъ, по тре-

этихъ постоянныхъ жителей въ Ригу пріѣзжали по торговымъ дѣламъ изъ-за границы или изъ другихъ городовъ Россіи купцы и жили здѣсь, не вписываясь въ число бюргеровъ. Эти пріѣзжіе купцы считались иноземцами (Fremden) и не имѣли никакихъ правъ: они не могли владѣть домами и землями; продавать свои товары имъ разрѣшалось только оптомъ и то лишь рижскимъ бюргерамъ; также покупать товары для вывоза они могли только у мѣстныхъ купцовъ. Никакой иноземецъ не имѣлъ права покупать прямо изъ кораблей соль и селедки или другіе товары, а также перепродавать ихъ. Всѣ привозные товары должны были нѣкоторое время оставаться въ городѣ (Stapelrecht — складочное право). На положеніи иноземцевъ были крестьяне, которые приходили въ городъ со своими продуктами: они могли ихъ продавать не прямо потребителямъ, а особымъ крестьянскимъ торговцамъ (Bauernhändler), съ которыми прежде имѣли дѣло и „въ чьихъ книгахъ были записаны“. По отношенію къ иноземцамъ были позволительны всякія злоупотребленія и обманъ: для нихъ существовали особый вѣсъ и особая такса.*) Особенно тяжело было положеніе русскихъ въ Ригѣ. По мѣрѣ усиленія торговыхъ сношеній съ Россіей число русскихъ купцовъ въ Ригѣ постоянно возрастало: они выстроили 15 амбаровъ для склада товаровъ и новый гостиный дворъ (на Московскомъ форштатѣ), отчего городъ, конечно, выигралъ. Правительственный указъ 1728 г. подтвердилъ право русскихъ купцовъ торговать въ Ригѣ всякими товарами съ уплатой обыкновенныхъ податей. Въ первое время русскіе купцы

бованію гильдій, издалъ предписаніе, чтобы всѣ обыватели финскаго происхожденія (т. е. латыши) продали въ теченіе года гражданамъ принадлежащіе имъ участки земли. А когда это предписаніе не было исполнено, то началась конфискація земли, несмотря на заступничество генералъ-губернатора. Въ 1742 г латышскимъ и русскимъ обывателямъ было запрещено пользоваться городскими лугами. Такими стѣсненіями умышленно держали въ нищетѣ и систематическомъ угнетеніи тѣхъ жителей, которые въ силу происхожденія или вѣроисповѣданія были лишены возможности вступить въ число бюргеровъ.

*) Напр., употреблявшійся въ Лифляндіи лисфунтъ имѣлъ обыкновенно 20 фунтовъ. Но городской законъ допускалъ, что лисфунтъ льна, который крестьянинъ привозилъ въ городъ, содержалъ 25 фунтовъ, а лисфунтъ соли, который онъ получалъ, обычно имѣлъ 15—18 фунтовъ. Eckardt, Livland im 18. Jahrhundert, S. 465.

находились подъ управленіемъ и судомъ русскаго чиновника, назначеннаго Петромъ Великимъ оберъ-инспектора магистрата Ильи Исаева, и составляли отдѣльное общество, независимое отъ городского управленія. Это имѣло для русскихъ то удобство, что попеченіе правительства обезпечивало имъ равенство съ нѣмецкими бюргерами. Русскіе купцы, не только рижскіе, но и пріѣзжіе, допускались иногда къ городскимъ совѣщаніямъ и выборамъ. Но нѣмецкіе бюргеры старались всячески вредить русскимъ и ограничить ихъ торговую дѣятельность.*) Съ изданіемъ рижскаго торговаго устава 1765 года положеніе русскихъ купцовъ и обывателей значительно ухудшилось: отдѣльное ихъ общество уничтожалось и они были подчинены суду магистрата. Русскимъ торговцамъ запрещалось разносить товары по улицѣ, а пріѣзжіе русскіе купцы должны были складывать свои товары въ амбарахъ рижскихъ бюргеровъ внутри города и не имѣли права отправлять ихъ за границу.

Притѣсненіе иностранныхъ и русскихъ купцовъ причиняло большой вредъ рижской торговлѣ, потому что отнимало у иностранныхъ капиталистовъ охоту поселяться въ Ригѣ. Если присоединить сюда тяжесть таможенной системы и злоупотребленія городскихъ вѣсовщиковъ и браковщиковъ, то будетъ понятно, почему торговля въ Ригѣ не могла такъ быстро развиваться, какъ въ Петербургѣ, который былъ свободенъ отъ цехового строя и въ торговомъ отношеніи далеко опередилъ Ригу, не говоря уже о другихъ прибалтійскихъ городахъ. Русскіе и польскіе товары, которые могли бы итти черезъ рижскую гавань, однако, предпочитали направляться въ Петербургъ и прусскія гавани. Въ то время какъ вездѣ въ Европѣ уже находилъ признаніе принципъ промышленной свободы, — прибалтійскіе города искали спасенія въ еще большей замкнутости. Каждая корпорація ревностно охраняла свои права и привилегіи, что приводило къ постояннымъ су-

*) Въ 1742 г. большая гильдія хотѣла запретить русскимъ торговать у городскихъ воротъ. Въ 1739 г. генералъ-губернаторъ Ласси тщетно ходатайствовалъ о разрѣшеніи русскимъ покупать въ городѣ дома и пустыя мѣста. Это право они получили только въ царствованіе Екатерины II по старанію генералъ-прокурора сената князя Вяземскаго.

дебнымъ процессамъ и истощало городскіе финансы. Такія стремленія особенно преобладали въ мелкихъ городахъ, которые въ корпоративномъ строѣ видѣли средство для возстановленія своего прежняго благосостоянія. При каждой перемѣнѣ царствованія города посылали депутаціи въ Петербургъ для утвержденія своихъ привилегій, цѣнность которыхъ была весьма сомнительна, а между тѣмъ поѣздки депутатовъ сопровождались большими расходами. Одно утвержденіе привилегій императрицей Анной въ 1730 г. стоило Дерпту 250 талеровъ — сумма весьма значительная для того времени и для обѣднѣвшаго города. Вопросы заработка вызывали безконечные споры. Купцы добивались прекращенія сельской торговли и запрещенія русскимъ купцамъ торговать нѣмецкими товарами. Цеховые мастера всѣми мѣрами преслѣдовали нецеховыхъ ремесленниковъ (Bönhasen). Если перновскій мясникъ покупалъ въ окрестностяхъ Дерпта пару быковъ или коровъ; если русскій купецъ, который имѣлъ право торговать только мелкими товарами, закупалъ нѣсколько возовъ ржи или ячменя, — тотчасъ разгоралось судебное дѣло, которое даже при благопріятномъ исходѣ стоило въ 10 разъ больше, чѣмъ предметъ спора. Тотъ же духъ своекорыстія и сутяжничества господствовалъ и среди образованнаго сословія — у духовныхъ и ученыхъ лицъ. Одинъ дерптскій пасторъ жаловался магистрату на незаконное поведеніе сосѣднихъ сельскихъ пасторовъ и просилъ запретить имъ исполненіе требъ въ городѣ. Въ 30-ыхъ годахъ произошелъ въ Дерптѣ споръ между бургомистромъ и ассессоромъ ландгерихта о первенствѣ на крестинахъ. Этотъ споръ былъ доведенъ до Петербурга и возбудилъ въ высшихъ русскихъ сановникахъ отвращеніе къ лифляндскимъ спорамъ изъ-за привилегій. Подобные факты показываютъ, что прибалтійское городское устройство какъ бы закончило кругъ своего развитія и находилось въ состояніи полнаго застоя. Въ дѣятельности магистратовъ и гильдій мы не видимъ живого общественнаго духа, а лишь одни мелочныя распри. Дурное управленіе и притѣсненія обывателей вызывали вмѣшательство правительства и требовали реформы.

Крестьяне.

Въ противоположность нѣмецкимъ господствующимъ классамъ, особенно дворянству, положеніе туземнаго крестьянскаго населенія въ XVIII вѣкѣ въ высшей степени ухудшается. Крѣпостное право въ Прибалтійскомъ краѣ сложилось вполнѣ уже въ эпоху Ливонскаго ордена въ XV и XVI вѣкахъ и тогда же возникла характерная особенность прибалтійскаго аграрнаго строя — крупное землевладѣніе не только у помѣщиковъ, но и у крестьянъ, съ существованіемъ сельскихъ безземельныхъ рабочихъ. Въ этомъ отношеніи Прибалтійскій край имѣетъ сходство съ восточной Германіей и Англіей, что объясняется одинаковыми экономическими условіями. Въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ новое время во всѣхъ странахъ, прилегающихъ къ Балтійскому морю, процвѣтала хлѣбная торговля, которая вызвала здѣсь массовое производство хлѣба для продажи по хорошей цѣнѣ. Еще въ XVII вѣкѣ Прибалтійскій край считался житницей Швеціи. Вотъ почему дѣлается выгоднымъ крупное производство какъ въ господскомъ, такъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Помѣщики обезземеливаютъ многихъ крестьянъ и превращаютъ ихъ въ рабочихъ, которыхъ поселяютъ или въ крестьянскихъ усадьбахъ или на собственномъ дворѣ. Въ общемъ въ началѣ XVII вѣка были слѣдующіе разряды крестьянскаго населенія: 1) крестьяне-хозяева, которые владѣли значительными участками земли и сами обрабатывали ее; 2) безземельные батраки, которые жили въ усадьбахъ хозяевъ и получали отъ нихъ содержаніе и плату. Большею частью это были ихъ братья или родственники: когда крестьянинъ умиралъ, онъ оставлялъ хозяйство старшему сыну, а остальныя дѣти должны были жить у послѣдняго въ качествѣ работниковъ и служанокъ. 3) Бѣднѣйшій классъ крестьянскаго населенія — это были бобыли, или лострейберы. Они не имѣли собственности и даже жилища, бродили по странѣ или жили въ тѣсныхъ хижинахъ и баняхъ. Бобылями часто дѣлались больные и старики, вообще неспособные къ работѣ. Нужда въ рабочихъ рукахъ и потребность перемѣщать ихъ изъ одного мѣста въ другое привели ко взгляду на крестьянина какъ на вещь и къ росту крѣпостного права. Насколько велика была власть прибалтій-

скихъ помѣщиковъ въ XVI столѣтіи, видно изъ привилегіи Сигизмунда Августа 1561 года, въ которой польскій король предоставилъ лифляндскому дворянству право уголовнаго суда надъ крестьянами. Подобное же право распоряжаться крѣпостными получило въ томъ же году эстляндское дворянство отъ шведскаго короля Эриха. Но въ XVII вѣкѣ шведское правительство, которое не знало у себя крѣпостного права, стало стремиться къ улучшенію быта прибалтійскихъ крестьянъ. Король Густавъ Адольфъ, учредивши низшіе суды въ уѣздахъ Эстляндіи и Лифляндіи, отнялъ у помѣщиковъ судебную власть надъ крестьянами по уголовнымъ дѣламъ, оставивъ имъ „домашнюю расправу“ (Hauszucht), а крестьянамъ далъ право жаловаться на своихъ господъ. Но въ Эстляндіи шведское правительство не могло широко проявлять своихъ освободительныхъ стремленій, потому что считало себя связаннымъ привилегіями, дарованными въ 1561 году добровольно покорившемуся эстляндскому дворянству. Конфискація дворянскихъ имѣній не миновала Эстляндіи, но здѣсь она проводилась менѣе сурово, чѣмъ въ Лифляндіи. Въ 1695 г. была произведена въ Эстляндіи, въ интересахъ казны, ревизія гакеновъ (податныхъ единицъ), но безъ спеціальнаго измѣренія крестьянскихъ земель; введены были также обязательные вакенбухи съ обозначеніемъ крестьянскихъ повинностей, но такъ какъ послѣдніе не основывались на данныхъ земельнаго кадастра, то и не ограждали крестьянъ отъ увеличенія ихъ повинностей и податей со стороны помѣщиковъ. Иное дѣло мы видимъ въ Лифляндіи, которая была завоевана шведами силою оружія и не добилась утвержденія своихъ правъ и преимуществъ. Поэтому Лифляндія, хотя и подражала своей сосѣдкѣ Эстляндіи въ правахъ и учрежденіяхъ, но опередила ее въ области регулированія отношеній между помѣщиками и крестьянами. Въ 1681 году шведскій король Карлъ XI вмѣстѣ съ редукціей предложилъ лифляндскому дворянству устранить „жалкое рабство и крѣпостничество, которое противорѣчитъ справедливости и христіанскому закону“. Такъ какъ дворянство отклонило это предложеніе, то шведское правительство стало проводить въ Лифляндіи редукцію съ большой энергіей и строгостью; многіе помѣщики лишились своихъ имѣній, но

были оставлены въ нихъ въ качествѣ арендаторовъ съ обязательствомъ уплачивать въ казну 1/3 своихъ доходовъ. Когда въ рукахъ шведскаго правительства сосредоточилось 5/6 всѣхъ лифляндскихъ имѣній, тогда оно было въ состояніи осуществить свои замыслы относительно улучшенія быта крестьянъ. Это вызывалось настоятельной необходимостью, такъ какъ можно было ожидать, что дворяне-арендаторы будутъ перелагать на крестьянъ арендную плату. Для обезпеченія матеріальнаго положенія крѣпостныхъ шведское правительство предпринимаетъ точное опредѣленіе крестьянскихъ повинностей въ полномъ соотвѣтствіи съ доходностью отведенной имъ земли. До сихъ поръ въ Прибалтійскомъ краѣ подати собирались съ гакена, но величина его была неопредѣленная и требовалось установить общую норму его. Въ 1683—87 г.г. происходитъ въ Лифляндіи измѣреніе земель казенныхъ и частныхъ имѣній, причемъ измѣрялась только земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ; господская же земля считалась свободной отъ податей. Съ 1687 г. начинается ревизія гакеновъ и оцѣнка крестьянской земли съ цѣлью установленія размѣра государственныхъ податей и повинностей въ пользу помѣщика. Основы оцѣнки были указаны въ королевской инструкціи для ревизіонной комиссіи (1687 г.). Въ этой инструкціи предписывалось обращать вниманіе не только на количество, но и на качество земли. Чтобы установить качество земли, различали пахатную землю и перелогъ. Пашню по свойствамъ почвы дѣлили на 4 разряда, а перелогъ — на 2 разряда и опредѣляли стоимость каждаго разряда земли въ шведскихъ талерахъ и грошахъ (въ талерѣ — 90 грошей); для оцѣнки же повинностей была составлена такса различныхъ работъ и натуральныхъ оброковъ.*) На основаніи такихъ правилъ вычислялась доход-

*) Въ основу оцѣнки земли положенъ былъ тонштель лучшей пашни (14000 квадр. шведск. локтей = 1/2 гектара, немного меньше 1/2 десятины), на которомъ засѣвается тонна или бочка ржи (5 1/3 четвериковъ) и съ котораго получается, за вычетомъ содержанія крестьянской семьи, тоже одна тонна. Эта тонна оцѣнивается въ 1 шведскій талеръ (около 2 руб. 15 коп.) и, какъ чистый доходъ, причитается помѣщику съ вычетомъ 24% въ государственную казну. Затѣмъ предполагается, что съ пашни 2 разряда получается 5/6 тонны ржи или 75 грошей; съ пашни 3 разряда — 2/3 тонны или 60 грошей и съ пашни 4 разряда — 1/2 тонны

ность каждаго крестьянскаго участка и количество лежащихъ на немъ повинностей и податей. Все это записывалось въ земельную книгу (вакенбухъ), выписки изъ которой вручались крестьянамъ. Для облегченія вычисленій король постановилъ, что 60 талеровъ земли съ соотвѣтствующими повинностями нужно считать за гакенъ. Такимъ образомъ шведскій гакенъ означаетъ количество и качество крестьянской земли и одновременно извѣстную сумму обязанностей крестьянина по отношенію къ помѣщику и государству. Чтобы предотвратить незаконное повышеніе повинностей, шведское правительство въ „регламентѣ для экономій“ (1696 г.) установило за это строгія наказанія. Если арендаторъ вымогаетъ бо́льшую барщину, чѣмъ предписано въ вакенбухѣ, то онъ подвергается тяжелому штрафу въ 2 талера за каждый конный и въ 1 талеръ за каждый пѣшій рабочій день. Чрезвычайныя работы во время сѣнокоса или жатвы должны высчитываться изъ обыкновенной барщины. Такимъ образомъ шведское правительство точно опредѣлило обязанности крестьянъ и дало имъ возможность пріобрѣтать имущество; отняло у помѣщиковъ уголовный судъ и предоставило крестьянамъ право жалобы; запретило не только продажу, но и всякое отдѣленіе крестьянъ отъ земли. Этимъ оно фактически устранило „жалкое рабство и крѣпостничество крестьянъ“, оставивши въ силѣ только прикрѣпленіе къ землѣ. Если

или 45 грошей. Перелогъ 1 разряда считается въ 1/2 соотвѣтствующей пашни, а перелогъ 2 разряда — въ 1/3 пашни. На этихъ произвольныхъ предположеніяхъ основывается вычисленіе доходности каждаго крестьянскаго участка. Что касается таксы крестьянскихъ повинностей, то, напр., лофъ ржи оцѣнивается въ 45 грошей (1 р. 8 к.), лофъ овса — 22 1/2 гроша (54 к.). Лофъ равняется 2 2/3 русскаго четверика. Конный рабочій день оцѣнивается въ 4 гроша (10 к.), пѣшій —въ 3 гроша (7 к.). Очевидно, эти цыфры не опредѣляли и не выдавались за точное опредѣленіе стоимости труда; талеры и гроши служили въ данномъ случаѣ лишь общими знаменателями двухъ несоизмѣримыхъ величинъ — земли и труда. Все-таки оцѣнка работъ въ сравненіи съ стоимостью натуральныхъ продуктовъ была низкая и несправедливая. Въ вакенбухѣ на одной страницѣ вычисляется стоимость различныхъ частей крестьянской земли, а на другой — лежащія на ней работы и натуральныя повинности. Необходимо, чтобы одна страница равнялась другой. 60 талеровъ земли (28 1/2 десятинъ лучшей пашни), равные 60 талерамъ повинностей, признаются за гакенъ.

же принять во вниманіе соціальное расчлененіе крестьянства, то мѣры шведскаго правительства значительно теряютъ свое значеніе, такъ какъ они улучшали положеніе крестьянъ-хозяевъ, но не обезпечивали содержанія батраковъ и лострейберовъ. Самый же главный недостатокъ шведской системы состоялъ въ томъ, что она не устанавливала опредѣленнаго отношенія между барщинными работами и оброками, такъ что помѣщикъ имѣлъ право замѣнять одни другими и, благодаря несправедливой оцѣнкѣ повинностей, могъ обременять крестьянъ работой, не выходя изъ предѣловъ вакенбуха. Напр., помѣщикъ имѣлъ право требовать отбыванія $22^1/_2$ конныхъ дней вмѣсто поставки двухъ сушеныхъ щукъ (1 талеръ), что, конечно, было для крестьянина несравненно тяжелѣе. Затѣмъ шведскіе законы не опредѣляли нормальнаго количества рабочихъ душъ на крестьянскомъ участкѣ. Поэтому было возможно, прирѣзавъ къ крестьянскому двору на нѣсколько талеровъ какой-либо заросли, переложить эти талеры въ рабочіе дни и такимъ образомъ увеличить повинности до размѣра, превышавшаго наличныя рабочія силы. Хотя шведскій кадастръ основывался на произвольныхъ предположеніяхъ и не соотвѣтствовалъ дѣйствительной стоимости крестьянской земли и крестьянскихъ повинностей, — тѣмъ не менѣе онъ заключалъ въ себѣ прочныя основы благосостоянія лифляндскихъ крестьянъ, такъ какъ устанавливалъ точное отношеніе между ихъ правами и обязанностями, между количествомъ и качествомъ крестьянской земли и лежащими на ней повинностями, и строго отдѣляя крестьянскую землю отъ господской, обезпечивалъ пользованіе ею.*)

*) О глубокой обдуманности и послѣдовательности шведскихъ законовъ лучше всего свидѣтельствуетъ ихъ прочность. Созданная шведскимъ правительствомъ система хозяйственныхъ правъ и обязанностей крестьянъ сохранилась въ теченіе столѣтій, несмотря на старанія лифляндскаго дворянства уничтожить ее или скрыть отъ русскаго правительства. Когда въ концѣ XVIII вѣка возникъ въ Лифляндіи крестьянскій вопросъ, то законодательная дѣятельность русскаго правительства направлялась къ возстановленію шведскихъ учрежденій. Положеніе о крестьянахъ 1804 г., какъ мы увидимъ, было составлено по шведскому образцу. Такимъ образомъ въ концѣ XVIII вѣка удалось возстановить созданное Карломъ XI. Даже въ настоящее время система обложенія земель въ Лифляндіи основывается на шведскихъ началахъ, хотя послѣднія уже не соотвѣтствуютъ современнымъ условіямъ.

Къ сожалѣнію, шведское крестьянское законодательство вводилось при неблагопріятныхъ условіяхъ, среди всеобщаго потрясенія и недовольства редукціей и не успѣло оказать благотворнаго вліянія на бытъ крестьянъ: три года (1695—97 г.г.) въ Лифляндіи были неурожаи и голодъ, а затѣмъ началась Сѣверная война, которая прекратила мѣропріятія шведскаго правительства и отдала край во власть Россіи.

Въ XVIII вѣкѣ подъ русскимъ владычествомъ положеніе крестьянъ измѣняется къ худшему и крѣпостное право въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ и во всей Россіи, достигаетъ высшей степени своего развитія. Причиной этого была прежде всего Сѣверная война, которая сопровождалась страшными опустошеніями страны. Замки дворянъ и церкви лежали въ развалинахъ; деревни были сожжены, жители уведены въ плѣнъ. Цѣлые годы ни сѣяли, ни жали, и земледѣліе пало. Крестьяне ютились въ жалкихъ хижинахъ или бродили толпами и скитались въ лѣсахъ, какъ голодные и безпріютные нищіе. Только послѣ заключенія Ништадтскаго мира страна стала отдыхать отъ бѣдствій войны. Но помѣщики, получивши назадъ отобранныя и разоренныя войной имѣнія, стремились извлекать изъ оставшихся крестьянъ какъ можно больше дохода и обременяли ихъ работой. Изъ хозяйственныхъ соображеній они стали переводить крестьянъ съ одного мѣста на другое и распоряжаться ихъ рабочей силой, какъ своей собственностью. Шведская податная система, основанная на доходности крестьянской земли, была оставлена русскимъ правительствомъ. Шведскій гакенъ, представлявшій сумму крестьянскихъ повинностей въ 60 талеровъ, теперь теряетъ прежнее значеніе. У русскаго правительства въ XVIII вѣкѣ не хватало ни знаній, ни средствъ, чтобы измѣрять количество и качество земли, а потому при ревизіяхъ считали число душъ (какъ въ Россіи) и полагали въ Лифляндіи на гакенъ 16 способныхъ къ работѣ человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, между тѣмъ какъ ландратская коллегія просила считать въ гакенѣ 14 взрослыхъ мужчинъ. Въ Эстляндіи считали въ гакенѣ 6 способныхъ къ работѣ мужчинъ (между 15 и 60 годами), а въ приморскихъ мѣстностяхъ 10 мужчинъ. Такое измѣненіе гакена было равно-

сильно увеличенію податей съ обѣднѣвшаго и разореннаго населенія. А такъ какъ за взносъ податей по русскимъ законамъ были отвѣтственны помѣщики, то послѣдніе могли увеличивать власть надъ крестьянами: чѣмъ больше правительство требовало отъ помѣщиковъ, тѣмъ болѣе они притѣсняли крестьянъ. Это было вполнѣ возможно потому, что шведскіе вакенбухи не соблюдались ни помѣщиками, ни правительствомъ, и барщина не была ограничена. Но болѣе всего способствовала эксплоатаціи крестьянъ тогдашняя система сельскаго хозяйства. Преобладающимъ занятіемъ было земледѣліе, которое состояло исключительно въ производствѣ хлѣба — ржи, пшеницы, ячменя, потому что хлѣбъ оставался главнымъ предметомъ торговли, какъ и въ предшествующія столѣтія. Скотоводство и разведеніе льна только-что начинались. Помѣщики продавали свой хлѣбъ городскимъ купцамъ или заграницу, на что они имѣли право по шведскимъ законамъ. Но хлѣбная торговля затруднялась, какъ мы видѣли, частыми запрещеніями вывоза хлѣба и злоупотребленіями купцовъ, которые особенно обижали крестьянъ, назначая низкія цѣны на хлѣбъ. Изъза этого происходили постоянные споры и столкновенія между дворянствомъ и бюргерами. Поэтому помѣщики предпочитали излишки хлѣба употреблять на винокуреніе и производили много спирта и водки, которые сбывали въ Польшу, Литву и за границу. Хотя въ Россію было запрещено ввозить спиртные напитки, но все-таки они проникали туда изъ Прибалтійскаго края контрабаднымъ путемъ. Обработка полей какъ у крестьянъ, такъ и у помѣщиковъ производилась первобытнымъ способомъ: большею частью господствовала трехпольная система, удобреніе примѣняли мало, а приготовляли поля къ посѣву посредствомъ выжиганія почвы. Помѣщикъ велъ свое крупное хозяйство съ помощью барщиннаго труда крестьянъ, что при грубомъ способѣ земледѣлія требовало большой затраты рабочихъ силъ. Вотъ почему барщина была велика и сильно обременяла крестьянъ. Хотя барщина лежала на крестьянахъ-хозяевахъ, но она исполнялась жившими у нихъ батраками; сами же хозяева большею частью оставались дома и обрабатывали собственную землю. Барщинныя работы раздѣлялись на обыкновенныя (установленныя въ вакенбухѣ) и чрезвычай-

ныя. Обыкновенная барщина состояла изъ пѣшихъ или конныхъ рабочихъ дней. Средній крестьянскій дворъ (1/4 гакена) долженъ былъ поставить помѣщику коннаго работника на весь годъ и пѣшаго — на часть года (съ апрѣля до октября). Пѣшіе и конные работники приходили въ имѣніе въ понедѣльникъ и оставались до субботы, причемъ получали содержаніе отъ крестьянъ-хозяевъ. Работа происходила подъ надзоромъ управляющаго или крестьянскаго старосты, которые имѣли право наказывать лѣнивыхъ рабочихъ. По окончаніи всѣхъ господскихъ работъ батраки должны были помогать хозяину въ обработкѣ его участка и только послѣ этого они могли думать о своемъ огородѣ или о своей лошади и коровѣ. Кромѣ обыкновенной барщины были еще чрезвычайныя повинности: поставка вспомогательныхъ рабочихъ во время жатвы (обычно всѣ крестьяне должны были участвовать въ ней на господскомъ содержаніи) и служанокъ для ухода за скотомъ, исправленіе дорогъ, привозъ строительныхъ матеріаловъ, доставка сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ городъ и пр. Такъ велики были работы и повинности крестьянъ; сверхъ того крестьяне вносили еще оброкъ хлѣбомъ, полотномъ, скотомъ и пр. Считаясь съ вакенбухами, помѣщики въ XVIII вѣкѣ не касались обыкновенной барщины, а вводили или усиливали вспомогательныя повинности и прибѣгали къ нимъ не только во всѣхъ полевыхъ работахъ, но и для винокуренія. Иногда прибавляли крестьянамъ землю, чтобы замаскировать подъемъ повинностей. Подъ предлогомъ короткихъ зимнихъ и осеннихъ дней установили для молотьбы ночную барщину. Всѣ писатели XVIII вѣка единогласно свидѣтельствуютъ о чрезмѣрномъ отягощеніи крестьянъ. Пасторъ Гупель говоритъ: „Ужасное обремененіе крестьянъ составляетъ обычное явленіе, и нужно удивляться, какъ крестьянинъ съ своей женой въ состояніи исполнить всѣ требуемыя работы и еще дома справиться съ собственнымъ хозяйствомъ“.

Описанныя особенности сельскаго хозяйства были одинаковы во всѣхъ прибалтійскихъ провинціяхъ и обусловливали безправное состояніе крестьянъ. Въ Курляндіи, гдѣ въ рукахъ дворянства находилось управленіе страной, власть помѣщиковъ по отношенію къ крестьянамъ была

почти неограниченная. Они могли по своему усмотрѣнію распоряжаться личностью и имуществомъ крѣпостныхъ: по статутамъ герцогства имъ принадлежалъ даже судъ по уголовнымъ дѣламъ (хотя при участіи присяжныхъ изъ крестьянъ). Личность крѣпостного считалась собственностью помѣщика, и случаи продажи отдѣльныхъ крестьянъ безъ земли и даже цѣлыхъ семействъ встрѣчались не рѣдко. Повинности крестьянъ не были нормированы; пользованіе землей не было обезпечено за ними и даже движимое имущество крѣпостныхъ принадлежало помѣщику. Словомъ, въ Курляндіи существовала полная крѣпостная зависимость; но несмотря на это, отношенія между господами и крѣпостными были здѣсь болѣе благопріятныя, чѣмъ въ сосѣднихъ провинціяхъ, потому что эта страна продолжительное время наслаждалась миромъ. Имѣнія не подвергались опустошенію войнъ, военныхъ налоговъ въ герцогствѣ Курляндскомъ не существовало, такъ что не было никакихъ поводовъ къ эксплоатаціи крестьянъ. Безусловная крѣпостная зависимость существовала также въ Эстляндіи, гдѣ еще по шведскому закону 1650 г. „крѣпостные крестьяне съ ихъ имуществомъ находились во власти господъ". Такъ какъ здѣсь не было произведено такой кадастровки земли, какъ въ Лифляндіи, то барщина не опредѣлялась закономъ, права крестьянъ на землю не были обезпечены и продажа крестьянъ дозволялась. Въ Лифляндіи шведское правительство создало прочныя основанія для правовыхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, какихъ не было въ Эстляндіи, которой все время приходилось довольствоваться неудовлетворительными нормами. Но послѣ Сѣверной войны шведскіе законы въ Лифляндіи были устранены, и въ XVIII ст. положеніе крестьянъ во всѣхъ прибалтійскихъ провинціяхъ было сходное. О безотрадности его свидѣтельствуетъ „декларація" лифляндскаго ландрата барона Розена, написанная въ 1739 году въ отвѣтъ на запросъ юстицъ-коллегіи объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами. Въ этой декларації говорится, что крестьяне со времени Ливонскаго ордена остаются „въ совершенномъ крѣпостномъ состояніи" (in einer gänzlichen Leibeigenschaft). Въ прежнія времена дворянство имѣло полное право жизни и смерти надъ своими крестьянами,

но оно „добровольно“ (?) отказалось отъ этого права, такъ что теперь уголовный судъ отправляется „высокой короной“; у дворянъ же, напротивъ, осталась „домашняя расправа“, которой не поставлено никакихъ предѣловъ. Власть помѣщика простирается также на имущество крестьянина, которымъ онъ можетъ распоряжаться по своему произволу, какъ своей собственностью. Относительно крестьянскихъ повинностей Розенъ писалъ, что опредѣленіе ихъ предоставлено благоусмотрѣнію помѣщиковъ, „что они считаютъ приличнымъ требовать отъ крестьянъ“. Изъ приведенной деклараціи лифляндскаго ландрата ясно видно, что въ Лифляндіи въ XVIII в. господствовало полное крѣпостное право, такъ какъ помѣщики вполнѣ распоряжались жизнью и имуществомъ крестьянъ. Правда, въ такъ называемомъ Будбергъ-Шрадерскомъ проектѣ свода мѣстныхъ законовъ (1737 г.) *) крѣпостные крестьяне считаются прикрѣпленными къ землѣ и за ними признается владѣніе движимымъ имуществомъ и условное право наслѣдованія; также разрѣшается имъ жаловаться на злоупотребленія помѣщиковъ. Однако факты показываютъ, что названный проектъ мѣстнаго права изображаетъ идеальныя отношенія, которыя не соотвѣтствовали тогдашней дѣйствительности. Въ общемъ правовое положеніе прибалтійскихъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Крестьяне были лишены всѣхъ правъ, предоставленныхъ имъ шведскимъ правительствомъ и въ томъ числѣ права

*) Въ аккордныхъ пунктахъ 1710 г. было обѣщано Лифляндіи учрежденіе высшаго апеляціоннаго суда и изданіе мѣстнаго земскаго уложенія. Въ то время какъ первая просьба не была совсѣмъ исполнена, относительно второй было разрѣшено при Петрѣ II составить дворянскую комиссію для выработки проекта свода мѣстныхъ законовъ, который и былъ законченъ въ 1737 г. и представленъ ландтагу подъ именемъ „Рыцарскаго и земскаго права герцогства Лифляндскаго“. Проектъ заключалъ въ себѣ какъ порядокъ судопроизводства, такъ и гражданское и уголовное право. Въ выработкѣ этого свода принимали дѣятельное участіе ассессоръ гофгерихта Шрадеръ и баронъ Будбергъ, по имени которыхъ проектъ получилъ свое названіе. Одобренный и исправленный ландтагомъ проектъ былъ посланъ для утвержденія въ Петербургъ. Здѣсь онъ долго пересматривался въ разныхъ комиссіяхъ и съ измѣненіями былъ представленъ въ 1754 г. въ сенатъ, который отложилъ его до изданія общеимперскаго уложенія, а затѣмъ проектъ былъ преданъ забвенію.

жаловаться на своихъ господъ. Помѣщики захватили въ свои руки полицейскую и судебную власть надъ крестьянами и разбирали не только гражданскія, но и мелкія уголовныя дѣла. Впрочемъ, это было отчасти неизбѣжно потому, что полицейскія учрежденія того времени (орднунгсъ-герихты) были слишкомъ обременены разнородными дѣлами. Домашняя расправа помѣщиковъ приводила ко многимъ злоупотребленіямъ, такъ какъ подъемъ барщины требовалъ усиленныхъ мѣръ взысканія. Кромѣ плетей и розогъ въ большомъ количествѣ вошли въ обычай кандалы, сажанье на цѣпь въ холодныхъ помѣщеніяхъ и другія истязанія. Но всѣ эти жестокости, за исключеніемъ выдающихся случаевъ, рѣдко оглашались и доходили до свѣдѣнія правительства. Немногіе писатели XVIII в. (особенно Меркель) расказываютъ намъ о замученныхъ до смерти служанкахъ и работникахъ, о заморенныхъ голодомъ старикахъ и дѣтяхъ и пр. Далѣе, крестьянинъ не былъ обезпеченъ въ пользованіи землей. Крестьянскій участокъ считался собственностью помѣщика, который могъ присоединить его къ господской землѣ, а крестьянина обратить въ батрака, и такіе случаи часто бывали. Личность крестьянина тоже принадлежала помѣщику и была предоставлена его произволу. Помѣщикъ имѣлъ право переводить крестьянина на другой участокъ, брать его дѣтей въ имѣніе для дворовой службы, также обмѣнивать, продавать и дарить своихъ крѣпостныхъ, причемъ часто отдѣлялись дѣти отъ родителей и жены отъ мужей. Продажа крестьянъ открыто производилась на рынкахъ; особенно торговля непристроенными лострейберами считалась вполнѣ дозволительной. Въ Дерптѣ одинъ человѣкъ скупалъ крестьянъ и продавалъ ихъ въ Петербургъ въ рекруты. По свидѣтельству Гупеля, въ 60-ыхъ годахъ за холостого парня платили 30 руб., а если онъ зналъ ремесло, то 100 руб.; дѣвушку продавали за 10 руб., а дѣтей — по 4 руб. Если бывали тяжелыя времена, то вся семья продавалась за 100 рублей *).

*) О продажѣ крѣпостныхъ дѣлались объявленія въ газетахъ. Въ рижской газетѣ „Rigasche Anzeigen“ за 1777—89 г. встрѣчается 5 случаевъ объявленій о продажѣ крѣпостныхъ людей, въ числѣ которыхъ

Такимъ образомъ туземное крестьянское населеніе въ Прибалтійскомъ краѣ въ XVIII вѣкѣ находилось въ безправномъ состояніи и было обременено чрезмѣрными повинностями. Суровое крѣпостное право вредно дѣйствовало на народный характеръ: оно пріучало крестьянина къ лѣности и беззаботности, потому что онъ опасался своимъ прилежаніемъ навлечь на себя еще бо́льшія работы. Надѣясь на помощь помѣщика, крестьянинъ жилъ зимой расточительно, а весной былъ принужденъ питаться хлѣбомъ съ водой, а скотъ кормить соломой. Такъ какъ послѣ тяжелой работы должно слѣдовать освѣженіе, то въ народѣ развивалась наклонность къ пьянству и распущенности. Эта видимая испорченность и неисправимость туземнаго населенія служила для дворянъ предлогомъ для того, чтобы все оставалось по старому. На всѣ предложенія объ улучшеніи быта крѣпостныхъ дворяне отвѣчали жалобами на дикость, лѣность и нечестность латышей и эстовъ, характеръ и наклонности которыхъ будто бы исключаютъ возможность освобожденія. Дворяне однако не подумали, что эти жалобы съ внутренней необходимостью направляются противъ нихъ самихъ, какъ завоевателей и поработителей туземнаго населенія. Если въ XVIII вѣкѣ народъ въ Прибалтійскомъ краѣ одичалъ и развратился, то это объясняется тяжелыми условіями жизни: латыши и эсты были грубы, лживы и суевѣрны, потому что не видѣли человѣческаго отношенія со стороны своихъ нѣмецкихъ господъ. Но въ 30-ыхъ годахъ XVIII столѣтія произошло событіе, которое положило начало нравственному возрожденію туземнаго населенія: это было появленіе и проповѣдь религіозной секты гернгутеровъ.*) До сихъ

предлагались кучеръ съ семействомъ (5 душъ), двѣ дѣвочки 13 и 16 л., кучеръ и служанка съ сыномъ. Ландфогтейскій судъ г. Риги въ 1789 г. объявилъ о публичной продажѣ съ аукціона крестьянъ купца Михаила Первова, именно 2 семействъ русскаго происхожденія и 1 уроженца Эстляндіи. Тобинъ. Лифл. аграрн. законод. т. I, стр. 137.

*) Гернгутерство образовалось изъ общины „моравскихъ братьевъ“, послѣдователей Іоанна Гуса. Когда послѣ Тридцатилѣтней войны на братьевъ были воздвигнуты гоненія въ Богеміи, то нѣсколько семействъ ихъ подъ предводительствомъ плотника Христіана Давида переселились въ 1722 г. въ Лаузицъ (въ Саксоніи) и нашли убѣжище у графа Николая Цинцендорфа. Въ одномъ изъ имѣній послѣдняго — Гернгутѣ (отсюда

поръ туземцы были невѣжественны въ религіозномъ отношеніи: они пассивно воспринимали какъ католическую проповѣдь въ XIII в., такъ и религіозную реформацію XVI вѣка и у нихъ еще сохранялись языческія суевѣрія и обряды. Лютеранскіе пасторы того времени не имѣли вліянія на народъ, потому что они, какъ владѣльцы небольшихъ

произошло названіе секты) возникло средоточіе „возобновленной братской церкви", которая организовалась въ 1727 г. въ законную общину съ древними моравскими формами. Графъ Цинцендорфъ (1700—1760 г.), съ дѣтства отличавшійся религіознымъ настроеніемъ, посвятилъ интересамъ общины всю свою жизнь и все свое состояніе и былъ главнымъ руководителемъ новаго движенія. Братская община быстро увеличивалась притокомъ новыхъ членовъ изъ другихъ вѣроисповѣданій, потому что гернгутеры не требовали отдѣленія отъ единовѣрцевъ, а, напротивъ, совѣтовали посѣщать свои церкви. Къ вопросамъ догматики и къ богословію они относились равнодушно, какъ вещамъ ненужнымъ для спасенія, а старались пробудить сознаніе грѣховности и потребность благодатнаго обновленія. Всякая проповѣдь и наставленіе были направлены къ возбужденію благочестиваго чувства любви ко Спасителю. Этому содѣйствовалъ также характеръ богослуженія съ особой манерой пѣнія, древней литургіей, вечерями любви, умовеніемъ ногъ и пр. Въ Прибалтійскомъ краѣ гернгутеры появились очень рано. Въ 1726 г. прибыло нѣсколько ихъ проповѣдниковъ на островъ Эзель. Въ 1729 г. кремонскій пасторъ пригласилъ въ свой приходъ нѣсколько гернгутерскихъ ремесленниковъ, чтобы они оказывали вліяніе на сельское населеніе. Во главѣ прибывшихъ былъ самъ основатель братской общины Христіанъ Давидъ, отличавшійся краснорѣчіемъ и преданностью религіозному дѣлу. Скоро гернгутеры оставили Кремонъ и, по приглашенію генеральши Галлартъ, поселились въ ея имѣніи около Вольмара, который сдѣлался центромъ гернгутерства въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ 1736 г. посѣтилъ Лифляндію и Эстляндію графъ Цинцендорфъ и былъ радушно принятъ не только своими послѣдователями, но также представителями дворянства и лютеранскаго духовенства (особенно въ Ревелѣ). Но быстрые успѣхи гернгутерскаго ученія и его демократическій характеръ возбудили подозрѣніе среди лютеранскаго духовенства, и по его просьбѣ лифляндскій ландтагъ 1742 г. постановилъ произвести слѣдствіе. Еще до окончанія его указомъ имп. Елизаветы Петровны въ 1743 г. гернгутерскія собранія были запрещены и проповѣдники высланы изъ Россіи. Но имп. Екатерина II въ 1764 г. снова разрѣшила гернгутерамъ переселяться въ Россію и отправлять свое богослуженіе. Въ XIX вѣкѣ гернгутерство особенно распространялось во всей Лифляндіи и Эстляндіи, образовавъ настоящую народную церковь. Но въ 1839 г. опять начинаются гоненія. Замѣчательно, что на почвѣ гернгутерства стало распространяться православіе. Въ 1845 г. гернгутерскій проповѣдникъ Давидъ Баллодъ присоединился къ православной церкви и сдѣлался первымъ православнымъ священникомъ изъ латышей.

церковныхъ имѣній, являлись для крестьянъ тѣми же помѣщиками, иногда весьма суровыми; часто въ церкви они говорили не о христіанскомъ ученіи, а о причитающихся имъ взносахъ и работахъ. Но вотъ появились скромные гернгутерскіе проповѣдники и обратились съ проповѣдью Евангелія къ крѣпостному крестьянству, которое наиболѣе нуждалось въ духовной пищѣ. Естественно, что угнетенные латыши и эсты съ жадностью слушали ихъ проповѣдь и охотно открывали имъ свое сердце. Вездѣ основывались гернгутерскія общины и устраивались собранія, на которыхъ читали библію, пѣли священные гимны и слушали проповѣди. Общины управлялись старшинами и наставниками, выбиравшимися изъ туземцевъ, а духовное руководство принадлежало нѣмецкимъ пресвитерамъ и діаконамъ, пріѣзжавшимъ изъ-за границы. Между нѣмецкими и туземными братьями и сестрами установились довѣрчивыя отношенія, которыя болѣе соотвѣтствовали идеалу христіанской любви и братства, чѣмъ гордое обращеніе пасторовъ. Дѣятельность гернгутеровъ вызвало сильное религіозное возбужденіе во всей странѣ и оказала благотворное вліяніе на народъ. Не только исчезали языческіе обычаи, но и нравы народа смягчались и облагораживались; въ короткое время уменьшились пьянство, распущенность и склонность къ насиліямъ. Неудивительно, что новое ученіе нашло многихъ сторонниковъ и покровителей среди дворянъ и пасторовъ. Впервые подъ вліяніемъ гернгутеровъ пробуждается въ народѣ стремленіе къ образованію. Бородатые мужчины принимались за азбуку; въ зимнихъ гернгутерскихъ школахъ были ученики отъ 16 до 22 лѣтъ; иная мать старалась вмѣстѣ со своими дѣтьми усвоить начальныя основы грамоты. Въ Вольмарѣ была основана латышская учительская семинарія, которая оказала большія услуги народному образованію. Это религіозное рвеніе и горячее стремленіе къ просвѣщенію свидѣтельствовали о богатыхъ дарованіяхъ и способностяхъ туземнаго населенія и внушали друзьямъ его надежду на лучшее будущее вопреки мрачнымъ предсказаніямъ помѣщиковъ.

Мы разсмотрѣли внутреннее состояніе Прибалтійскаго края въ первые 50 лѣтъ русскаго господства, когда рус-

ская правительственная власть не вмѣшивалась во внутреннюю жизнь края. Мы видѣли, что свободная самодѣятельность сословныхъ корпорацій привела къ разложенію общественной жизни. Господствующія сословія съ поразительнымъ упорствомъ отстаивали свои сословные интересы и права, принося имъ въ жертву благо всей страны. Особенно дворянство, въ сознаніи своего преобладающаго положенія, упорно держалось за малѣйшую черту своихъ привилегій. Городскіе бюргеры удалялись отъ всякихъ чужихъ элементовъ и свою гордость ставили въ томъ, чтобы во всемъ имѣть другіе взгляды, чѣмъ дворянство. Каждое сословіе дѣлилось еще на мелкія группы и корпораціи, которыя спорили и враждовали между собой. Враждебныя партіи всѣми мѣрами старались вредить другъ другу и вмѣшивали въ свои споры русскую правительственную власть: неудачи одного сословія вызывали радость въ другомъ. Самымъ же главнымъ зломъ прибалтійской жизни было крѣпостное право, которое являлось опаснымъ для страны вслѣдствіе національнаго различія между господами и крѣпостными. Но какъ дворяне, такъ и бюргеры были противъ всякихъ перемѣнъ изъ опасенія, чтобы не вышло изъ равновѣсія и не рушилось все основанное на привилегіяхъ зданіе стараго провинціальнаго строя.

II. Эпоха правительственныхъ реформъ 1762—1804 г.

Во второй половинѣ XVIII вѣка Прибалтійскій край постепенно освобождается отъ недостатковъ сословно-корпоративнаго и крѣпостного строя и выходитъ на путь свободнаго развитія общественныхъ и экономическихъ силъ. Это прогрессивное движеніе зависѣло главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: распространенія образованія среди господствующаго нѣмецкаго населенія и преобразовательной дѣятельности русскаго правительства.

„Просвѣщеніе“.

Въ XVIII вѣкѣ въ Германіи происходило сильное умственное движеніе. Нѣмецкая литература изъ первона-

чальнаго ничтожества возвысилась до блестящихъ представителей поэзіи и философіи. Такіе мыслители и поэты, какъ Лейбницъ и Вольфъ, Шиллеръ и Гете, оказывали вліяніе на всю Европу. Кромѣ того во всей тогдашней Европѣ пользовалась широкимъ распространеніемъ французская политическая литература XVIII вѣка. Умственное движеніе Германіи и отчасти Франціи отразилось и на Прибалтійскомъ краѣ, который находился въ тѣснѣйшей культурной связи съ Германіей. Въ прибалтійскія губерніи приходили оттуда многіе образованные люди—богословы, учителя, юристы, купцы и распространяли здѣсь просвѣщеніе *). Новыя умственныя идеи не остаются безъ вліянія на общественныя отношенія: именно, поднимается самый насущный вопросъ о крѣпостномъ правѣ.

Сначала въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ и въ Германіи, просвѣщеніе распространялось среди духовенства и дворянъ. Раннимъ представителемъ его является пасторъ въ Торма (недалеко отъ Дерпта) Эйзенъ-фонъ-Шварценбергъ. Пасторъ Эйзенъ былъ извѣстенъ какъ превосходный сельскій хозяинъ, изобрѣтатель сушенія травъ и корней и ревностный распространитель прививки оспы. Онъ много думалъ объ улучшеніи земледѣлія и о положеніи крестьянъ въ Лифляндіи и пришелъ къ мысли, „что крѣпостное право есть первая причина всѣхъ несовершенствъ въ государствѣ.“ Эйзенъ написалъ сочиненіе: „Описаніе крѣпостного права въ Лифляндіи, составленное однимъ лифляндскимъ патріотомъ“ (Eines livländischen Patrioten Beschreibung der Leibeigenschaft, wie solche in Livland über die Bauern eingeführt ist), которое было напечатано въ Петербургѣ въ 1764 г. въ „Сборникѣ русской исторіи“, издававшемся академикомъ Миллеромъ. Въ своемъ сочиненіи Эйзенъ разсматриваетъ положеніе лифляндскихъ крестьянъ

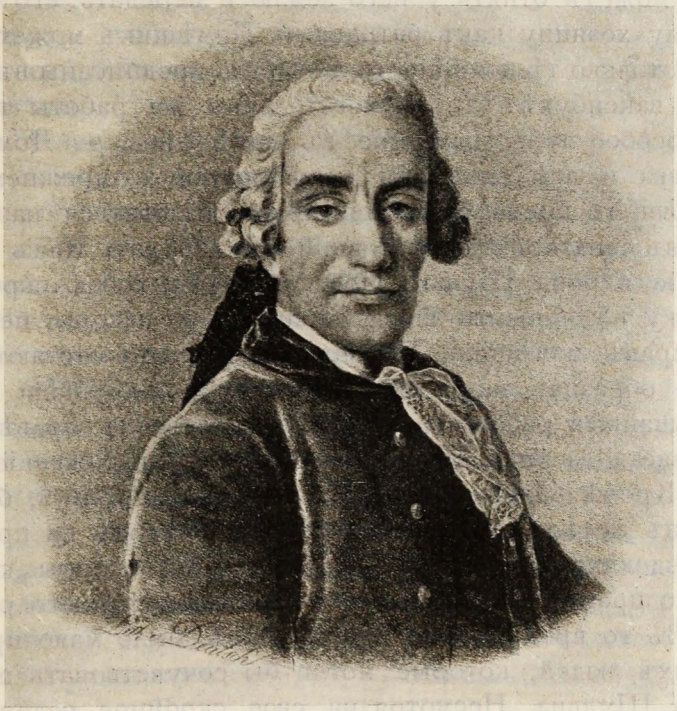
*) Уроженцы сѣверной Германіи, получившіе образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ, оставляли свою родину, которая страдала отъ войнъ и голода, и охотно переселялись въ Лифляндію, которую они назвали „Блифляндіей“ (Blievland, потому что въ ней остается — bleibt — всякій, кто вступилъ въ нее). Такіе переселенцы сначала дѣлались домашними учителями (гофмейстерами) въ домахъ знатныхъ дворянъ. Если кто изъ нихъ изучилъ мѣстные законы или туземные языки, то легко могъ найти мѣсто чиновника или пастора. Къ такимъ переселенцамъ принадлежали Гадебушъ, Гупель, Гарткнохъ и мн. др..

съ экономической точки зрѣнія и обращаетъ вниманіе на ихъ страшную бѣдность, которая проистекаетъ оттого, что они не имѣютъ права собственности на движимое имущество, и помѣщикъ можетъ взять все, что они ни заработаютъ. Землевладѣльцы обременяютъ крестьянъ непосильной работой, такъ что тѣ не успѣваютъ ни сжать свой хлѣбъ, ни скосить сѣно. Помѣщикъ можетъ продавать крестьянъ не только семьями, но и по одиночкѣ, и подвергать жестокому тѣлесному наказанію до лишенія жизни. Пасторъ Эйзенъ утверждаетъ, что положеніе крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ хуже, чѣмъ въ остальной Россіи, потому что русскіе помѣщики имѣютъ обыкновеніе отпускать своихъ крестьянъ на оброкъ. Не требуя немедленнаго уничтоженія крѣпостного права, авторъ считаетъ необходимымъ ограничить его, замѣнивъ барщину денежнымъ оброкомъ и снабдивъ крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли. Взгляды и проекты Эйзена были извѣстны въ Петербургѣ въ высшихъ кругахъ. Съ его сочиненіемъ познакомилась императрица Екатерина II, и оно было первымъ поводомъ къ возбужденію крестьянскаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ.

Современникъ пастора Эйзена баронъ Шульцъ, владѣлецъ имѣній Ремерсгофа и Ашерадена,*) занимаетъ

*) Баронъ Карлъ Фридрихъ Шульцъ родился въ 1720 г. въ отцовскомъ имѣніи Ашераденѣ. Такъ какъ его родители по бѣдности не могли нанять домашняго учителя или послать сына заграницу, то онъ 12-ти лѣтнимъ мальчикомъ былъ отправленъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ основанный Минихомъ сухопутный кадетскій корпусъ. Здѣсь даровитый мальчикъ сумѣлъ уберечь себя отъ вреднаго вліянія окружающей среды и частными уроками пополнялъ свои познанія, особенно во французскомъ языкѣ и французской литературѣ. 19-ти лѣтъ баронъ Шульцъ поступилъ въ драгунскій полкъ, но въ 1743 г. вышелъ въ отставку и поѣхалъ за границу, чтобы искать счастья на иностранной службѣ (именно на французской), по примѣру своего земляка и сосѣда Лаудона, сдѣлавшагося австрійскимъ фельдмаршаломъ. Но извѣстіе о смерти отца остановило его въ Берлинѣ. Онъ вернулся на родину и вступилъ въ управленіе наслѣдственными имѣніями. Здѣсь молодой драгунскій офицеръ сталъ изучать исторію страны и сельское хозяйство и въ короткое время сдѣлался знатокомъ мѣстнаго права и превосходнымъ сельскимъ хозяиномъ. За свои достоинства онъ былъ избранъ въ 1749 г. ландратомъ, а въ 1761—64 гг. былъ депутатомъ лифляндскаго дворянства въ Петербургѣ при вступленіи на престолъ Петра III и Екатерины II и благодаря своей энергіи добился утвержденія дворянскихъ привилегій, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства. Умеръ онъ въ 1782 г.

одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи Прибалтійскаго края. Онъ замѣчателенъ не только своимъ образованіемъ, но и тѣмъ, что свои гуманныя воззрѣнія онъ старался осуществить на практикѣ и улучшить положеніе собственныхъ крестьянъ. Занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, онъ убѣдился что истинная причина бѣдности страны и упадка сельскаго хозяйства заключается въ несвободѣ земледѣльческаго населенія и въ чрезмѣрномъ обремененіи его работами. Отсюда интересы самого помѣщика требовали точнаго опредѣленія количества крестьянской земли и лежащихъ на ней



Баронъ Карлъ Фридрихъ Шульцъ-фонъ-Ашераденъ.

повинностей. Желая дать своимъ имѣніямъ хорошее устройство, баронъ Шульцъ выписалъ изъ Швеціи землемѣра Линдрота, который измѣрилъ господскую и крестьянскую землю въ его имѣніяхъ, что дало возможность точно установить всѣ обязанности крестьянъ по шведской системѣ. Въ 1764 году баронъ Шульцъ составилъ для своихъ крестьянъ законы подъ названіемъ: „Ашераденское и Ремерсгоф-

ское крестьянское право, данное К. Ф. Шульцемъ". Эти законы были переведены на латышскій языкъ, напечатаны и розданы всѣмъ крестьянамъ. Главныя положенія крестьянскаго права барона Шульца суть слѣдующія. 1. Крестьянину принадлежитъ владѣніе движимымъ имуществомъ, но онъ долженъ сохранять его и отвѣчать за долги предъ помѣщикомъ. 2. Крестьянская земля остается собственностью помѣщика; но крестьянину предоставляется наслѣдственное право пользованія ею, если онъ аккуратно исполняетъ всѣ повинности. Въ противномъ случаѣ помѣщикъ можетъ отнять у него землю и передать его самого другому хозяину какъ батрака. 3. Помѣщикъ можетъ требовать только тѣ повинности, которыя предписаны въ шведскомъ вакенбухѣ; за вспомогательныя же работы полагается особое вознагражденіе въ видѣ пива. 4. Домашняя расправа и всѣ наказанія сохраняются по прежнему, но крестьянамъ предоставляется право жаловаться на помѣщика въ ландгерихтъ, состоящій изъ дворянъ. Какъ видно, правила барона Шульца представляютъ собою скромную попытку возобновить шведскіе аграрные законы, не нарушая правъ помѣщика. Но они значительно отстаютъ отъ своего образца: напр., шведскіе законы запрещали всякія чрезвычайныя работы, а Шульцъ въ своемъ правѣ устанавливаетъ за нихъ такое ничтожное вознагражденіе какъ пиво. Кромѣ облегченія участи своихъ крестьянъ, баронъ Шульцъ хотѣлъ своимъ примѣромъ повліять на прочихъ лифляндскихъ дворянъ и разослалъ имъ экземпляры „крестьянскаго права"; но онъ достигъ противоположнаго результата. Въ то время среди помѣщиковъ было мало просвѣщенныхъ людей, которые могли бы сочувствовать идеямъ барона Шульца. Несмотря на свое скромное содержаніе, Ашераденское крестьянское право возбудило среди лифляндскаго дворянства бурю негодованія, и авторъ долженъ былъ сложить съ себя должность ландрата. По требованію дворянства, онъ представилъ на ландтагѣ письменное объясненіе своего поведенія, въ которомъ были указаны три основанія въ пользу необходимости улучшенія быта крестьянъ: во-первыхъ, крѣпостное право противорѣчитъ духу гуманности и уже отмѣнено или смягчено въ цивилизованныхъ государствахъ; во-вторыхъ, благополучіе кресть-

янъ, на которомъ основывается богатство дворянства, возможно только при существованіи крестьянской собственности и точномъ опредѣленіи повинностей и, наконецъ, необходимо улучшить положеніе крестьянъ потому, что до императрицы дошли клеветы о тиранствѣ лифляндскихъ помѣщиковъ (указаніе на пастора Эйзена). Однако эти соображенія не убѣдили лифляндскихъ дворянъ; снова говорили они объ естественной испорченности крестьянъ и врожденной ненависти ихъ противъ господъ; снова утверждали, что крѣпостное право основано на природѣ крестьянъ и потому необходимо. Въ заключеніе отъ барона Шульца потребовали, чтобы онъ собралъ и уничтожилъ всѣ распространенные въ странѣ экземпляры своего „крестьянскаго права“. *)

Съ теченіемъ времени просвѣщеніе стало распространяться въ городахъ среди бюргеровъ и главнымъ центромъ умственной жизни Прибалтійскаго края сдѣлалась Рига. Здѣсь жили нѣкоторое время извѣстные представители нѣмецкой литературы XVIII вѣка — Гердеръ и „сѣверный чародѣй“ Гаманъ. Руководителемъ образованнаго общества въ Ригѣ явился ратсгеръ Іоганъ Христофъ Беренсъ, получившій образованіе въ заграничныхъ университетахъ и расширившій его путешествіемъ по Германіи, Голландіи и Франціи. Въ домѣ Беренса собирались всѣ образованные люди того времени, и онъ поощрялъ всякіе таланты. Благодаря ему, неспособный къ практической жизни Гаманъ имѣлъ досугъ для научныхъ занятій и могъ совершить путешествіе въ Англію. Гердеръ также устроился въ Ригѣ при содѣйствіи Беренса и прожилъ здѣсь 5 лѣтъ (1765—69 г.). Онъ былъ учителемъ соборнаго училища (Domschule), проповѣдникомъ въ Гертрудинской церкви и библіотекаремъ

*) Примѣръ барона Шульца-фонъ-Ашераденъ нашелъ подражаніе въ сосѣднихъ провинціяхъ. Въ 1789 г. эстляндскій баронъ Икскюль составилъ для крестьянъ своего имѣнія Фикель (въ Викскомъ уѣздѣ) уставъ, въ которомъ обезпечивалось крестьянамъ право собственности и наслѣдства и устанавливались ихъ повинности. За Икскюлемъ послѣдовали еще три помѣщика, такъ что къ концу XVIII столѣтія въ каждомъ уѣздѣ Эстляндіи существовало по одному крестьянскому праву. Въ Курляндіи съ 1770 до 1816 г. 11 помѣщиковъ и одна помѣщица по собственному почину издали и напечатали уставы и регулятивы съ цѣлью ограниченія помѣщичьей власти въ пользу крестьянъ.

въ городской библіотекѣ и на всѣхъ поприщахъ проявлялъ замѣчательныя дарованія. Выросшій среди бѣдности и постоянныхъ заботъ о существованіи Гердеръ впервые достигъ въ Ригѣ матеріальнаго благополучія и узналъ наслажденія жизни. Корпоративный строй Риги произвелъ на него сильное впечатлѣніе и онъ пріобрѣлъ здѣсь свою идею о гражданской свободѣ и общественномъ благѣ. Къ кружку Беренса принадлежалъ также книгопродавецъ Гарткнохъ, издатель Канта, Гердера и Гамана, извѣстный своими заслугами въ исторіи нѣмецкой литературы и Прибалтійскаго просвѣщенія. Онъ помогалъ начинающимъ писателямъ и способствовалъ распространенію литературнаго интереса тѣмъ, что сталъ разсылать читающей публикѣ вновь появлявшіяся книги. Подъ вліяніемъ умственнаго оживленія возникла въ Ригѣ журналистика. Въ 1761 г. была основана первая газета: „Rigische Anzeigen“ съ учеными приложеніями, а въ 1798 г. „Rigasche Zeitung“. Въ рижскихъ дворянскихъ кругахъ выдѣлялся губернскій совѣтникъ баронъ Фитингофъ (отецъ извѣстной баронессы Крюденеръ), много сдѣлавшій для распространенія въ Ригѣ идей просвѣщеннаго вѣка и художественнаго вкуса. Его домъ (на углу Известковой и Большой Королевской улицъ) былъ сборнымъ мѣстомъ дворянства и умственной аристократіи всѣхъ сословій, что немало содѣйствовало устраненію противоположности между дворянствомъ и бюргерствомъ. Благодаря Фитингофу и въ его домѣ возникло въ 1787 г. общественное собраніе (клубъ) „Муссе“, въ которомъ былъ устроенъ и первый постоянный театръ, отчасти содержавшійся на средства Фитингофа. Важнымъ факторомъ умственной жизни было въ XVIII вѣкѣ масонство, побуждавшее къ взаимной любви и помощи и ставившее задачей нравственное перерожденіе людей и освобожденіе отъ всѣхъ предразсудковъ и заблужденій. Въ 1750 г. купцы Гейде и Цукербекеръ основали въ Ригѣ первую масонскую ложу: „Сѣверная Звѣзда“, которая позднѣе въ 1765 г. получила названіе „Мечъ“. Впослѣдствіи возникли другія ложи: „Аполлонъ“, „Касторъ“, „Астрея“, „Малый Міръ“ и др. Къ масонамъ принадлежали вышеупомянутые дѣятели — Гарткнохъ, Фитингофъ, Гердеръ и др. Когда съ началомъ французской революціи

масонскія ложи были закрыты (1795 г.), тогда члены ихъ старались другимъ способомъ удовлетворить свое стремленіе къ общественной дѣятельности, основывая разныя благотворительныя учрежденія и общества. Такъ возникъ клубъ „Euphonie“ (основ. въ 1797 г. на Петербургскомъ форштатѣ) и литературно-практическое общество, которое съ теченіемъ времени основало и содержало рядъ благотворительныхъ учрежденій: народныя школы, училища для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, ночныя убѣжища, сберегательную кассу и пр. Во главѣ всѣхъ просвѣтительныхъ предпріятій стояли оберъ-пасторъ Зонтагъ, писатель и проповѣдникъ, и купецъ Александръ Зенгбушъ.

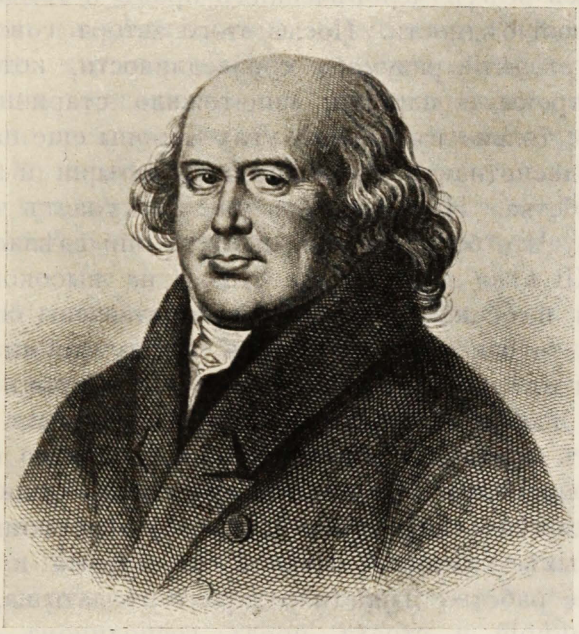
По мѣрѣ распространенія просвѣщенія развивалось въ Прибалтійскомъ краѣ отрицательное отношеніе къ старому узкосословному строю, особенно къ крѣпостному праву. Подъ вліяніемъ французскихъ философовъ (особенно Руссо) возвышаются рѣзкіе голоса противъ безправія и угнетенія крестьянъ. Здѣсь прежде всего нужно указать на пастора изъ Лаиса Яннау, который обнародовалъ въ 1786 г. сочиненіе: „Исторія рабства и характеръ крестьянъ въ Лифляндіи и Эстляндіи“ (Geschichte der Sklaverey und Charakter der Bauern in Lief- und Estland). Въ первой исторической части своей книги авторъ показываетъ, что латыши и эсты впали въ рабство, когда на нихъ напали нѣмецкіе искатели приключеній, прикрывавшіе священнымъ именемъ религіи обманъ и своекорыстіе. Орденскіе рыцари были варвары и мучители народа, который за все это время не имѣлъ никакой религіи: „повиновеніе помѣщику было его религіей.“ Лишь съ паденіемъ орденскаго государства, „подъ порядочнымъ правительствомъ“ крестьяне получили нѣкоторыя права. Польскіе и шведскіе короли пытались смягчить положеніе крестьянъ, но дворянство воспротивилось ихъ попыткамъ и сумѣло уничтожить изданные въ пользу крестьянъ законы. Во второй части, которая говоритъ о характерѣ крестьянъ, Яннау объясняетъ, какъ въ сердцѣ крѣпостного народа вслѣдствіе рабства выросла глубокая ненависть противъ нѣмцевъ и какъ даже на низкой ступени культуры онъ, однако, не потерялъ честности, гордости и ума. Въ заключеніи авторъ говоритъ о средствахъ къ улучшенію

быта крестьянъ. Но онъ противъ полнаго уничтоженія крѣпостного права: „Свобода при теперешнемъ образѣ мыслей крестьянъ явилась бы самымъ вреднымъ подаркомъ, который можно было бы имъ сдѣлать.“ Авторъ предлагаетъ обезпеченіе права собственности и точное опредѣленіе размѣра крестьянскихъ обязанностей. Къ Яннау примыкаетъ извѣстный ученый и писатель пасторъ Гупель*), который во II томѣ своихъ „Топографическихъ извѣстій“ даетъ живую картину состоянія туземнаго населенія за сто лѣтъ слишкомъ. Онъ подробно обсуждаетъ хорошія, а еще болѣе дурныя свойства народнаго характера латышей и эстовъ, ихъ суевѣрія и грубость, хитрость и лѣность. Хотя Гупель въ душѣ противъ крѣпостного права, однако нигдѣ не высказываетъ прямо своихъ мыслей въ виду своей зависимости отъ дворянства; но онъ рѣшительно возстаетъ противъ произвола и своекорыстія, съ которыми помѣщики возвышаютъ крестьянскія повинности. Равномѣрное установленіе барщины и оброка во всѣхъ имѣніяхъ кажется ему необходимымъ условіемъ для улучшенія быта крестьянъ.

Но самымъ выдающимся представителемъ эпохи „Просвѣщенія“ въ Прибалтійскомъ краѣ былъ Меркель. Гарлибъ Меркель родился въ 1769 г. въ семьѣ лифляндскаго пастора и рано потерялъ своего отца, который съ большой осмотрительностью руководилъ его воспитаніемъ. Свое образованіе Меркель получилъ въ рижскомъ соборномъ училищѣ и затѣмъ старался пополнить его въ сельскомъ

*) Августъ Гупель, пасторъ въ Оберпаленѣ близъ Дерпта, былъ родомъ изъ Германіи (род. въ 1737 г. въ Веймарѣ), воспитывался при Веймарскомъ дворѣ, зналъ итальянскій, французскій и англійскій языки и обладалъ основательными познаніями какъ въ наукахъ, такъ и въ изящной литературѣ. Онъ прибылъ въ Лифляндію въ 1757 г., какъ домашній учитель и кандидатъ теологіи, и въ 1761 г. сдѣлался пасторомъ, а въ 1798 г. генералъ-суперъ-интендентомъ Лифляндіи. Гупель скоро основательно познакомился съ мѣстными дѣлами, изучилъ эстонскій языкъ и составилъ эстонскую грамматику. Въ 1774 году онъ издалъ „Топографическія извѣстія о Лифляндіи и Эстляндіи“, которыя даютъ полную картину Прибалтійскаго края въ XVIII вѣкѣ и обнимаютъ управленіе, сельское хозяйство, торговлю и промышленность. Съ 1781 г. стали выходить 28 томовъ „Сѣверной Смѣси“ и 18 томовъ „Новой Сѣверной Смѣси“ (Nordische und Neue Nordische Miscellaneen), которые были центральнымъ органомъ прибалтійскаго просвѣщенія.

уединеніи чтеніемъ книгъ, которыя находилъ въ библіотекѣ своего отца. Уже рано онъ познакомился съ сочиненіями Вольтера, Бэйля и Руссо и сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ просвѣтительной литературы, защитникомъ свободы и правъ человѣка и врагомъ всякаго произвола. Меркель отличался большой энергіей и блестящимъ литературнымъ талантомъ. Съ страстнымъ одушевленіемъ онъ началъ борьбу за разумъ и права человѣка противъ исторически сложившихся привилегій. Будучи домашнимъ



Гарлибъ Меркель.

учителемъ въ одномъ дворянскомъ имѣніи, Меркель имѣлъ возможность хорошо познакомиться съ крѣпостными отношеніями. Онъ видѣлъ себя окруженнымъ безвольными рабами, всюду наталкивался на жестокихъ господъ и приниженныхъ до скотскаго состоянія крѣпостныхъ. Меркель почувствовалъ призваніе заклеймить позоръ вѣка. Онъ спѣшитъ въ Германію и въ Лейпцигѣ въ 1797 г. издаетъ книгу: „Латыши, преимущественно въ Ливоніи, въ концѣ философскаго вѣка“ (Die Letten, vorzüglich in Liefland, am Ende des philosophischen Jahrhunderts). Эта книга произвела

сильное впечатлѣніе въ Германіи и въ Прибалтійскомъ краѣ и въ 1800 г. вышла вторымъ изданіемъ. Ужасное содержаніе, страстное изложеніе, прекрасный стиль и неопровержимыя доказательства, — все это производило сильное впечатлѣніе на читателя. Молодой неизвѣстный учитель сразу сдѣлался знаменитымъ и опаснымъ. Книга Меркеля начинается посвященіемъ генералъ-губернатору князю Репнину съ просьбой быть предъ тономъ императрицы защитникомъ многихъ тысячъ несчастныхъ, лишенныхъ всѣхъ человѣческихъ правъ и томящихся въ невыразимой бѣдности. Послѣ этого авторъ говоритъ, что началось столѣтіе разума и справедливости, которое разрушило троны и царства, уничтожило старинныя права знатныхъ; только въ одномъ углу Европы еще царствуетъ суровый деспотизмъ, еще вздыхаютъ латыши и эсты подъ игомъ рабства. Но и для ихъ уже наступаетъ часъ освобожденія. Что были латыши и чѣмъ они сдѣлались? Въ началѣ XII вѣка латыши уже стояли на высокой ступени культуры и еслибы они были предоставлены спокойному развитію, то блистали бы теперь между всѣми народами Европы и имѣли бы своихъ Кантовъ, Гердеровъ и пр. Но внезапно напали на нихъ толпы освященныхъ убійцъ и коварныхъ монаховъ, затопили Ливонію кровью и сдѣлали ее разбойничьимъ притономъ. Туземцы были лишены всѣхъ человѣческихъ правъ и влачили бѣдственную жизнь въ дымныхъ хижинахъ вмѣстѣ съ курами и свиньями. Столѣтнее рабство извратило характеръ латыша, привило ему недовѣріе и страхъ предъ господиномъ, суевѣріе, пьянство и нечестность. Всѣ эти недостатки становятся понятными въ виду чрезмѣрныхъ повинностей. Оброки такъ велики, что крестьянину остается меньше, чѣмъ нужно для собственнаго пропитанія, и онъ долженъ ѣсть хлѣбъ съ мякиной. Барщинныя работы поглощаютъ все время крестьянина, такъ что свое поле ему приходится обрабатывать въ воскресные дни. Несмотря на эти тягости, у крестьянина нѣтъ никакихъ правъ: онъ ничего не можетъ назвать своимъ; помѣщикъ въ правѣ сдѣлать каждаго домохозяина батракомъ, отнять у него домъ и имущество, сдать его въ солдаты, подвергать наказанію. Здѣсь Меркель приводитъ многочисленные примѣры жестокой рас-

правы помѣщиковъ съ крѣпостными, тѣлесныхъ наказаній до смерти, мученій голодомъ, стѣсненій въ бракѣ и пр. Всѣ попытки шведскихъ и русскихъ правителей улучшить бытъ крестьянъ были тщетны. Авторъ яркими красками рисуетъ хитрость и коварство, съ которыми дворяне разстраивали благородныя намѣренія правительства. Взглядъ автора на будущее — самый мрачный. Страшныя потрясенія, насилія и месть ожидаютъ господъ, если они добровольно не откажутся отъ своихъ правъ надъ латышами, пріобрѣтенныхъ убійствами и хитростью. Чтобы побудить помѣщиковъ къ уничтоженію крѣпостного права, авторъ доказываетъ, что это не только не принесетъ имъ убытка, а напротивъ, увеличитъ ихъ благосостояніе, и затѣмъ предлагаетъ средства, какъ дать латышамъ образованіе и свободу. Въ прибавленіи къ книгѣ Меркеля говорится о сельскомъ духовенствѣ, которое авторъ упрекаетъ въ томъ, что оно подобно помѣщикамъ жестоко поступаетъ съ крестьянами.

Таково содержаніе знаменитой книги Меркеля „О латышахъ въ Ливоніи“.*) Конечно, въ ней есть нѣкоторыя преувеличенія въ описаніи тяжелаго положенія крестьянъ, но это было необходимо. Пока говорили спокойно, никто не обращалъ вниманія, но Меркель страстнымъ тономъ и рѣзкими преувеличеніями заставилъ себя выслушать. Особеннымъ успѣхомъ его книга пользовалась среди молодежи. Въ Лейпцигскомъ университетѣ подъ вліяніемъ Меркеля образовался кружокъ студентовъ-лифляндцевъ,

*) Эта книга переведена на русскій языкъ въ журналѣ „Чтенія Общ. Ист. и Древн. Россіи“ за 1870 г., т. I. Кромѣ „Латышей“ Меркель написалъ еще книгу: „Ливонская старина“ (Vorzeit Liefiands. 1798 г.), въ которой сообщаетъ о древнихъ латышахъ рядъ баснословныхъ сказаній, заимствованныхъ изъ разсказовъ прусскихъ и литовскихъ лѣтописцевъ. Возвратившись въ Ригу въ 1806 г., Меркель купилъ по близости отъ города маленькое имѣніе Депкинсгофъ и занимался сельскимъ хозяйствомъ и литературными трудами. Объ его дѣятельности во время Наполеоновскихъ войнъ см. ниже въ гл. III и VIII. Послѣ освобожденія лифляндскихъ крестьянъ Меркель написалъ въ 1820 г. книгу: „Свободные латыши и эсты“ (Die freien Letten und Esthen), въ которой изложилъ исторію освобожденія и которая является важнымъ историческимъ источникомъ для той эпохи. За это сочиненіе имп. Александръ назначилъ ему пожизненную пенсію въ 300 руб. сер. Умеръ Меркель въ 1850 г. въ Депкинсгофѣ.

поставившій задачей способствовать въ будущемъ улучшенію положенія крестьянъ въ Лифляндіи. Изъ этого кружка вышли многіе общественные дѣятели XIX вѣка (Бруйнингъ, Самсонъ, Фелькерзамъ и др.). Всѣ историки крестьянскаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ признаютъ значеніе Меркеля въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Его заслуга состояла въ томъ, что онъ выяснилъ безправіе крестьянъ и доказалъ, что оно должно быть уничтожено всевозможной цѣной. Благодаря дѣятельности Меркеля и другихъ писателей свѣтъ сталъ проникать въ отдаленныя захолустья Прибалтійскаго края. Среди дворянъ стали появляться лица, сознававшія вредъ крѣпостного права, и чѣмъ болѣе распространялось просвѣщеніе, тѣмъ болѣе встрѣчала сочувствіе преобразовательная дѣятельность русскаго правительства, начатая императрицей Екатериной II.

Екатерина II и ея реформы.

Со вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II (1762 г.) измѣняется политика русскаго правительства по отношенію къ прибалтійскимъ провинціямъ. Хотя Екатерина утвердила привилегіи дворянства и городовъ, однако она признавала, что отчужденность окраинъ не соотвѣтствуетъ интересамъ русскаго государства, и свои взгляды ясно высказала въ инструкціи генералъ-прокурору сената князю Вяземскому при назначеніи его на должность (въ февралѣ 1764 г.): „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями. Сіи провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшимъ способомъ привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки въ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ.“ Князь Вяземскій проявилъ себя ревностнымъ исполнителемъ всѣхъ плановъ и реформъ Екатерины по отношенію къ окраинамъ. Хотя впослѣдствіи прибалтійскіе нѣмцы обвиняли его во враждѣ къ нѣмецкому племени, но въ дѣйствительности онъ былъ только исполнителемъ воли

императрицы и точно слѣдовалъ предписаніямъ данной ему инструкціи. Также хорошаго помощника Екатерина нашла

Императрица Екатерина II.

въ лицѣ лифляндскаго генералъ-губернатора графа Броуна.*)

*) Графъ Юрій Юрьевичъ (Джорджъ) Броунъ, подобно своему предшественнику Ласси, происходилъ изъ католическаго дворянскаго рода Ирландіи (род. въ 1696 г.) и получилъ хорошее образованіе въ Лиммерикѣ. Такъ какъ католическая вѣра закрывала для него великобританскую службу, то онъ принужденъ былъ оставить родину и поступилъ сначала на службу къ курфирсту Пфальцскому; но скоро въ 1730 г., по приглашенію своего земляка полковника Кейта, перешелъ на русскую

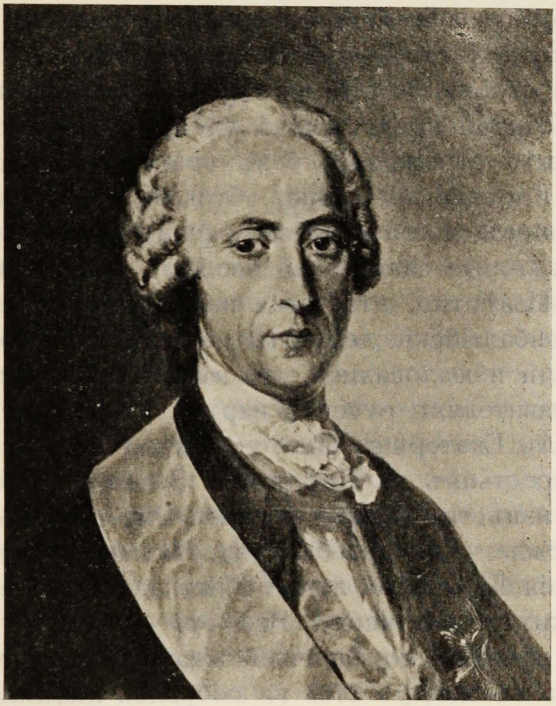
Это былъ человѣкъ честный и безкорыстный, а главное — преданный своей государынѣ. Въ точномъ исполненіи ея воли онъ проявлялъ стойкость и желѣзную настойчивость. Суровый на словахъ и вспыльчивый въ минуты гнѣва, но въ сущности добрый и справедливый, онъ въ теченіе тридцати лѣтъ строго соблюдалъ русскіе государственные интересы въ Прибалтійскомъ краѣ и стремился, какъ онъ самъ говорилъ, къ тому, чтобы „его служеніе согласно было съ высочайшей Ея Величества довѣренностью и благоволеніемъ“. Екатерина II всегда отзывалась о Броунѣ съ большой похвалой и, довѣривъ ему управленіе Прибалтійскимъ краемъ, не смѣняла его и не увольняла, даже когда онъ самъ просилъ объ этомъ. Чтобы лично ознакомиться съ состояніемъ Прибалтійскаго края, Екатерина лѣтомъ 1764 г. совершила въ продолженіе цѣлаго мѣсяца путешествіе по Эстляндіи и Лифляндіи, посѣтила Ревель, Перновъ, Ригу, заѣхала въ Митаву и возвратилась черезъ Дерптъ. Дворянство и города оказали торжественную встрѣчу императрицѣ: вездѣ устраивались тріумфальныя арки, иллюминаціи, обѣды и вечера. Народъ встрѣчалъ ее съ восторгомъ. Но среди торжествъ и развлеченій Екатерина не упускала случая познакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Хотя она признавала сравнительное благосостояніе этого края, но не могла не замѣтить недостатковъ мѣстнаго устройства, именно, отчужденія отъ Россіи и угнетенія низшихъ классовъ городского и сельскаго населенія. И вотъ Екатерина, возвратившись въ столицу, предприни-

---

службу въ Измайловскій полкъ. Впервые Броунъ отличился при осадѣ и взятіи Данцига (въ 1733 г.), а потомъ участвовалъ въ турецкой войнѣ подъ начальствомъ Миниха. При взятіи Очакова онъ попалъ въ плѣнъ (въ 1738 г.) и былъ отведенъ въ Адріанополь, гдѣ его выкупилъ французскій посланникъ. Возвратившись въ Россію, Броунъ снова вступилъ въ военную службу и принялъ участіе въ Семилѣтней войнѣ, гдѣ былъ тяжело раненъ подъ Цорндорфомъ и послѣ того никогда не могъ совершенно вылѣчиться. Въ вознагражденіе за военныя заслуги Петръ III въ 1762 г. назначилъ 65-лѣтняго Броуна лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ (а въ 1777 г. онъ былъ сдѣланъ и эстляндскимъ и въ этомъ званіи оставался до самой смерти въ 1792 г.). Броунъ былъ первый русскій генералъ-губернаторъ, который соединилъ въ своемъ управленіи обѣ прибалтійскія губерніи. См. Прибалт. Сборн. I, стр. 419—434.

маетъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ измѣненію стараго строя и къ защитѣ низшихъ классовъ.

Узнавъ объ упадкѣ рижской торговли, Екатерина приказала учредить особую комиссію изъ бюргеровъ съ участіемъ русскихъ купцовъ и правительственныхъ чиновниковъ, которая выработала торговый уставъ 1765 года. Хотя этотъ уставъ удерживаетъ всѣ особенности прежняго устройства, напр., стапельное право и преимущества бюр-



Графъ Юрій Юрьевичъ Броунъ.

геровъ, полное запрещеніе для иностранцевъ розничной торговли и перепродажи товаровъ, — но все-таки онъ заключаетъ въ себѣ и нѣкоторыя улучшенія: уничтожены различныя таксы и злоупотребленія при взвѣшиваніи и браковкѣ товаровъ; крестьянамъ предоставлена полная свобода продажи своихъ продуктовъ и пр. Это была первая правительственная попытка измѣненія рижскаго городского устройства. Скоро правительство обратило вниманіе на притѣсненіе обывателей въ Ригѣ, и въ 1767 г. сенатъ

повелѣлъ магистрату „при принятіи въ гражданство поступать по общегосударственнымъ законамъ“. Но этотъ указъ плохо соблюдался, и русскіе купцы неоднократно жаловались, что большая гильдія не принимала ихъ въ составъ рижскаго купечества; поэтому сенату приходилось издавать особые указы о принятіи тѣхъ или другихъ лицъ. Въ то же время Екатерина вмѣшивается въ крѣпостныя отношенія и впервые возбуждаетъ противъ лифляндскаго дворянства крестьянскій вопросъ. Какъ извѣстно, императрица отличалась либеральными воззрѣніями и мечтала объ уничтоженіи крѣпостного права. Но въ Россіи она встрѣтила отпоръ со стороны русскихъ дворянъ; Прибалтійскій же край представлялъ удобную почву для ея освободительныхъ стремленій, безъ опасенія за прочность положенія. Государыня-нѣмка, обуздывая произволъ нѣмецкихъ бароновъ, могла встрѣтить лишь сочувствіе русскихъ дворянъ, которые завидовали особымъ остзейскимъ привилегіямъ. Извѣстно, что даже подтвержденія своихъ привилегій прибалтійскіе депутаты добились съ большими затрудненіями и жаловались, что имъ приходилось бороться съ представителями русской партіи. Уже при вступленіи на престолъ Екатеринѣ было сообщено объ ужасномъ положеніи крестьянъ въ Лифляндіи. Затѣмъ ей безъ сомнѣнія была извѣстна статья пастора Эйзена-фонъ-Шварценберга, прежде чѣмъ она была напечатана. Во время своего путешествія Екатерина лично обратила вниманіе на нищету лифляндскихъ крестьянъ. Все это побудило Екатерину положить предѣлъ помѣщичьей власти въ Лифляндіи.

Когда въ январѣ 1765 г. собрался лифляндскій ландтагъ, то генералъ-губернаторъ графъ Броунъ сдѣлалъ дворянству нѣсколько важныхъ предложеній, въ которыхъ впервые былъ затронутъ вопросъ о крестьянахъ. Въ третьемъ предложеніи Броунъ писалъ: „Ея И. В. изъ жалобъ, ей принесенныхъ, съ неудовольствіемъ узнала, а при проѣздѣ и сама отчасти замѣтила, въ какомъ великомъ угнетеніи живутъ лифляндскіе крестьяне, и рѣшилась оказать имъ помощь и особенно положить границы тиранской жестокости и необузданному деспотизму (таковы были собственныя выраженія нашей великой императрицы), тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ наносится ущербъ не только

общему благу, но и верховному праву короны.“ Главное зло, по словамъ Броуна, состоитъ въ томъ, что у крестьянина нѣтъ права собственности, даже „относительно того, что онъ пріобрѣлъ своимъ потомъ и кровью“; поэтому необходимо, чтобы было признано право крестьянъ на движимое имущество. Такъ какъ на нихъ постоянно налагаютъ новыя работы, то повинности должны быть точно опредѣлены и соразмѣрены съ количествомъ земли, находящейся въ ихъ пользованіи. Броунъ указывалъ также на то, что крестьянъ подвергаютъ самымъ жестокимъ наказаніямъ, „несогласнымъ ни съ ихъ виной, ни съ чувствами христіанина“. Поэтому правительство желаетъ положить должные предѣлы злоупотребленіямъ домашней расправой, когда крестьянъ заковываютъ въ кандалы и держатъ продолжительное время въ холодныхъ помѣщеніяхъ. Въ другомъ пунктѣ генералъ-губернаторъ требовалъ ограниченія торговли людьми: ихъ не слѣдуетъ продавать за границу страны, а также разлучать членовъ одного семейства. Лифляндское дворянство, отвыкшее отъ вмѣшательства правительства, было страшно возмущено предложеніями Броуна и увидѣло въ нихъ посягательство на свои права. Вѣроятно, еще были свѣжи воспоминанія о шведской редукціи и дворяне подозрѣвали какія-либо скрытыя намѣренія правительства. Вотъ почему здѣсь подвергся осужденію ландратъ баронъ Шульцъ-фонъ-Ашераденъ, въ которомъ видѣли сторонника правительства. Ландтагъ рѣшительно отвергъ предложенія Броуна и высказался, что крѣпостничество основано на природѣ крестьянъ и на привилегіяхъ дворянства, и что „крестьяне суть рабы (servi) во всемъ объемѣ римскаго права, насколько допускаетъ христіанская религія“. Генералъ-губернаторъ, конечно, не могъ довольствоваться отрицательнымъ отвѣтомъ. Онъ указалъ на то, что его предложенія, особенно третье, исходятъ непосредственно отъ самой императрицы, которая не только устно высказывала ему свое мнѣніе, но и собственноручно писала, что „деспотизмъ относительно крестьянъ долженъ быть отмѣненъ“. Когда члены ландтага начали разъѣзжаться безъ соотвѣтствующаго рѣшенія, графъ Броунъ послалъ въ дворянскій домъ своего адъютанта сказать, что если на ландтагѣ не будетъ принято никакого

рѣшенія, то императрица сама отъ себя издастъ законъ въ пользу крестьянъ. Подъ такимъ неотразимымъ давленіемъ ландтагъ долженъ былъ составить положительныя правила соотвѣтственно предложеніямъ правительства. Эти правила заключались въ слѣдующемъ. 1. Крестьянинъ распоряжается движимымъ имуществомъ, которое остается ему послѣ исполненія всѣхъ повинностей и уплаты долговъ помѣщику. 2. Кромѣ существующихъ теперь обыкновенныхъ работъ и взносовъ и обычныхъ чрезвычайныхъ повинностей при вывозѣ навоза, жатвѣ, постройкахъ и пр. крестьянинъ не можетъ быть принуждаемъ ни къ чему. 3. Право домашней расправы ограничивается извѣстнымъ количествомъ ударовъ; продажа крестьянъ на рынкѣ запрещается. 4. При неисполненіи постановленій крестьяне могутъ жаловаться, но только устно, а за несправедливыя жалобы подвергаются наказаніямъ. Приведенныя правила были, конечно, недостаточны и мало обезпечивали крестьянъ, такъ какъ всѣ существовавшія чрезмѣрныя повинности объявлялись законными. Даже вспомогательныя работы не перечисляются, чтобы не ограничивать въ чемъ-либо помѣщиковъ. При такихъ условіяхъ предоставленіе крестьянамъ права собственности не имѣло смысла, потому что помѣщикъ могъ такъ возвышать оброки и работы, что крестьянину оставалось только необходимое жизненное содержаніе; а если бывали излишки, они поглощались долгами, которые особенно возрастали при неурожаяхъ. Такъ какъ суды находились въ рукахъ дворянъ, то право жалобы, по выраженію Меркеля, было для крестьянъ „правомъ на полученіе палочныхъ ударовъ“. Но не слѣдуетъ забывать, что въ центральной Россіи въ теченіе всего царствованія Екатерины II помѣщичій произволъ ничѣмъ не былъ ограниченъ, а напротивъ, права помѣщиковъ были расширены. „Для русскаго крѣпостного даже жалкія правила 1765 года были бы первымъ словомъ закона въ его пользу, между тѣмъ какъ для крестьянина Прибалтійскаго края они были шагомъ назадъ сравнительно съ шведскимъ законодательствомъ и не только не обуздывали фактически установившагося произвола помѣщиковъ, но даже, не упоминая о вакенбухахъ, только санкціонировали пренебреженіе ими“ (Семевскій). Хотя постановленія 1765

года впослѣдствіи не соблюдались ни дворянствомъ, ни правительствомъ, но они имѣли большое нравственное значеніе, потому что была высказана и признана дворянами та мысль, что „лифляндскій крестьянинъ есть гражданинъ государства и какъ таковой имѣетъ право на защиту со стороны правительства“ (Экардтъ). Это первое ограниченіе помѣщичьей власти подѣйствовало на современниковъ столь же сильно, какъ и данный барономъ Шульцемъ примѣръ въ его Ашераденскомъ крестьянскомъ правѣ.

Предложенія графа Броуна на ландтагѣ 1765 года были первой попыткой вмѣшательства русскаго правительства въ лифляндскія дѣла. Встрѣтивъ сильное сопротивленіе со стороны дворянства, Екатерина могла притти къ мысли о необходимости административныхъ преобразованій въ Прибалтійскомъ краѣ, съ цѣлью усиленія правительственной власти и сближенія края съ Россіей. Созывая знаменитую законодательную комиссію, императрица думала, что ею будетъ создано общее законодательство для всей имперіи, въ томъ числѣ и для окраинъ. Если крестьянскій вопросъ не встрѣтилъ сочувствія въ Лифляндіи, потому что среди помѣщиковъ было еще мало просвѣщенныхъ и гуманныхъ лицъ, то преобразованія общественнаго устройства нашли благопріятную почву среди господствующаго нѣмецкаго населенія. Какъ извѣстно, Лифляндія въ XVIII вѣкѣ раздиралась сословными спорами. Дворянство и бюргеры стояли другъ противъ друга какъ непримиримые враги. Помимо многихъ другихъ причинъ предметомъ раздора служилъ крестьянскій вопросъ, потому что образованные бюргеры и духовные вступились за „человѣческія права“ крестьянъ. Въ городахъ была рознь между отдѣльными бюргерскими сословіями, а также между бюргерами и простыми обывателями. Но еще бóльшая противоположность существовала со времени учрежденія матрикула среди землевладѣльческаго сословія между дворянствомъ и земствомъ. Эти раздоры оживились и приняли ожесточенный характеръ, когда Екатерина II издала въ 1766 г. указъ о выборѣ депутатовъ въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Слухи объ общемъ законодательствѣ обезпокоили прибалтійскія провинціи, которыя естественно опасались ограниченія своихъ особыхъ правъ и привилегій. Вотъ

почему и дворянство и города рѣшили принять дѣятельное участіе въ законодательной комиссіи, чтобы тамъ защищать свое привилегированное положеніе. Но возникъ вопросъ о томъ, нужно ли выбирать депутатовъ по общеимперскому закону или же должны посылать ихъ существующія въ странѣ корпораціи—дворянская и городская. Въ городахъ спорили о томъ, можетъ ли выбирать одинъ магистратъ, какъ высшій представитель города, или должны участвовать въ этомъ и члены обѣихъ гильдій; высказывалось даже крайнее мнѣніе, которое требовало участія въ выборахъ всѣхъ обывателей, стоящихъ внѣ трехъ городскихъ сословій. Подобное же разногласіе обнаружилось между матрикулированными и нематрикулированными дворянами. Первые хотѣли устранить послѣднихъ отъ выборовъ на томъ основаніи, что тѣ лишены участія въ ландтагахъ. Нематрикулированные же землевладѣльцы придерживались текста указа, по которому право выбора принадлежало всѣмъ дворянамъ, владѣющимъ имѣніями. Императрица рѣшила споръ въ либеральномъ смыслѣ: въ городахъ должны были выбирать бюргеры всѣхъ трехъ сословій, а для дворянъ было установлено двойное представительство, отдѣльное для матрикулированныхъ и нематрикулированныхъ дворянъ. Выборы депутатовъ происходили въ мартѣ мѣсяцѣ 1767 года. Замѣчательно, что отъ Эстляндской губерніи было вдвое больше депутатовъ, чѣмъ отъ Лифляндской, хотя первая гораздо меньше послѣдней.*) Послѣ выборовъ были составлены для депутатовъ наказы, въ которыхъ прибалтійскіе дворяне прежде всего просили о сохраненіи древнихъ правъ и привилегій (а лифляндскіе

*) Это произошло оттого, что эстляндскіе дворяне собирались по 4 уѣздамъ и выбрали четырехъ депутатовъ (бар. Зальца, ген. Ренненкампфъ, бар. Л. Унгернъ-Штернбергъ и Польманъ). А лифляндское дворянство, какъ видно изъ донесенія Броуна, пожелало съѣхаться вмѣстѣ въ Ригѣ и выбрало двухъ депутатовъ: отъ эстонской и отъ латышской части Лифляндіи (ген. Вильбоа и бар. І. А. Унгернъ-Штернбергъ). Депутатомъ лифляндскаго земства былъ избранъ маіоръ Блюменъ. Выборы отъ острова Эзеля происходили отдѣльно (избранъ Веймарнъ). Отъ города Риги былъ избранъ ратсгеръ Шварцъ, а отъ Дерпта — сначала историкъ Гадебушъ, а потомъ Урсинусъ. См. донесеніе Броуна въ Сб. И. Р. И. О., т. IV, стр. 29. Наказы прибалтійскихъ дворянъ напечатаны въ 68 т. Сборника. Ср. Hasselblatt. Die Instructionen der baltischen Ritterschaften. B. M. 1890.

— объ утвержденіи проекта земскаго права), затѣмъ они желаютъ обезпеченія землевладѣльческихъ правъ противъ всякихъ попытокъ редукціи, справедливаго распредѣленія налоговъ, возстановленія университета и пр. Лифляндское земство въ своемъ наказѣ просило о полномъ уравненіи во всѣхъ правахъ съ кореннымъ дворянствомъ.

Прибалтійскіе депутаты собрались въ Москвѣ въ значительномъ числѣ и принимали дѣятельное участіе какъ въ общихъ собраніяхъ большой комиссіи, такъ и въ частныхъ комиссіяхъ, что свидѣтельствуетъ объ ихъ познаніяхъ и опытности въ дѣлахъ. Особенно выдѣлялся дерптскій депутатъ Урсинусъ, который отлично владѣлъ русскимъ языкомъ и съ успѣхомъ участвовалъ въ преніяхъ по всѣмъ вопросамъ. Эстляндскій депутатъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ составилъ проектъ улучшенія быта русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Но участвуя въ общей законодательной работѣ, прибалтійскіе депутаты принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы новое законодательство не распространялось на остзейскія провинціи. По поводу преній о правахъ дворянства, депутаты Ренненкампфъ, Вильбоа и Блюменъ представили записки, въ которыхъ было выражено желаніе, чтобы привилегіи Лифляндіи и Эстляндіи оставались неприкосновенными. Екатерина, внимательно слѣдившая за преніями въ комиссіи, была недовольна этимъ выступленіемъ прибалтійскихъ депутатовъ. Она писала князю Вяземскому о „лифляндской замашкѣ“ и замѣтила: „Они хотятъ быть нашими законодавцами, а не отъ насъ получить узаконеній.“ Екатерина обидѣлась за свои просвѣщенные принципы: „Чтобы лифляндскіе законы лучше были, нежели наши будутъ, тому статься нельзя; ибо наши правила само человѣколюбіе писало, а они правилъ показать не могутъ, а сверхъ того иныя ихъ узаконенія наполнены невѣжествами и варварствами. Итакъ, предохраняя себя, торжественно они просятъ: мы хотимъ, чтобъ насъ смертью казнили; мы просимъ пытокъ; мы просимъ, чтобы отъ безпрерывной ябеды наши суды никогда не были окончены... Просвѣщенному свѣту останется судить о подобныхъ неистовствахъ.“ Взгляды императрицы соотвѣтствовали общему настроенію собранія. Русскіе депутаты не менѣе, чѣмъ Екатерина, были оскорб-

лены требованіями окраинныхъ депутатовъ и со всѣхъ сторонъ послышались возраженія. Депутатъ любимскаго дворянства Толмачовъ высказалъ мнѣніе, что въ виду недостатковъ законовъ Лифляндской и Эстляндской губерній должно сочинить „законы, одинаковые для всѣхъ Е. И. В. подданныхъ народовъ". Около ста депутатовъ присоединились къ мнѣнію Толмачова. Еще рѣзче выразился казанскій депутатъ Ясиновъ: „Странно слышать, что Лифляндія и Эстляндія, такъ давно уже покоренныя подъ Россійскую державу, судятся и понынѣ чужими правами, установленными отъ государей, которые до этихъ областей никакого дѣла не имѣютъ."*) Въ отвѣтъ на эти возраженія прибалтійскіе депутаты, напр. Вильбоа, доказывали, что „нѣтъ нужды, чтобы для всѣхъ подданныхъ Е. В. законы были равные" и что „права и привилегіи лифляндскія вполнѣ соотвѣтствуютъ расположенію живущаго подъ ними народа". Настойчивыя притязанія прибалтійскихъ депутатовъ раздражали Екатерину, и она приказала маршалу комиссіи Бибикову прекратить пренія объ остзейскихъ привилегіяхъ и возвратить депутатамъ поданныя ими заявленія. Въ письмѣ къ Румянцеву императрица жаловалась, что „господа лифляндцы не соотвѣтствуютъ ея ожиданію", и упрекала ихъ въ противорѣчіи: дворянскіе и городскіе наказы изъ Прибалтійскаго края просятъ о дополненіи и исправленіи старыхъ законовъ, ибо „они весьма недостаточны и отяготительны"; а между тѣмъ въ большой комиссіи депутаты заявили, что имъ не надобно ни перемѣнъ, ни дополненій. Когда прибалтійскіе депутаты помимо комиссіи представили императрицѣ проектъ законовъ

*) Интересна также рѣчь новосильскаго депутата Льва Шишкова, который по вопросу о лифляндскихъ привилегіяхъ выразился слѣдующимъ образомъ: „Капитуляція, оружіемъ вынужденная, не есть отличная заслуга плѣнника, но великодушіе побѣдителя. Поэтому не сдѣлаетъ ли больше чести означеннымъ губерніямъ, если они будутъ называться не зависимыми, но одного съ нами общества равными гражданами, а это иначе быть не можетъ, какъ только тогда, когда онѣ будутъ находиться подъ одними съ нами законами. Лифляндія и Эстляндія не есть иное царство; климатомъ же, земледѣліемъ и другими упражненіями не рознятся съ русскими жителями, слѣдовательно и подъ законами одинаковыми съ нами быть могутъ и должны быть." Сборн. Р. Ист. О., т. VIII, стр. 335.

для Лифляндіи и Эстляндіи, она тщательнымъ образомъ занялась разборомъ этого проекта и довольно рѣзко критиковала образъ мыслей остзейскихъ депутатовъ.*) Въ заключеніе она выразилась такъ: „Я ничего конфирмовать не буду, что не въ силѣ обряда мнѣ поднесется. Они — подданные Россійской имперіи, а я не лифляндская императрица, но всероссійская.“

Опасенія прибалтійскихъ депутатовъ, равно какъ и малороссійскихъ, оказались лишенными основанія. Большая комиссія была распущена, не выработавъ общаго законодательства, которое могло бы устранить привилегіи отдѣльныхъ провинцій. Однако московская комиссія имѣла большія послѣдствія для Прибалтійскаго края. Среди народныхъ представителей Екатерина встрѣтила поддержку своей національной политикѣ по отношенію къ окраинамъ и впослѣдствіи, при введеніи губернскихъ учрежденій, могла дѣйствовать увѣреннѣе. Прибалтійское же населеніе привыкло къ мысли о возможности иного порядка вещей, чѣмъ существующій, и стало сознательнѣе относиться къ недостаткамъ мѣстнаго устройства. Со времени выборовъ въ московскую комиссію нематрикулированные землевладѣльцы (земство) получили въ Лифляндіи самостоятельную организацію, устраивали особыя собранія, отдѣльно отъ ландтага, и имѣли своего предводителя (Landschaftshauptmann). Организовавшееся земство образовало очагъ систематической оппозиціи противъ стараго провинціальнаго строя. Во главѣ его стояли маіоръ Блюменъ, совѣтникъ Реймерсенъ и генералъ де-Вейсманъ (прославившійся въ турецкой войнѣ), которые съ ожесточеніемъ вели борьбу противъ матрикулированнаго дворянства какъ въ московской комиссіи, такъ и въ канцеляріи генералъ-губернатора, тѣмъ болѣе, что нематрикулированныхъ дворянъ хотѣли лишить права покупки и пріема въ залогъ имѣній. Скоро для всѣхъ недовольныхъ представился

*) Между прочимъ она писала: „Надлежитъ оный проектъ отослать въ ту комиссію, гдѣ проекты велѣно подать.... Старое обыкновеніе сихъ господъ, гдѣ видятъ, что по прихотямъ ихъ исполниться трудно, тутъ стараются обратить всякое учрежденіе въ тяжебное дѣло или процессъ... А прежде сего бывало, гдѣ у нихъ слова недостаточны, тутъ деньгами сыпали...“ Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXVII, стр. 142.

случай къ осуществленію ихъ стремленій, когда Екатерина выработала свои губернскія учрежденія и задумала распространить ихъ на Прибалтійскій край.

Извѣстно, что губернскія учрежденія были составлены Екатериной на основаніи изученія англійскаго самоуправленія и особенно по образцу прибалтійскаго земскаго устройства. Въ выработкѣ ихъ принималъ дѣятельное участіе новгородскій губернаторъ графъ Яковъ Ефимовичъ

Графъ Яковъ Ивановичъ Сиверсъ.

Сиверсъ, родомъ эстляндецъ, который неусыпно трудился во ввѣренной ему губерніи и особенно заботился о благоденствіи простого народа и объ интересахъ городского населенія. По порученію императрицы, Сиверсъ представилъ ей докладъ о печальномъ состояніи Новгородской губерніи, и присоединилъ сюда проектъ новаго административнаго устройства. Для улучшенія мѣстнаго управленія онъ предлагалъ привлечь къ этому дѣлу наиболѣе образованный классъ населенія, т. е. дворянство, и осно-

вать самоуправленіе въ городахъ; онъ проектировалъ не только новыя административныя и судебныя учрежденія, но и устройство сословныхъ корпорацій. Основные принципы для своего проекта Сиверсъ взялъ изъ своей родины — Лифляндіи и Эстляндіи, въ которыхъ развилось широкое земское самоуправленіе, находившееся въ дворянскихъ рукахъ. Екатерина воспользовалась проектомъ Сиверса и переработала его сообразно съ своими взглядами. Кромѣ того, она пользовалась законодательными матеріалами различнаго происхожденія и трудами московской комиссіи. Въ ея распоряженіи, несомнѣнно, были „экстракты изъ законовъ лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ, выбранные при комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія". Изъ черновыхъ бумагъ Екатерины видно, что она особенно интересовалась нѣкоторыми эстляндскими должностями. При выработкѣ своихъ учрежденій императрица совѣтовалась со многими лицами и между прочимъ часто приглашала Сиверса и еще одного эстляндскаго ландрата, имя котораго осталось неизвѣстнымъ. Она сама такъ выразилась о своемъ трудѣ: „Сей порядокъ сходственъ съ порядкомъ нашихъ остзейскихъ губерній." И дѣйствительно, сравнивая губернскія учрежденія съ прибалтійскимъ управленіемъ, мы находимъ большое сходство: то же дворянское самоуправленіе, тѣ же выборные коллегіальные суды и такая же уѣздная полиція.*) Но въ эту стройную систему Екатерина внесла отъ себя принципъ сословныхъ судовъ, соотвѣтственно идеѣ, усвоенной еще въ наказѣ, чтобы „всякаго человѣка судить черезъ равныхъ ему". Затѣмъ творчеству Екатерины (подъ вліяніемъ другихъ источниковъ) принадлежитъ устройство благотворительныхъ органовъ (сиротскіе суды, приказъ общественнаго призрѣнія и пр.). Но при всемъ сходствѣ съ остзейскими учрежденіями губернское или намѣстническое устройство (такъ же какъ и городовое положеніе) отличается отъ нихъ своимъ демократическимъ, а еще болѣе бюрократическимъ характеромъ: Екатерина устанавливала только выборныя сословныя собранія безъ распо-

*) См. сравнительную таблицу прибалтійскихъ и Екатерининскихъ учрежденій выше, въ гл. I, стр. 13.

рядительной власти и подчиняла всѣ сословныя корпораціи вѣдѣнію административныхъ органовъ.

Первоначально Екатерина не предполагала распространять свои губернскія учрежденія на окраины, которыя управлялись по особымъ утвержденнымъ привилегіямъ; но черезъ четыре года былъ возбужденъ вопросъ о введеніи ихъ въ Прибалтійскомъ краѣ, „оригиналъ долженъ былъ быть урѣзанъ въ угоду копіи". Это обстоятельство пришлось не по вкусу прибалтійскимъ правящимъ классамъ, но вызвало радость всѣхъ угнетенныхъ элементовъ. Какъ только появились первые слухи о введеніи намѣстническаго устройства, глава земства маіоръ Блюменъ отправился въ Петербургъ, чтобы агитировать въ его пользу и защищать интересы нематрикулированныхъ землевладѣльцевъ. Въ Ригѣ также образовалась враждебная существующему порядку партія, которая безпрестанно вела борьбу съ магистратомъ. Во главѣ недовольныхъ былъ столярный мастеръ Эбель, который увѣрялъ бюргеровъ малой гильдіи, что по русскому городовому положенію ремесленники также могутъ сдѣлаться членами магистрата, и старался склонить ихъ въ пользу новаго порядка. На счетъ своихъ сторонниковъ онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ интриговалъ противъ магистрата, обвиняя его въ дурномъ веденіи городского хозяйства. Все это оказывало нравственную поддержку русскому правительству и утверждало его въ намѣреніяхъ преобразовать управленіе Прибалтійскаго края.

Еще весною 1779 г. генералъ-прокуроръ сената князь Вяземскій сообщилъ графу Броуну, что императрица намѣревается учредить намѣстничества въ Ригѣ и Ревелѣ. Тогда Броунъ предписалъ ландратской коллегіи составить комитетъ для разсмотрѣнія намѣстническаго устройства; но избранный комитетъ высказался за отклоненіе новыхъ учрежденій и за сохраненіе старыхъ правъ и привилегій. Въ 1780 г. о томъ же ходатайствовало эстляндское дворянство. Лѣтомъ 1782 г. графъ Броунъ былъ вызванъ въ Петербургъ для полученія необходимыхъ инструкцій, а въ Ригѣ собрался дворянскій конвентъ. На этомъ конвентѣ извѣстный намъ совѣтникъ Фитингофъ передалъ ландмаршалу письмо Броуна, въ которомъ тотъ сообщалъ о

рѣшеніи правительства ввести намѣстническое административное устройство и предлагалъ указать, какія желательно сдѣлать измѣненія въ немъ, чтобы привести новыя учрежденія въ согласіе съ особенными правами и привилегіями страны. Но конвентъ рѣшилъ послать „всеподданнѣйшее объясненіе“, въ которомъ говорилось о желаніи страны остаться при своихъ старыхъ учрежденіяхъ. Это прошеніе было представлено сенатору графу Воронцову, но послѣдній отвѣтилъ, что онъ ходатайство конвента не рѣшается и не будетъ доводить до свѣдѣнія императрицы. Рижскій магистратъ вручилъ проѣзжавшему черезъ городъ графу Фалькенштейну (австрійскому императору Іосифу II) записку: „Листъ изъ рижской хроники“, съ просьбой похлопотать предъ императрицей о сохраненіи стараго городского устройства; но эта попытка не имѣла успѣха. 3 мая 1783 г. вышли два важныхъ указа: первый — объ уничтоженіи ленныхъ помѣстій въ Лифляндіи и Эстляндіи и превращеніи ихъ въ вотчины (аллодіи), а второй — о преобразованіи податной системы чрезъ введеніе торговой пошлины для купцовъ и подушной подати для крестьянъ. Превращеніе леновъ въ вотчины соотвѣтствовало давнишнимъ желаніямъ прибалтійскихъ дворянъ, и это заставляло ихъ примириться съ предстоящей перемѣной. Отсюда они выводили заключеніе, что помѣщичьи права надъ крестьянами не будутъ затронуты. Даже болѣе того, дворяне думали, что жертвуя старымъ земскимъ устройствомъ, они пріобрѣтаютъ бо́льшую свободу дѣйствій въ отношеніи къ крестьянамъ. Также подушная подать не вызывала ихъ протеста, потому что она ложилась, какъ и прежнія подати, на крестьянъ. Наконецъ, 3 іюля 1783 г. пришелъ указъ о введеніи намѣстничествъ, причемъ сначала вводились только административныя и судебныя учрежденія; сословное же корпоративное устройство, какъ дворянское (ландратская коллегія и ландтагъ), такъ и городское (магистратъ и гильдіи), оставалось безъ измѣненія. Дѣлопроизводство въ новыхъ учрежденіяхъ позволено было вести на нѣмецкомъ языкѣ, за исключеніемъ казенныхъ палатъ; а въ губернскомъ правленіи были основаны двѣ экспедиціи — нѣмецкая и россійская. Всѣ чиновники стали получать жалованье. Важное измѣненіе состояло въ

томъ, что число уѣздовъ было увеличено: въ Эстляндіи кромѣ 4 уѣздовъ появился еще пятый (въ Балтійскомъ Портѣ), а въ Лифляндіи вмѣсто 4 уѣздовъ стало 8: кромѣ старыхъ городовъ Валка, Вольмара и Феллина былъ еще основанъ новый уѣздный городъ Верро изъ имѣнія барона Менгдена. На созванномъ въ сентябрѣ ландтагѣ были произведены выборы должностныхъ лицъ — предводителей дворянства и засѣдателей новыхъ судовъ. Здѣсь собрались въ большомъ числѣ нематрикулированные землевладѣльцы, которые привѣтствовали новыя учрежденія, какъ побѣду своей партіи. Существованіе матрикула казалось имъ такой несправедливостью, что они считали себя въ правѣ открыто нападать на дворянство и не скрывали, что ждутъ съ нетерпѣніемъ введенія общерусскаго дворянскаго положенія, которое могло разрушить искусственно созданное различіе между полуправными и полноправными дворянами и возстановить законъ, обезпечивавшій всѣмъ дворянамъ одинаковую возможность пріобрѣтать имѣнія. Эта домашняя распря, конечно, много содѣйствовала успѣху правительственныхъ мѣръ. По окончаніи дворянскихъ выборовъ 29 октября состоялось, по приказу императрицы, торжественное открытіе намѣстничествъ въ Ригѣ и Ревелѣ. Для освященія новыхъ присутственныхъ мѣстъ пріѣзжали: въ Ревель — петербургскій митрополитъ Гавріилъ, а въ Ригу — архіепископъ псковскій Иннокентій. Рѣчь Иннокентія въ Алексѣевской церкви, по замѣчанію рижскаго лѣтописца Нейендаля, была приличнѣе проповѣди генералъ-суперъ-интенданта, который громилъ вольнодумцевъ.*) Съ присоединеніемъ Курляндіи въ ней также было введено намѣстническое устройство.

---

*) Православіе стало распространяться въ Прибалтійскомъ краѣ скоро послѣ завоеванія его русскими (хотя православныя церкви были здѣсь и въ древнее время). Послѣ взятія Риги въ 1710 г. шведская гарнизонная церковь была обращена въ православную во имя свв. апп. Петра и Павла; другая церковь — Алексѣевская была перестроена въ томъ же году изъ развалинъ католическаго костела св. Магдалины. Потомъ стали возникать еще православныя церкви въ Ригѣ и въ другихъ городахъ, преимущественно для потребностей войскъ. Въ 1770 г. въ Лифляндіи было 16290 православныхъ жителей и 18 церквей; изъ нихъ въ Ригѣ 1111 православныхъ и 5 церквей (Петропавловская соборная, Алексѣевская, Замковая, Благовѣщенская, церковь Живоноснаго Источника гарнизон-

Новыя административныя и финансовыя учрежденія представляли значительный прогрессъ въ сравненіи съ прежнимъ шведскимъ устройствомъ и точнѣе разграничивали различныя до сихъ поръ смѣшанныя вѣтви управленія, которыя несовершеннымъ образомъ отправлялись сословными органами и немногими чиновниками (регирунгсъратами и генералъ-директоромъ экономіи). Управленіе пріобрѣло болѣе правильности и ясности и приняло точныя формы. Эти измѣненія, однако, не затрогивали стараго сословнаго устройства и были вполнѣ съ нимъ совмѣстимы. Но реформа 1783 г. преслѣдовала дальнѣйшія цѣли и имѣла въ виду подготовить радикальное измѣненіе прибалтійскаго провинціальнаго строя. Это было видно изъ переименованія старыхъ судовъ и, какъ казалось, совсѣмъ излишняго увеличенія числа ихъ. Устройство дворянства также потерпѣло измѣненіе: ландмаршалъ сталъ называться губернскимъ предводителемъ дворянства и былъ поставленъ въ прямую зависимость отъ губернатора; затѣмъ появилась новая должность уѣздныхъ предводителей дворянства (они замѣнили уѣздныхъ депутатовъ). Но особенно замѣтная перемѣна произошла въ городахъ, гдѣ магистраты были подчинены губернскому магистрату, засѣдатели котораго выбирались всѣми бюргерами. Въ общемъ старое провинціальное устройство было потрясено,

---

ныхъ госпиталей и Троицкая главнаго полевого госпиталя); затѣмъ было по 2 церкви — въ Перновѣ и Дерптѣ и по одной — въ Динаминдѣ, Аренсбургѣ, Ряпинѣ и Митавѣ; остальныя были полковыя. Съ 1825 г. лифляндскія церкви были причислены къ Псковской епархіи, а эстляндскія (въ Ревелѣ, Балтійскомъ портѣ и Нарвѣ) — къ Петербургской. Кромѣ православныхъ въ Ригѣ съ давняго времени жило не мало старообрядцевъ-безпоповцевъ, которые въ 1760 г. основали Гребенщиковскую богадѣльню и при ней школу. Для управленія лифляндскими церквами въ 1727 г. была учреждена въ Ригѣ „контора духовныхъ дѣлъ“, которая была переименована въ 1750 г. въ духовное правленіе, преобразованное архіепископомъ Иннокентіемъ въ 1764 г. Въ такомъ видѣ оно существовало до учрежденія рижскаго викаріатства въ 1836 г. и самостоятельной епархіи въ 1850 г. Архіепископъ псковскій Иннокентій, который назывался и рижскимъ, впервые посѣтилъ Ригу въ 1764 г. для встрѣчи императрицы Екатерины II и былъ радушно принятъ лютеранскимъ духовенствомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ разсказъ оберъ-пастора Эссена (См. Прибалт. Сборн., т. II, стр. 591—2). Изъ этого видно, что отношенія между православной и лютеранской церквами въ то время были очень мирныя и дружественныя.

и уничтоженіе прежней организаціи дворянства и трехсословнаго городского устройства казалось только вопросомъ времени. Первые два года намѣстническаго правленія были переходной стадіей. Кромѣ новыхъ присутственныхъ мѣстъ и властей существовала еще большая часть старыхъ учрежденій; между тѣми и другими происходила ожесточенная борьба: рижскій магистратъ постоянно спорилъ съ губернскимъ магистратомъ, а ландратская коллегія — съ 8 уѣздными предводителями дворянства. Городскіе ремесленники и нематрикулированные землевладѣльцы видѣли свои желанія исполненными лишь на половину, пока не было измѣнено сословное устройство, и интриговали въ Петербургѣ. Также многочисленные нѣмецкіе чиновники, проникшіе въ новыя присутственныя мѣста, старались заслужить чины и награды пренебреженіемъ къ старымъ формамъ.

Наконецъ, въ декабрѣ 1785 г. послѣдовало введеніе общаго дворянскаго и городового положенія. Ландратская коллегія уничтожалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ были отняты и имѣнія, дарованныя Екатериной I для содержанія коллегіи. Вмѣсто матрикула была учреждена родословная книга, въ которую вносились всѣ дворяне безъ всякаго голосованія. Ландтагъ превратился въ дворянское собраніе и городъ Рига былъ устраненъ отъ участія въ немъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ бюргеры согласно съ закономъ 1781 г. лишались права землевладѣнія. Но зато была разбита противоположность между матрикулированными и нематрикулированными дворянами, между дворянствомъ и земствомъ. Даже по возстановленіи матрикула (на ландтагѣ 1797 г.) въ немъ были оставлены почти всѣ, внесенные въ родословную книгу. Вообще дворянское самоуправленіе скоро приспособилось къ Екатерининской реформѣ и подъ новыми названіями стали дѣйствовать старыя учрежденія и должности. Гораздо серьезнѣе и благотворнѣе произошли перемѣны въ городахъ. Значеніе старыхъ наслѣдственныхъ корпорацій (магистрата и гильдій) было уничтожено, и къ участію въ городскомъ управленіи привлекались также иноземцы и простые обыватели, причемъ всѣ городскіе жители были раздѣлены на 6 разрядовъ или сословій. Каждому обывателю было позволено заниматься ремесломъ,

не записываясь въ цехъ; а цеховому, записавшемуся въ гильдію, была предоставлена возможность заниматься двумя промыслами — торговымъ и ремесленнымъ. Цеховое устройство сохранялось, но было очищено отъ всѣхъ стѣснительныхъ и вредныхъ правилъ. Всѣ преимущества нѣмцевъ предъ русскими и латышами, а также протестантовъ предъ православными и католиками были упразднены. Въ управленіи административная власть была отдѣлена отъ судебной. Выборному магистрату (въ составѣ 2 бургомистровъ и 12 ратмановъ) была оставлена только судебная власть, а управленіе городомъ было вручено 2 думамъ: общей и шестигласной. Право самоизбранія и пожизненнаго отправленія должностей замѣнялось выборами отъ всего общества и на опредѣленный срокъ, не болѣе трехъ лѣтъ. Вмѣсто прежнихъ гильдейскихъ собраній вводились двоякія собранія: общія изъ всѣхъ сословій одинъ разъ въ три года для выбора городского головы и засѣдателей магистратовъ и собранія по сословіямъ для выборовъ гласныхъ. Отсюда можно видѣть, что городовое положеніе Екатерины II прямо отвѣчало потребностямъ того времени и исправляло существенные недостатки стариннаго устройства. За короткое время своего существованія въ Ригѣ оно успѣло произвести благодѣтельные результаты, чему много содѣйствовалъ гражданскій губернаторъ Беклешовъ, отличавшійся необыкновенными способностями, безкорыстіемъ и ревностью: улучшилось городское хозяйство и были уплачены городскіе долги; городскія школы были приведены въ хорошее состояніе и основано Екатерининское училище для русскихъ. Въ то же время усилилась рижская торговля и возросло богатство жителей. Вообще, въ періодъ намѣстничества значительно поднимается благосостояніе Прибалтійскаго края. Для сближенія этого края съ Россіей имп. Екатерина уничтожила въ 1782 г. таможенныя границы его отъ русскихъ губерній и ввела общіе таможенные тарифы. Это обстоятельство, а также присоединеніе западнорусскихъ областей послѣ польскихъ раздѣловъ открыло новую эру рижской торговлѣ, которая въ свою очередь вызвала подъемъ сельскаго хозяйства. Одновременно развивалось просвѣщеніе и происходило внутреннее возрожденіе страны. Среди бюргеровъ и дворянъ

появился цѣлый рядъ образованныхъ дѣятелей, которые смотрѣли дальше узкосословныхъ интересовъ и стремились къ общему благу, преслѣдуя высокія гуманныя задачи. Самое замѣчательное было то, что ослабѣли сословные раздоры и установилось согласіе между бюргерами и дворянствомъ, которые теперь поняли солидарность своихъ интересовъ и соревновали въ братской помощи другъ другу. Вотъ почему многіе писатели и представители просвѣщенія XVIII вѣка были ревностными сторонниками намѣстническаго устройства (Гупель, Яннау, Беренсъ, Меркель и др.). Послѣ нѣкоторой неувѣренности и безпорядка вначалѣ, господствующія сословія стали мало по малу приспособляться къ новому устройству; присущій нѣмецкому населенію духъ сомоуправленія и въ новыхъ формахъ началъ проявлять свою общественную дѣятельность. Въ дѣлѣ примиренія населенія съ губернскими учрежденіями много потрудились лифляндскій губернскій предводитель дворянства Фридрихъ Сиверсъ и рижскій городской голова Александръ Зенгбушъ. Но въ то время, когда Прибалтійскій край уже началъ привыкать къ новому положенію и цѣнить его хорошія стороны, — намѣстничества были неожиданно отмѣнены императоромъ Павломъ указомъ 28 ноября 1796 г. въ Лифляндіи и Эстляндіи и 25 декабря въ Курляндіи. Однако губернскія правленія и казенныя палаты были сохранены, а возстановлены только старыя земскія и судебныя учрежденія.

Такимъ образомъ губернскія и сословныя учрежденія Екатерины II заключали въ себѣ многія прогрессивныя начала, а именно, уничтоженіе рѣзкихъ сословныхъ границъ и болѣе справедливое распредѣленіе правъ и обязанностей. Несмотря на это, они возбудили неудовольствіе и ожесточеніе среди правящихъ классовъ (особенно въ Ригѣ), которые теряли сословныя права и прежніе доходы. Больше всего раздражало то, что преобразованіе исходило отъ русскаго правительства и что русскіе осмѣлились найти недостатки въ нѣмецкихъ учрежденіяхъ. Естественно, что возстановленіе стараго устройства было встрѣчено правящими классами съ большой радостью. Но не были довольны городскіе обыватели, которые снова впали въ то жалкое состояніе, въ какомъ находились до

1786 г.*) Впрочемъ, и среди привилегированныхъ не всѣ были сторонниками стараго устройства; многіе изъ нихъ признавали достоинства губернскихъ учрежденій. Во время разработки крестьянской реформы на ландтагахъ 1803 и 1805 г. раздавались среди дворянства голоса о желательности возстановленія намѣстническаго устройства и подавались ходатайства объ этомъ правительству; но эти ходатайства были отклонены.**) Также въ городахъ значительная часть купцовъ понимала выгоды свободной торговли и находила невыносимыми прежнія ограниченія. Когда былъ изданъ манифестъ 2 апрѣля 1801 г. о возстановленіи въ Россіи городового положенія во всей его силѣ, то рижскій магистратъ ходатайствовалъ объ утвержденіи стараго порядка, между тѣмъ какъ большая гильдія высказалась за вторичное введеніе городового положенія. Въ 1803 г. правительство приказало созвать всѣхъ рижскихъ гражданъ для рѣшенія вопроса о томъ, желаютъ ли они оставленія древняго городского устройства или введенія общаго городового положенія. Обсужденіе вопроса происходило въ присутствіи и подъ наблюденіемъ довѣреннаго государя, лифляндскаго ландрата Ф. Сиверса. Партія стараго порядка всячески вербовала себѣ приверженцевъ, причемъ, по донесенію Сиверса, не обошлось безъ злоупо-

*) Особенно ухудшилось положеніе русскихъ: имъ всячески стали затруднять вступленіе въ большую гильдію; въ братства же обѣихъ гильдій и въ цехи ихъ вовсе не принимали. Чрезъ это русскіе были устранены отъ всякаго участія въ городскомъ и сословномъ управленіи и отъ занятія промыслами, а также лишились права на пособіе изъ благотворительныхъ кассъ. Екатерининское училище сгорѣло и съ тѣхъ поръ долго не возстановлялось. Бѣдность и распущенность сдѣлались неизбѣжной долей русскихъ. Въ лучшихъ условіяхъ находились мѣстные старообрядцы, пользовавшіеся покровительствомъ нѣмецкаго начальства. Самаринъ, т. VII, стр. 507.

**) Извѣстный графъ Я. И. Сиверсъ, служившій въ это время въ лифляндскомъ самоуправленіи, въ своей запискѣ, посланной министру графу Кочубею, называетъ указъ императора Павла „несчастнѣйшимъ нововведеніемъ для будущихъ судебъ пограничныхъ областей имперіи“: „Этотъ указъ вновь наградилъ Лифляндію и Эстляндію самымъ притѣснительнымъ дворянскимъ владычествомъ, источникъ котораго былъ въ феодальной системѣ, въ тяжелыхъ шведскихъ законахъ.... Незабвенная Екатерина ни минуты не усумнилась распространить на присоединенныя области порядокъ управленія, введенный въ Россіи, оставляя жителямъ всѣ ихъ права.“ Самаринъ, т. X, стр. 89.

требленій: многіе граждане изъ русскихъ и нѣмцевъ не были допущены въ собраніе. При баллотировкѣ 23 февраля 1803 г. магистратъ высказался за старое устройство, потому что съ этимъ были связаны его личныя выгоды. Большая гильдія громаднымъ большинствомъ стала на сторону городового положенія. Но вопросъ былъ рѣшенъ малой гильдіей, которая почти единогласно примкнула къ мнѣнію магистрата. Это объясняется тѣмъ, что ремесленники желали сохранить свою монополію на занятіе ремеслами, которая давала имъ возможность назначать высокія цѣны за плохія работы. Рижскій генералъ-губернаторъ писалъ министру внутреннихъ дѣлъ 31 марта 1803 г., что „безпорядки и неустройства въ Ригѣ будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ введено общее городовое положеніе, ибо вообще владычество ландратовъ и магистратовъ слишкомъ тягостно для всѣхъ жителей края". Но хотя бюргеры высказались за старое устройство, однако при подачѣ голосовъ они просили объ устраненіи нѣкоторыхъ его недостатковъ. Поэтому, по приказанію государя, былъ образованъ въ Ригѣ комитетъ для разсмотрѣнія городского устройства. Въ составъ его вошли большею частью сторонники стараго порядка (за исключеніемъ эльтермана Рааве). Послѣ двухлѣтней работы комитетъ призналъ, что старыя учрежденія превосходны, но онъ все-таки предложилъ нѣкоторыя измѣненія, напр., въ управленіи кассаколлегіей и относительно строгихъ цеховыхъ правилъ. Все это показываетъ, что городовое положеніе не прошло безслѣдно, и нѣкоторыя здравыя понятія проникли въ сознаніе приверженцевъ старины. Но труды комитета не были разсмотрѣны въ Петербургѣ, и древнія учрежденія остались въ XIX вѣкѣ во всей силѣ и со всѣми недостатками.*)

*) Въ 1801 г. всѣ три прибалтійскія губернія были соединены въ одно генералъ-губернаторство, которое существовало до 1876 г. Однако Эстляндія съ 1808 до 1819 г. имѣла отдѣльнаго генералъ-губернатора въ лицѣ принца Ольденбургскаго. Въ 1802 г. былъ учрежденъ въ Дерптѣ нѣмецкій университетъ, чего прибалтійскіе нѣмцы добывались въ теченіе всего XVIII ст. Во всѣхъ большихъ городахъ въ 1801 г было введено особое полицейское управленіе, независимое отъ магистратовъ, въ главѣ съ полиціймейстерами изъ военныхъ. — Старыя судебныя и городскія учрежденія существовали въ Прибалтійскомъ краѣ до конца

Освобожденіе крестьянъ.

Самымъ важнымъ событіемъ въ Прибалтійскомъ краѣ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка былъ крестьянскій вопросъ, закончившійся освобожденіемъ крестьянъ. Къ концу вѣка положеніе крѣпостныхъ крестьянъ значительно ухудшается. Вслѣдствіе частыхъ сношеній съ столицей и путешествій заграницу въ дворянской жизни появляется роскошь и расточительность. Чтобы имѣть средства для удовлетворенія новыхъ потребностей, дворяне начинаютъ усиленно заниматься сельскимъ хозяйствомъ, стараясь извлечь наибольшій доходъ изъ имѣній. Для расширенія пашни производится въ обширныхъ размѣрахъ вырубка лѣса, увеличивается винокуреніе и начинается откармливаніе скота. Все это, конечно, вызываетъ ростъ крестьянскихъ повинностей. Примитивный способъ хозяйства не только до крайности напрягалъ крестьянскую рабочую силу, но также нерѣдко приводилъ помѣщиковъ къ разоренію, и многія имѣнія перешли въ руки купцовъ (подъ видомъ залога). Еще хуже стало послѣ введенія въ 1783 г. подушной подати. Помѣщики обыкновенно уплачивали эту подать за своихъ крестьянъ, а потомъ взыскивали съ нихъ въ большемъ размѣрѣ, такъ что подать служила поводомъ къ возвышенію барщины. Положеніе крестьянъ сдѣлалось настолько невыносимымъ, что они поднимаютъ возстанія. Еще въ 1777 г. во многихъ мѣстностяхъ были крестьянскія волненія; но особенно они усиливаются въ 1784 г., когда среди крестьянъ появились слухи, что вмѣ-

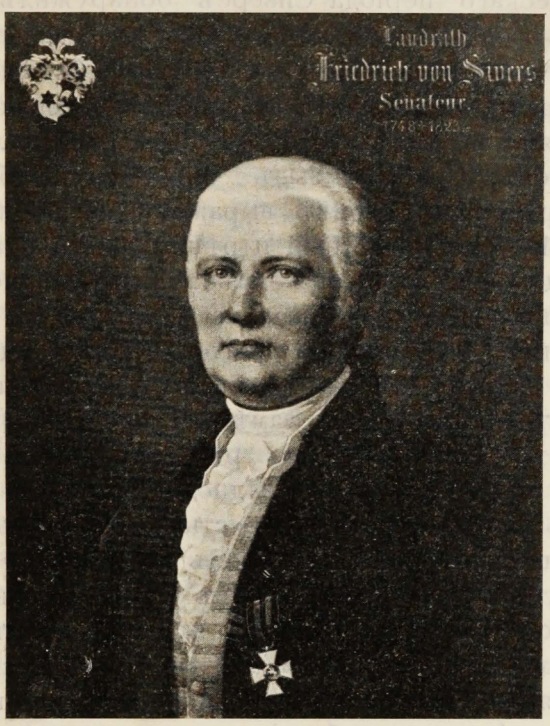
---

XIX в., когда здѣсь начинаются реформы съ цѣлью сближенія края съ Россіей. Въ 1866 г. было выработано особое волостное устройство для освобожденія крестьянскаго самоуправленія отъ помѣщичьей опеки. Въ 1877 г. вводится общее городовое положеніе: прежніе магистраты сохранили нѣкоторыя функціи, но въ 1889 г. они были вездѣ упразднены. Въ 1888 г. послѣдовала полицейская реформа, а въ 1889 г. — судебная: уничтожены были прежніе выборные полицейскіе органы и суды и введены общерусскія учрежденія, состоящія изъ назначенныхъ правительствомъ лицъ, съ дѣлопроизводствомъ на русскомъ языкѣ. Съ 1885 г. вводится преподаваніе на русскомъ языкѣ въ народныхъ школахъ, а съ 1890 г. — въ Юрьевскомъ университетѣ. Въ настоящее время отъ древняго провинціальнаго строя (Landesstaat) сохранилось только земское самоуправленіе съ его распорядительными и исполнительными органами (ландтагъ, конвентъ, ландратская коллегія). Но уже назрѣлъ вопросъ о земской реформѣ.

стѣ съ подушной податью прекращаются всякія обязанности по отношенію къ помѣщикамъ. Для усмиренія волненій были вызваны изъ сосѣднихъ губерній войска, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло доходило до кровопролитія. Изъ Петербурга прибыли для разслѣдованія причинъ волненій два сенатора — графъ Воронцовъ и князь Долгорукій. Лифляндскій генералъ-губернаторъ графъ Броунъ писалъ 15 іюня императрицѣ: „Въ настоящее время я могу донести, что возстаніе настолько распространилось по всей губерніи, что я не знаю почти ни одного имѣнія, которое было бы спокойно.“

Между тѣмъ послѣ 1765 г. крестьянскій вопросъ долгое время не затрогивался, потому что и правительство и дворянство съ введеніемъ губернскихъ учрежденій были заняты политическими вопросами. Но періодъ намѣстничества служилъ подготовкой крестьянской реформы: на положеніе крестьянъ, по словамъ Меркеля, благотворно вліяло то, что были учреждены зависимые отъ правительства крестьянскіе суды. Но самое важное было то, что намѣстническое устройство уничтожило всякія основанія къ отсрочкѣ крестьянской реформы. Прежде боялись произвести какую-либо перемѣну въ крѣпостныхъ отношеніяхъ, чтобы не нарушить привилегій и не поколебать стариннаго устройства. Но когда этотъ провинціальный строй былъ разрушенъ, то не оставалось никакихъ побужденій дорожить частностями его, именно, помѣщичьей властью. И вотъ въ концѣ намѣстническаго періода крестьянскій вопросъ былъ снова поставленъ на очередь. Весьма замѣчательно, что иниціатива его исходила изъ среды дворянства. Подъ вліяніемъ развитія просвѣщенія въ Прибалтійскомъ краѣ въ концѣ XVIII вѣка появляется рядъ гуманныхъ помѣщиковъ, которые сознавали тяжесть положенія крестьянъ и, чтобы улучшить его, готовы были отказаться отъ собственныхъ правъ. Изъ такихъ лицъ особенно замѣчательны въ Лифляндіи Фридрихъ Сиверсъ, графъ Меллинъ, Транзее-Розенекъ, Будденброкъ, выдающееся образованіе которыхъ возбуждало всеобщее уваженіе. Меллинъ воспитывался въ Швейцаріи съ двумя принцами голштинскими и находился въ близкихъ отношеніяхъ къ великому князю Павлу Петровичу, по по-

рученію котораго онъ составилъ подробную карту Лифляндіи. Транзее былъ въ утопіи XVIII вѣка — Сѣверной Америкѣ и могъ похвалиться личнымъ знакомствомъ съ Вашингтономъ и Франклиномъ. Среди такихъ образованныхъ дворянъ возникла партія реформъ, главнымъ руководителемъ которой былъ Фридрихъ Сиверсъ.



Фридрихъ Сиверсъ.

Фридрихъ Сиверсъ (однофамилецъ, но не родственникъ новгородскаго губернатора графа Якова Сиверса*) принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу выдающихся дѣятелей Прибалтійскаго края. Онъ родился въ 1748 г. и, подобно другимъ дворянамъ, сначала поступилъ въ русскую военную службу. Здѣсь онъ отличался своею храбростью

*) Обѣ фамиліи происходили изъ Голштиніи, но память объ ихъ первоначальномъ родствѣ давно утратилась. Въ XVII в. онѣ имѣли различные гербы и даже писались неодинаково. Графская фамилія подписывалась Sievers, а нетитулованная (къ которой принадлежалъ Фридрихъ Сиверсъ) — Sivers.

въ турецкихъ войнахъ и дослужился до чина полковника. Возвратившись въ Лифляндію въ 1786 г., Сиверсъ посвятилъ себя служенію родинѣ и на этомъ поприщѣ проявилъ ту же твердость характера и энергію, какой отличался на военной службѣ. Въ 1792 г. онъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Среди затрудненій намѣстническаго періода Сиверсъ обнаружилъ большую опытность и тактичность; онъ умѣлъ обращаться съ суровымъ и недоступнымъ графомъ Броуномъ и защищать интересы страны, чѣмъ пріобрѣлъ довѣріе и признательность какъ дворянства, такъ и города. По свидѣтельству современниковъ, Сиверсъ былъ человѣкъ необыкновенно пылкій и рѣзкій въ своихъ выраженіяхъ, но при этомъ въ высшей степени честный и рѣшительный врагъ всякой лжи и лицемѣрія. Если онъ замѣчалъ какую-либо фальшь, то говорилъ правду въ глаза, не глядя ни на что. Вотъ почему у него было немало враговъ. Въ концѣ намѣстническаго періода умеръ престарѣлый генералъ-губернаторъ графъ Броунъ, и его замѣнилъ энергичный князь Н. П. Репнинъ. Тогда Сиверсъ рѣшилъ вмѣстѣ со своими друзьями возбудить на очередномъ ландтагѣ 1795 г. вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ, которые частыми волненіями напоминали о своемъ тяжеломъ положеніи. По какому побужденію выступилъ Сиверсъ, въ точности неизвѣстно; но можно думать, что онъ дѣйствовалъ не безъ вѣдома императрицы. Еще на военной службѣ Сиверсъ завязалъ знакомство съ правительственными кругами; а послѣ своего избранія на должность предводителя дворянства онъ представлялся императрицѣ Екатеринѣ, и вѣроятно она, узнавъ о положеніи лифляндскихъ крестьянъ, поручила ему возобновить на ландтагѣ забытыя правила 1765 г. Сиверсъ и Меллинъ вошли въ переговоры съ оберъ-пасторомъ Зонтагомъ (извѣстнымъ писателемъ и другомъ Меркеля), и тотъ во время богослуженія предъ открытіемъ ландтага въ одушевленной рѣчи раскрылъ предъ собравшимися дворянами гуманныя идеи партіи реформъ; онъ указывалъ на ихъ священныя обязанности по отношенію къ крѣпостнымъ, увѣщевалъ послушаться голоса всей образованной Европы и установить лучшія отношенія между господами и крѣпостными. Эта

проповѣдь произвела сильное впечатлѣніе на членовъ ландтага и должна была расположить ихъ въ пользу предпріятія Сиверса. Когда открылся ландтагъ, Сиверсъ въ числѣ многихъ другихъ предметовъ предложилъ возстановить правила 1765 г. о точномъ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей сообразно съ количествомъ уступленной земли. Но несмотря на благопріятныя обстоятельства, предложеніе Сиверса нашло мало сторонниковъ. Ландтагъ призналъ невозможнымъ немедленное рѣшеніе вопроса и поручилъ дворянскому конвенту установить „точныя основанія повинностей и оброковъ“, а затѣмъ передать это на обсужденіе уѣздныхъ дворянскихъ собраній. Мнѣнія послѣднихъ возвращаются въ дворянскій конвентъ, который долженъ все „регулировать и установить“, и его рѣшеніе признается и объявляется какъ постановленіе ландтага. Этотъ длинный путь ясно показываетъ намѣреніе дворянства по возможности дальше отсрочить окончательное рѣшеніе дѣла. Особенно это видно изъ того, что ландтагъ не установилъ срока созыва и окончанія работъ дворянскаго и уѣздныхъ конвентовъ. Замѣчательно, что опредѣленіе крестьянскихъ повинностей переносится въ уѣздныя собранія. Вѣроятно, реакціонная партія, которая особенно была сильна въ эстонской Лифляндіи и во главѣ которой стоялъ баронъ Таубе, хотѣла такимъ способомъ предохранить себя отъ вліянія либеральнаго дворянства латышской части, именно, Сиверса съ его друзьями, и сохранить въ своихъ имѣніяхъ наиболѣе высокія нормы барщины. Однако планъ отсрочки не осуществился, потому что въ слѣдующемъ 1796 г. правительство созвало чрезвычайный ландтагъ, которому и пришлось заняться дѣломъ, переданнымъ раньше въ уѣздныя собранія. Причина созыва чрезвычайнаго ландтага неизвѣстна; но можетъ быть императрица хотѣла дать возможность либеральному дворянству провести свои намѣренія быстрѣе, чѣмъ это было возможно по рѣшенію 1795 г. Сиверсъ воспользовался случаемъ и предложилъ собравшемуся дворянству немедленно обсудить выработанныя конвентомъ положенія, вмѣсто того, чтобы передавать ихъ въ уѣздныя собранія. Это предложеніе сначала было отклонено 36 голосами противъ 26; но потомъ, подъ вліяніемъ внѣшняго

давленія, какъ сообщаетъ Меркель (вѣроятно, генералъ-губернатора), ландтагъ долженъ былъ заняться этимъ вопросомъ и выработать въ пользу крестьянъ 23 правила, которыя въ общемъ едва превышали постановленія 1765 г.

17 ноября 1796 г. скончалась императрица Екатерина II, а 28 ноября императоръ Павелъ I возвратилъ Лифляндіи ея старое устройство. По этому случаю въ январѣ 1797 г. былъ созванъ чрезвычайный ландтагъ, который между прочимъ занялся крестьянскимъ вопросомъ. Особая комиссія предварительно разсмотрѣла выработанный въ предыдущемъ году въ 27 статьяхъ проектъ улучшенія положенія крестьянъ, и ландтагъ съ большимъ единодушіемъ одобрилъ его 28 января 1797 г. Этотъ проектъ основывался на постановленіяхъ 1765 г., но значительно расширялъ ихъ: продажа крестьянъ была ограничена еще болѣе, такъ какъ дозволялось продавать ихъ только дворянамъ, владѣющимъ землей; домашняя расправа была оставлена въ томъ видѣ, какъ въ 1765 г.; крестьянамъ разрѣшалось подавать жалобы на помѣщиковъ, но только личныя и словесныя, а для рѣшенія взаимныхъ споровъ были учреждены крестьянскіе суды. Если личныя права крестьянъ были мало расширены, то матеріальное положеніе ихъ обезпечивается лучше: крестьянинъ можетъ распоряжаться движимымъ имуществомъ за исключеніемъ такъ называемаго „желѣзнаго инвентаря“, точно опредѣленнаго; выселеніе крестьянъ ограничено случаями крайней необходимости; крестьянскія повинности опредѣляются по шведскому способу въ соотвѣтствіи съ количествомъ и качествомъ земли, и помѣщики обязаны составить вакенбухи, которые представляются для провѣрки главному церковному попечителю съ 2 уѣздными депутатами. Въ случаѣ чрезмѣрныхъ требованій или злоупотребленій при домашней расправѣ помѣщики подвергаются значительнымъ денежнымъ штрафамъ. Таковы постановленія ландтага 1797 г. Главное значеніе ихъ состояло въ томъ, что ландтагъ призналъ необходимость ревизіи и урегулированія крестьянскихъ повинностей и для этой цѣли, а также для наблюденія за помѣщиками, создалъ органъ въ лицѣ главныхъ церковныхъ попечителей съ уѣздными депутатами. Постановленія ландтага 1797 г. были отпечатаны и

представлены чрезъ лифляндскаго генералъ-губернатора на утвержденіе императору Павлу, который передалъ ихъ на разсмотрѣніе нѣкоторыхъ сенаторовъ. Въ этомъ реакціонная партія дворянства увидѣла путь спасенія. Благодаря ея происканъ разсмотрѣніе постановленій ландтага было поручено 4 сенаторамъ изъ балтійскаго дворянства крайне реакціоннаго направленія. Сенаторы высказали противъ проекта рядъ возраженій, напр., что запрещеніе продажи крестьянъ противорѣчитъ „свободной торговлѣ и свободному сообщенію". Когда замѣчанія сенаторовъ были предложены для разсмотрѣнія на ландтагѣ 1798 г., то реакціонная дворянская партія почувствовала свою силу и хотѣла произвести въ прежнемъ проектѣ нѣкоторыя измѣненія въ реакціонномъ духѣ; но Фридрихъ Сиверсъ рѣшительно возсталъ противъ этихъ замысловъ. Онъ объявилъ, что „всякое отступленіе отъ прошлогодняго рѣшенія есть превышеніе компетенціи ландтага", и угрожалъ въ крайнемъ случаѣ обратиться къ верховной власти. Можетъ быть, это энергичное выступленіе поддерживалъ присутствовавшій при этомъ генералъ-губернаторъ, но во всякомъ случаѣ проектъ 1797 г. остался безъ измѣненія. Тогда реакціонная партія употребила послѣднее средство: она пожаловалась императору на ограниченіе помѣщичьей власти и проектъ не былъ утвержденъ.

Изъ этихъ обстоятельствъ вождь прогрессивной партіи Фридрихъ Сиверсъ вынесъ то заключеніе, что реакціонную партію можно побѣдить только съ помощью правительства. Эта мысль была осуществлена, когда вступилъ на престолъ императоръ Александръ I, отличавшійся либеральными стремленіями. Сиверсу удалось вступить въ личныя сношенія съ императоромъ, котораго онъ сопровождалъ въ 1802 г. во время путешествія его по Лифляндіи. Начало крестьянскому вопросу въ новое царствованіе было положено эстляндскимъ дворянствомъ. Въ Эстляндіи первый шагъ къ упорядоченію крѣпостныхъ отношеній былъ сдѣланъ еще въ декабрѣ 1795 г., въ то самое время, когда крестьянскій вопросъ былъ возбужденъ Сиверсомъ въ Лифляндіи. Императрица Екатерина въ разговорѣ съ однимъ сановникомъ изъ эстляндскихъ дворянъ графомъ Штакельбергомъ выразила неудовольствіе, что эстляндскіе

крестьяне со всѣмъ имуществомъ находятся въ неограниченной власти помѣщиковъ. Поэтому предводитель дворянства баронъ Зальца предложилъ собравшемуся въ 1795 г. ландтагу для одобренія правила о точномъ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей по вакенбухамъ, о правѣ собственности крестьянъ на движимое имущество, объ ограниченіи домашней расправы и продажи крестьянъ и пр. Эти правила были приняты, но они недостаточно обезпечивали крестьянъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I предводитель дворянства Бергъ составилъ въ 1802 г. регулятивъ, въ которомъ предоставлялось крестьянамъ неограниченное право собственности на пріобрѣтенное движимое имущество и наслѣдственное пользованіе отведенными имъ участками, а для защиты отъ помѣщичьяго произвола учреждались крестьянскіе и приходскіе суды, гдѣ крестьянинъ могъ скорѣе найти защиту, чѣмъ въ высшихъ дворянскихъ судахъ.*) Когда ландтагъ одобрилъ этотъ регулятивъ, то Бергъ въ подробномъ донесеніи сообщилъ императору главныя основанія постановленій дворянства. Императоръ въ своемъ отвѣтѣ похвалилъ образъ дѣйствій эстляндскихъ дворянъ, которые добровольно приступили къ дѣлу освобожденія крестьянъ. Видя благосклонное отношеніе императора къ эстляндскому дворянству, Сиверсъ рѣшился тоже дѣйствовать. Онъ обратился къ императору съ письмомъ, въ которомъ просилъ объ утвержденіи лифляндскаго проекта 1797 г. и указывалъ на нѣкоторые недостатки его, которые могъ бы исправить чрезвычайный ландтагъ. Императоръ отвѣтилъ весьма милостиво; онъ одобрилъ благородныя намѣренія лифляндскаго дворянства, но замѣтилъ, что постановленія 1797 г. не вполнѣ соотвѣтствуютъ этимъ намѣреніямъ и что онъ ожидаетъ отъ дворянъ новыхъ уступокъ, напр., полнаго прекращенія продажи крестьянъ, уменьшенія подводной повинности, свободы брака и др. Одновременно было передано Сиверсу приглашеніе императора пріѣхать въ Петербургъ. Тамъ онъ представилъ государю „12

*) Къ этому же времени относится начало крестьянскаго вопроса въ Курляндіи. Въ 1803 г. баронъ У. Шлиппенбахъ сдѣлалъ дворянству Пильтенскаго округа предложеніе объ ограниченіи полновластія помѣщиковъ, но оно осталось безъ результата.

замѣчаній для улучшенія угнетеннаго положенія крестьянъ", которыя должны были устранить недостатки, указанные императоромъ. Государь поручилъ Сиверсу представить свои замѣчанія на обсужденіе ландтага, который созывался въ 1803 г. Между тѣмъ среди лифляндскаго дворянства распространялось недовольство поведеніемъ Сиверса, который, по общему мнѣнію, не имѣлъ права говорить правительству и давать обѣщанія отъ лица всего дворянства. Вотъ почему ландтагъ 1803 г. былъ очень бурный. Либеральная и консервативная партіи вступили въ ожесточенную борьбу между собой. Реакціонеры не щадили упрековъ противъ вождя либераловъ Сиверса, такъ что онъ долженъ былъ уѣхать въ Петербургъ съ жалобой на дворянство; но передъ отъѣздомъ онъ сказалъ противъ своихъ враговъ рѣзкую рѣчь, которая произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Однако, всѣ происки противниковъ крестьянскаго дѣла не имѣли успѣха, потому что за либеральной партіей стоялъ самъ государь, и такъ какъ соединились оба сторонника реформы — правительство и прогрессивное дворянство, то пренія ландтага 1803 года привели къ положительному результату: ландтагъ составилъ „43 постановленія объ улучшеніи быта лифляндскихъ крестьянъ", которыя были представлены для утвержденія государю. Но общее раздраженіе, вызванное ожесточенной борьбой партій, было настолько велико, что оставшіеся въ меньшинствѣ члены ландтага подавали правительству возраженія и протесты какъ противъ всего проекта ландтага, такъ и противъ отдѣльныхъ статей его. Въ многочисленныхъ прошеніяхъ, запискахъ и протестахъ, отправленныхъ въ Петербургъ послѣ бурныхъ совѣщаній ландтага 1803 г., говорилось не только о крестьянской реформѣ, но также объ административномъ преобразованіи, именно, о вторичномъ введеніи намѣстническаго устройства. Если мы вспомнимъ, что въ это же время среди рижскихъ бюргеровъ рѣшался вопросъ о городскомъ устройствѣ, то можно вообразить, какое оживленное зрѣлище представляла Рига въ 1803 году.

Въ виду разногласій, обнаружившихся среди лифляндскаго дворянства, императоръ Александръ I учредилъ въ Петербургѣ „комитетъ для изслѣдованія лифляндскихъ

дѣлъ", поручивъ ему разсмотрѣть всѣ высказанныя на ландтагѣ мнѣнія и на основаніи ихъ составить „общее законоположеніе". Этотъ комитетъ состоялъ изъ министра внутреннихъ дѣлъ графа В. П. Кочубея, его товарища графа П. А. Строгонова, сенатора О. П. Козодавлева, правителя дѣлъ Я. А. Дружинина и двухъ лифляндскихъ ландратовъ — Будденброка и Анрепа. Фридрихъ Сиверсъ былъ обойденъ дворянствомъ, но онъ принималъ участіе въ работахъ комитета черезъ графа Кочубея, съ которымъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Лифляндскій комитетъ выработалъ „Положеніе о крестьянахъ Лифляндской губерніи", которое было утверждено 20 февраля 1804 г. и обнародовано на русскомъ, нѣмецкомъ, эстонскомъ и латышскомъ языкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для проведенія его въ жизнь учреждались особыя исполнительныя или ревизіонныя комиссіи подъ предсѣдательствомъ русскихъ чиновниковъ. Въ основу новаго закона былъ положенъ проектъ ландтага 1803 г., но онъ былъ разработанъ гораздо тщательнѣе и на болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ послѣдній. Естественно, что либеральный характеръ закона и участіе русскихъ чиновниковъ не могли понравиться лифляндскому дворянству, но правительство отклонило всякіе протесты, и законъ былъ приведенъ въ исполненіе.

„Положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ" 1804 года распадается на четыре части. Въ I части говорится о личномъ состояніи крестьянъ. Крестьянинъ прикрѣпленъ къ землѣ, т. е. не имѣетъ права оставить ее безъ позволенія помѣщика, но онъ не можетъ быть отдѣленъ отъ земли противъ своей воли; поэтому нельзя его безъ земли ни продавать, ни закладывать, ни дарить. Это опредѣленіе, безъ сомнѣнія, составляетъ прогрессъ сравнительно съ состояніемъ XVIII вѣка: личность крестьянина уже признается; это — не вещь, которая продается по произволу; крестьянинъ лишь несетъ повинности, которыя лежатъ на землѣ, а на личность его владѣлецъ не имѣетъ никакого права. Что касается неземледѣльческихъ крестьянъ или „дворовыхъ", то они могутъ переходить по наслѣдству безъ земли; но торговля ими запрещается. Во II части идетъ рѣчь о крестьянской собственности. Законъ предо-

ставляетъ крестьянину наслѣдственное и неотъемлемое право владѣнія даннымъ ему участкомъ земли. Только въ исключительныхъ случаяхъ крестьянинъ можетъ быть удаленъ съ земли, если помѣщикъ нуждается въ расширеніи своихъ полей или если крестьянинъ неспособенъ вести хозяйство. Движимымъ же имуществомъ крестьянинъ можетъ вполнѣ распоряжаться, за исключеніемъ точно опредѣленнаго „желѣзнаго инвентаря“ (напр., на $^1/_4$ гакена — 2 лошади, 5 штукъ рогатаго скота и 8 лофовъ хлѣба). III часть положенія говоритъ о повинностяхъ крестьянъ (работахъ и оброкахъ), которыя вычисляются по шведскому способу и, что весьма замѣчательно, въ тѣхъ же цѣнахъ, которыя существовали 116 лѣтъ назадъ, даже въ меньшихъ, потому что денежной единицей принимается не шведскій талеръ, а альбертовъ (на 15% меньше). Но, опредѣляя крестьянскія повинности, законъ 1804 г. сильно увеличиваетъ ихъ, потому что оцѣниваетъ не только пашню и перелогъ, но также огороды и луга и прибавляетъ по 20 талеровъ на каждый гакенъ, такъ что послѣдній равняется не 60, а 80 талерамъ. Такимъ увеличеніемъ цѣнности гакена дворянство хотѣло оправдать чрезвычайныя повинности. Вмѣсто того, чтобы воспретить всякія вспомогательныя работы, или назначить за нихъ особое вознагражденіе, положеніе 1804 г. признало ихъ отплатой за пользованіе огородами и лугами. Но такъ какъ крестьянамъ не давались новые сѣнокосы, даже не измѣрялись прежніе, то увеличеніе гакена равносильно было возвышенію законныхъ обязанностей на $^1/_3$. Опредѣленіе повинностей и составленіе вакенбуховъ было поручено ревизіоннымъ комиссіямъ.*) IV часть положенія 1804 г. говоритъ о кре-

*) Ревизіонныя комиссіи должны были опредѣлять подати и работы крестьянъ по шведскому способу соразмѣрно съ находившейся въ ихъ пользованіи землей. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ были произведены межеваніе и оцѣнка земли; а въ некадастрованныхъ имѣніяхъ руководствовались установленнымъ послѣдней ревизіей числомъ гакеновъ. Если помѣщикъ былъ недоволенъ такой оцѣнкой и желалъ увеличить повинности болѣе, чѣмъ на $^1/_3$, то комиссія временно опредѣляла повинности по его указанію, а помѣщикъ обязывался въ теченіе 6 лѣтъ произвести кадастровку и доказать правильность своихъ требованій. Но работы 4 комиссій не были согласованы между собой и возбудили общія жалобы. Поэтому въ 1809 г. была учреждена въ Ригѣ межевая реви-

стьянской подсудности. Если крестьянинъ недоволенъ поведеніемъ помѣщика, онъ долженъ сначала просить у него удовлетворенія, и если не получаетъ, то долженъ обратиться въ крестьянскій или приходскій судъ, который старается привести обѣ стороны къ миру. Въ случаѣ неудачи дѣло переходитъ въ ландгерихтъ, въ которомъ присутствуютъ два крестьянскихъ засѣдателя, выбираемые дворянами. Высшую инстанцію составляетъ гофгерихтъ, состоящій изъ однихъ дворянъ. Законъ 1804 г. позаботился не только о крестьянахъ-хозяевахъ, но и о батракахъ, опредѣливъ для нихъ содержаніе и вознагражденіе.

Реформа 1804 года въ сущности отмѣнила крѣпостное право въ Лифляндіи, превративъ его въ наслѣдственную зависимость (прикрѣпленіе къ землѣ). Но эта реформа не удовлетворила ни крестьянъ, ни помѣщиковъ. Крестьяне были недовольны возвышеніемъ повинностей и преобладаніемъ барщины, которая составляла $^7/_8$ всей суммы повинностей *). Хотя положеніе 1804 года ограждало крестьянъ отъ притѣсненій помѣщиковъ, но они оставались прикрѣпленными къ мѣсту жительства и къ неизмѣннымъ барщиннымъ работамъ и не могли избрать себѣ образъ жизни по своимъ способностямъ и наклонностямъ. Крестьяне-хозяева тяготились тѣмъ, что они должны были давать одинаковое содержаніе всѣмъ батракамъ, несмотря

зіонная комиссія, которая начала работу сначала и произвела общее межеваніе крестьянской земли. Составленные вакенбухи утверждались лифляндскимъ комитетомъ въ Петербургѣ и послѣ утвержденія вручались помѣщикамъ и крестьянамъ.

*) Положеніе 1804 г. исправило недостатки шведскаго законодательства и для предупрежденія обремененія крестьянъ точно опредѣлило необходимое количество рабочихъ душъ на крестьянской землѣ (20 работниковъ на 1 гакенъ), максимумъ помѣщичьей пашни (72 лофштеля на гакенъ крест. земли) и отношеніе между различными повинностями (обыкновенныя работы равны $^4/_8$, чрезвычайныя — $^3/_8$ и натуральный оброкъ — $^1/_8$ всего количества повинностей). Въ частности, на одинъ гакенъ въ 80 талеровъ полагаются слѣдующія повинности. Обыкновенныя работы заключаются въ поставкѣ ежедневно 2 конныхъ работниковъ въ теченіе всего года и 2 пѣшихъ въ лѣтнее время (35 тал. 72 гр.). Чрезвычайныя работы составляютъ 240 конныхъ и 388 пѣшихъ рабочихъ дней въ разное время (23 тал 54 гр.). Натуральный оброкъ обнимаетъ 13 тал. 18 гр. Всего повинностей — на сумму 73 тал. 54 гр.; остальные 6 тал. 36 гр. отсчитываются за подушную подать, которая вносилась крестьянами.

на негодность нѣкоторыхъ изъ нихъ; а батраки, которыхъ насильно распредѣляли по усадьбамъ, часто были принуждены жить у дурныхъ хозяевъ, которые ихъ плохо кормили и дѣлали вычеты изъ содержанія. Личныя права крестьянъ не были вполнѣ обезпечены. У помѣщика оставалась расправа надъ домашними слугами и батраками съ примѣненіемъ тѣлесныхъ наказаній (до 15—30 ударовъ). Существовала даже замаскированная продажа крестьянъ подъ видомъ переселенія въ многоземельныя имѣнія. Однимъ словомъ, положеніе 1804 г., по выраженію одного крестьянина, была „та же старая лошадь, только съ новымъ сѣдломъ“. Неудивительно, что крестьяне въ нѣкоторыхъ уѣздахъ отказывались принимать новые вакенбухи, утверждая, что царь далъ волю, а помѣщики и пасторы скрываютъ ее. Гражданское начальство тотчасъ-же прибѣгало къ военной силѣ; но ландратъ Фридрихъ Сиверсъ указывалъ на неумѣстность строгихъ мѣръ: будучи главнымъ церковнымъ попечителемъ Венденскаго уѣзда, онъ безъ устали разъѣзжалъ по деревнямъ и объяснялъ крестьянамъ смыслъ новаго положенія, и, дѣйствительно, крестьяне его уѣзда успокоились. *)

Но болѣе всего были недовольны закономъ 1804 г. помѣщики. Неизмѣняемость обязательнаго крестьянскаго труда служила для нихъ тяжелымъ бременемъ и заставляла довольствоваться работой весьма посредственной, производимой лѣниво и небрежно, посредствомъ плохихъ орудій и лошадей. Затѣмъ нормировка повинностей была приспособлена къ трехпольной системѣ, что составляло не-

*) Потрудившійся въ дѣлѣ крестьянской реформы, Фридрихъ Сиверсъ былъ назначенъ въ 1812 г. курляндскимъ губернаторомъ, сохранивъ за собой должность лифляндскаго ландрата, и въ новомъ положеніи пріобрѣлъ общую любовь населенія своими трудами на пользу губерніи. Объ его патріотической дѣятельности въ 1812 г. см. ниже, въ гл. VI и VII. Послѣ войны Фр. Сиверсъ былъ сдѣланъ въ 1814 г. сенаторомъ и тогда отказался отъ должности ландрата. Въ званіи сенатора онъ такъ же, какъ и прежде, проявлялъ справедливость и безпристрастіе. Однажды ему пришлось производить ревизію въ одной губерніи, и онъ обнаружилъ крупныя злоупотребленія. Видя невозможность подкупить Сиверса, виновные подсыпали ему яду. Хотя удалось своевременно предупредить отравленіе, однако Сиверсъ уже никакъ не могъ оправиться, постоянно хворалъ и умеръ 25 дек. 1823 г. на 77 году отъ роду въ своемъ имѣніи Ранценѣ (Лифл. губ.). См. Прибалт. Сборн. I, стр. 468 и сл.

преодолимую преграду для примѣненія улучшенныхъ способовъ замледѣлія. Раціональное сельское хозяйство требовало какъ свободнаго труда, такъ и достаточнаго количества земли, а между тѣмъ законъ 1804 г. предоставлялъ крестьянскую землю въ наслѣдственное пользованіе крестьянъ и точно опредѣлялъ пространство помѣщичьей земли. Вообще лифляндская реформа со своими полицейскими правилами не соотвѣтствовала условіямъ денежнаго хозяйства и духу времени, когда распространялись идеи гражданской и промышленной свободы. Къ недостаткамъ закона присоединились чрезвычайныя историческія обстоятельства, которыя вредно отражались на сельскомъ хозяйствѣ и на крестьянскомъ населеніи. Это были военные расходы въ 1806 году (устройство земской милиціи), голодъ 1807 — 1808 гг.; затѣмъ сельско-хозяйственный кризисъ вслѣдствіе прекращенія вывоза хлѣба въ Англію. Многіе помѣщики впали въ долги и совсѣмъ разорились бы, если бы не оказало поддержку основанное тогда дворянское кредитное общество. Необходимо было расширеніе сельскаго хозяйства, но этому препятствовалъ законъ 1804 г. Дворяне искали выхода изъ создавшагося положенія и нашли его въ безземельномъ освобожденіи крестьянъ, которое доставило имъ всю землю и достаточное количество рабочихъ рукъ. Примѣръ былъ поданъ эстляндскимъ дворянствомъ. Въ Эстляндіи еще въ 1804 году были составлены ландтагомъ основанія для опредѣленія крестьянскихъ повинностей; но при этомъ не было произведено межеванія и оцѣнки крестьянской земли, потому что помѣщики боялись сопряженныхъ съ этимъ расходовъ. Поэтому повинности не могли быть точно опредѣлены и новые вакенбухи возбудили ропотъ высокой нормировкой барщины. Кромѣ того въ Эстляндіи продолжалась продажа крестьянъ, дозволялось выселеніе ихъ изъ участковъ и владѣніе движимымъ имуществомъ не было обезпечено. Когда въ 1805 году произошли крестьянскія волненія, правительство предложило эстляндскому дворянству пересмотрѣть положенія 1802 и 1804 гг. Чтобы избѣжать межеванія земли, эстляндскіе дворяне рѣшили отказаться отъ всѣхъ правъ на личность крестьянъ и дать имъ свободу. Чрезвычайный ландтагъ 1811 г. подъ руководствомъ пред-

водителя дворянства барона Штакельберга принялъ 6 пунктовъ, которые сводились къ тому, что помѣщики отказываются отъ права продавать и укрѣплять крестьянъ, но сохраняютъ право собственности на землю; крестьяне же на временное владѣніе землей должны заключать свободные договоры или контракты. Всѣ государственныя подати возлагаются на крестьянскія общества; передвиженіе крестьянъ ограничивается предѣлами губерніи. 31 марта государь утвердилъ эти постановленія, разрѣшилъ образованіе комитета для составленія новаго положенія о крестьянахъ и выразилъ надежду, что эстляндское дворянство послужитъ „добрымъ примѣромъ для своихъ соотечественниковъ“. Осуществленіе крестьянской реформы на указанныхъ началахъ произошло уже послѣ Отечественной войны и притомъ не только въ Эстляндской, но и въ прочихъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Заслуживаетъ сожалѣнія то обстоятельство, что русское правительство согласилось на безземельное освобожденіе прибалтійскихъ крестьянъ. Мысль о необходимости надѣленія крестьянъ землей еще не проникла въ сознаніе образованнаго общества и правительства. Извѣстно, что даже Сперанскій въ своемъ проектѣ постепеннаго уничтоженія крѣпостного права предполагалъ сначала ограничиться опредѣленіемъ повинностей крестьянъ, а потомъ возвратить имъ древнее право перехода, т. е. дать личную свободу безъ земли. Лишь горькій опытъ убѣдилъ всѣхъ, что одна свобода безъ экономическаго обезпеченія не имѣетъ никакой цѣнности и приводитъ къ худшему рабству. Прибалтійскіе крестьяне, получивъ свободу, лишились наслѣдственнаго пользованія землей. Помѣщики стали сгонять ихъ съ насиженныхъ мѣстъ и заставляли соглашаться на всевозможныя условія, на какое-угодно количество рабочихъ дней. Поэтому безземельное освобожденіе привело къ такому же переобремененію крестьянъ повинностями, какое мы видѣли въ XVIII вѣкѣ. Это было возобновленіемъ крѣпостничества, потому что практически совершенно безразлично, происходитъ ли угнетеніе крестьянъ на основаніи свободныхъ контрактовъ или въ силу безусловнаго крѣпостного права. Только послѣ прекращенія барщины и обезпеченія крестьянскаго землевладѣнія посредствомъ покупки или долго-

срочной аренды (въ серединѣ XIX в.) сдѣлались возможными настоящая свобода и благосостояніе прибалтійскихъ крестьянъ (хозяевъ).*)

---

*) Освобожденіе прибалтійскихъ крестьянъ произошло раньше всего въ Эстляндіи. Учрежденная въ 1812 г. комиссія закончила свои работы въ 1814 г. и выработала проектъ новаго положенія о крестьянахъ, которое было утверждено 23 мая 1816 г. Въ то же время рижскій генералъ-губернаторъ маркизъ Паулуччи образовалъ въ Курляндіи комитетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ изъ членовъ курляндскаго дворянства, и этотъ комитетъ выработалъ проектъ улучшенія быта курляндскихъ крестьянъ, похожій на лифляндскій законъ 1804 г. Но ландтагъ высказался за принятіе эстляндскаго крестьянскаго уложенія съ нѣкоторыми измѣненіями, сообразно съ мѣстными условіями. Составленное дворянской комиссіей курляндское положеніе было утверждено 25 авг. 1817 г. Событія въ Эстляндіи и Курляндіи возбудили мысль объ освобожденіи и лифляндскихъ крестьянъ; этотъ вопросъ долго обсуждался въ газетахъ и книгахъ. Уже прежде эзельское дворянство и города Рига, Дерптъ и Перновъ просили маркиза Паулуччи о разрѣшеніи освободить крестьянъ. На собравшемся въ 1818 г. ландтагѣ маркизъ Паулуччи произнесъ одушевленную рѣчь и склонилъ собраніе къ единодушному провозглашенію крестьянской свободы. Избранная комиссія составила проектъ новаго положенія, сходный съ эстляндскимъ и курляндскимъ. Проектъ получилъ утвержденіе 25 марта 1819 г., а былъ обнародованъ 6 января 1820 г. Безземельное освобожденіе имѣло самыя вредныя послѣдствія для прибалтійскихъ крестьянъ: помѣщики сгоняли крестьянъ съ земли; арендныя цѣны на землю поднимались, а барщинныя работы оцѣнивались все ниже. Положеніе крестьянъ стало невыносимымъ и въ 1841 г. разразился кризисъ. Массы крестьянъ, не будучи въ силахъ продолжать обработку земли, устремились къ переселенію на югъ. Все это убѣждало помѣщиковъ въ необходимости отказаться отъ принципа свободнаго соглашенія и отъ барщины. Въ Лифляндіи было выработано въ 1849 г. временное уложеніе, которое въ 1860 г. превратилось въ законъ. Сущность его состояла въ томъ, что помѣщики обязывались часть своей земли, именно, такъ называемую повинностную землю использовать исключительно черезъ продажу или аренду крестьянамъ; при этомъ вводилась долгосрочная аренда съ замѣной барщинныхъ работъ денежной арендной платой и были приняты мѣры къ облегченію крестьянамъ покупки земли. Въ Эстляндіи новое уложеніе появилось въ 1856 г. и тоже часть помѣщичьей земли была отдѣлена въ исключительное пользованіе крестьянъ, и барщинная аренда замѣнялась денежной; но не было сдѣлано никакихъ постановленій относительно пріобрѣтенія земли въ собственность. Что касается Курляндіи, то здѣсь превращеніе барщины въ денежную аренду произошло безъ содѣйствія правительства еще въ 40-хъ годахъ и, наконецъ, арендныя отношенія и крестьянское землевладѣніе были регулированы закономъ 1863 г. Выкупъ крестьянской земли начинается съ 1860 г. и происходилъ безъ помощи правительства. Въ настоящее время большая часть крестьянской земли уже выкуплена крестьянами-хозяевами (при содѣй-

Заключеніе.

Изъ представленнаго историческаго очерка мы видимъ, что Прибалтійскій край въ XVIII вѣкѣ жилъ обособленной жизнію, чуждой національнымъ и культурнымъ интересамъ Россіи. Подъ вліяніемъ измѣнчивыхъ обстоятельствъ предшествующей исторіи въ господствующемъ нѣмецкомъ населеніи выработалось полное равнодушіе къ иноземному господству и въ мѣстѣ съ тѣмъ высокій мѣстный патріотизмъ, направленный къ развитію своей балтійско-нѣмецкой культуры. Горячія стремленія прибалтійскихъ жителей состояли въ сохраненіи старинныхъ учрежденій и привилегированнаго положенія родной страны, въ обезпеченіи самоуправленія и корпоративнаго устройства сословій, въ процвѣтаніи торговли и ремеслъ и въ нѣмецкомъ просвѣщеніи. Но всѣми силами они боролись противъ вмѣшательства правительства во внутреннія отношенія своей страны и противъ всякаго вліянія русскихъ законовъ и учрежденій. Подобныя взгляды и стремленія мы видѣли даже у лучшихъ представителей прибалтійскаго общества. Вотъ почему не увѣнчались успѣхомъ попытки Екатерины II преобразовать устройство Прибалтійскаго края и сблизить его съ Россіей.

Но при всей внутренней обособленности Прибалтійскій край въ XVIII вѣкѣ, несомнѣнно, тяготѣлъ къ Россіи, которая своимъ могущественнымъ покровительствомъ обезпечивала ему спокойное существованіе и свободное культурное развитіе. Это нужно сказать даже о недавно присоединенной провинціи Курляндіи. Выгоды русскаго подданства ясно чувствовались въ исходѣ XVIII вѣка, когда всю Западную Европу потрясали войны и перевороты, стѣснявшіе торговую и промышленную дѣятельность. Продолжительный миръ особенно цѣнила торговая Рига, которая въ 1810 г. торжественно отпраздновала столѣтіе русскаго господства въ Ригѣ и Лифляндіи. Магистратъ хотѣлъ въ знакъ благодарности поставить памятникъ Петру Великому по проекту знаменитаго художника Торвальдсена, но помѣшали неблагопріятныя обстоятельства. Что касается прибалтійскихъ дворянъ, то они находили

ствіи дворянскаго кредитнаго общества). Но остается въ прежней силѣ тяжесть положенія безземельныхъ батраковъ.

выгодное примѣненіе своихъ силъ на русской государственной службѣ, какъ военной, такъ и гражданской, куда ихъ принимали очень охотно. На службѣ они оказывались даже русскими патріотами; но этотъ патріотизмъ (какъ и у другихъ жителей) имѣлъ своеобразный характеръ и основывался на формулѣ Kaisertreu, но не Reichstreu, т. е. они сохраняли вѣрность русскому императору, оставаясь въ сторонѣ отъ русскаго народа и его стремленій. Туземное же крестьянское населеніе еще не вышло изъ крѣпостного состоянія и находилось въ приниженномъ положеніи, чему способствовалъ экономическій кризисъ въ началѣ XIX вѣка. Поэтому крестьяне не могли играть никакой роли въ мѣстной политической и общественной жизни. Въ такомъ положеніи и настроеніи находился Прибалтійскій край въ 1812 году, и мы не въ правѣ ожидать здѣсь такого общенароднаго патріотическаго движенія, какое проявилось во всей Россіи въ этотъ тяжелый годъ русской исторіи.

Часть вторая.

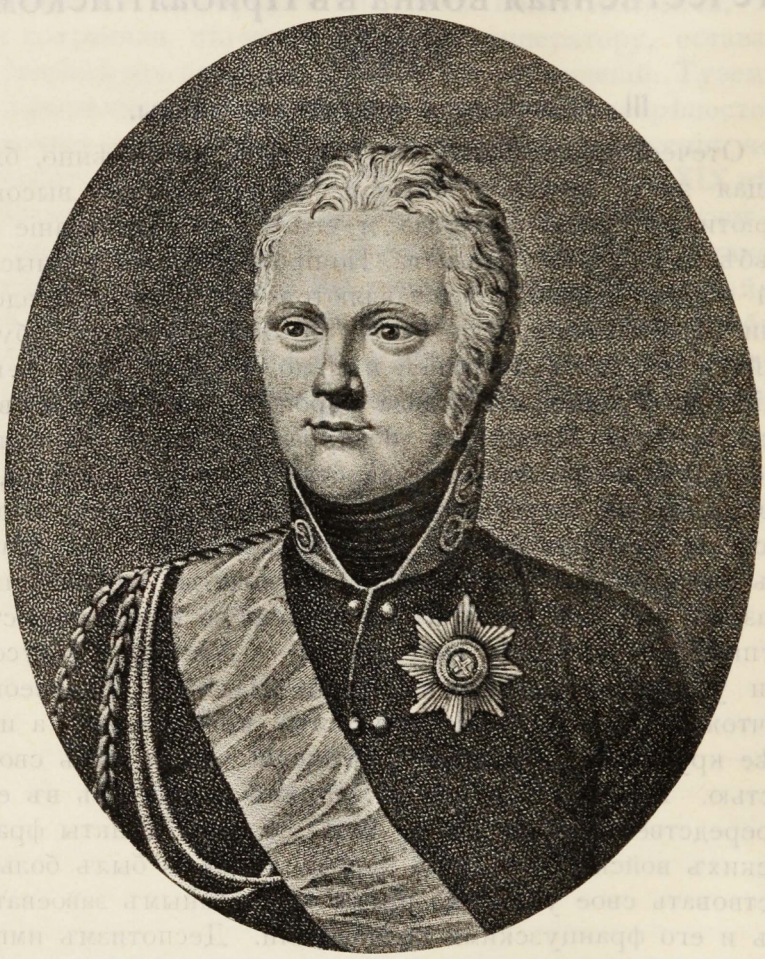
Отечественная война въ Прибалтійскомъ краѣ.

III. Причины и подготовка войны.

Отечественная война 1812 года есть, несомнѣнно, блестящая эпоха русской исторіи, обнаружившая высокій патріотизмъ русскаго народа и его самопожертвованіе въ борьбѣ съ врагами отечества. Но происхожденіе и смыслъ этой войны однако представляются неясными и загадочными. Повидимому, для Россіи не было особыхъ побужденій къ войнѣ съ Франціей и Наполеономъ. Если революціонная Франція побѣждала Европу и расширяла свои предѣлы, если Наполеонъ перекраивалъ карту Западной Европы, уничтожая одни государства и основывая другія,— то вѣдь это не затрогивало русскихъ интересовъ. Пока Россія не вмѣшивалась въ европейскія дѣла, она могла быть спокойной. Французское господство ближайшимъ образомъ угнетало Германію и нѣмецкую національность. Крупнѣйшія нѣмецкія государства — Австрія и Пруссія были унижены, разбиты и лишены владѣній. Наполеонъ уничтожилъ многія мелкія княжества въ Германіи, а изъ болѣе крупныхъ образовалъ Рейнскій союзъ подъ своей властью. Города Эрфуртъ и Данцигъ находились въ его непосредственномъ владѣніи, какъ сборные пункты французскихъ войскъ. Нѣмецкій народъ долженъ былъ больно чувствовать свое униженіе предъ чужеземнымъ завоевателемъ и его французскими подданными. Деспотизмъ императора и мѣстныхъ правителей, постоянные поборы деньгами и людьми и большіе налоги тяжело отзывались на нѣмецкомъ народѣ. Пруссія должна была въ 1807 г. выплатить громадную сумму денегъ и до окончательной расплаты содержать на свой счетъ французскіе гарнизоны. Но страшное угнетеніе вызвало въ Германіи ненависть къ французамъ и пробудило нѣмецкое національное чувство, выразившееся въ литературѣ и поэзіи. И вотъ, во время

наибольшаго могущества Наполеона, въ Германіи подготовлялось броженіе, и были уже отдѣльныя вспышки ненависти къ французамъ.

Наша Балтійская окраина, хотя уже сто лѣтъ находилась подъ русской властью, но по своей культурной



Императоръ Александръ I.

жизни была болѣе связана съ Германіей, чѣмъ съ Россіей. Вотъ почему она должна была враждебно относиться къ французамъ. Даже болѣе того, въ лицѣ своихъ литературныхъ представителей она участвовала въ нѣмецкомъ патріотическомъ движеніи. Замѣчательнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи явился извѣстный лифляндскій писа-

тель Меркель, авторъ „Латышей въ Ливоніи“.*) Напечатавши свою книгу въ Лейпцигѣ, Меркель поселился въ Германіи и занимался журналистикой. Въ 1803 г. онъ сталъ издавать въ Берлинѣ журналъ „Серьезность и Шутка или Откровенный“ (Ernst und Scherz oder der Freimüthige). Сначала журналъ занимался литературной критикой, именно, борьбой съ романтизмомъ, но возрастающая опасность со стороны Франціи заставила Меркеля обратиться къ политическимъ вопросамъ. Не обращая вниманія на то, что южная и западная Германія была уже во власти Наполеона и нѣмецкая печать не рѣшалась открыто выступать противъ него, Меркель одинъ не испугался и сталъ во всѣхъ формахъ проповѣдовать ненависть къ французамъ и ихъ побѣдоносному предводителю. Онъ помѣщалъ противъ Наполеона рѣзкія статьи и полные сарказма памфлеты, нападалъ на князей Рейнскаго союза, называя ихъ измѣнниками, и прямо выражался, что народъ долженъ свергнуть ихъ и взять въ свои руки борьбу съ французами. Будучи убѣжденъ въ недостаточности арміи, Меркель требовалъ всеобщаго народнаго вооруженія и убѣждалъ Пруссію начать по примѣру Испаніи національную войну. Но его проповѣдь въ то время не встрѣтила сочувствія. Прусское правительство было далеко отъ того, чтобы предоставить народу участіе въ спасеніи государства. Руководимая высокомѣрнымъ дворянствомъ, прусская армія была разбита Наполеономъ, и Пруссія была въ его рукахъ. Тогда Меркель удалился изъ Берлина сначала въ Кенигсбергъ, а потомъ въ Ригу и здѣсь съ начала 1807 г. сталъ издавать новый журналъ: „Дополнительные Листки къ Откровенному“**), которые были проникнуты той же ненавистью къ Наполеону и находили распространеніе не только въ Россіи, но и за границей. Въ этомъ журналѣ Меркель называлъ Наполеона „Какодемономъ“ — чудовищемъ, вышедшимъ изъ жерла революціи, и по прежнему защищалъ право народа взять въ свои руки оружіе и прогнать французовъ и ихъ нѣмецкихъ приверженцевъ. Но скоро въ іюнѣ 1807 г., послѣ мира Россіи съ Наполеономъ, журналъ дол-

*) См. объ этомъ выше, стр. 52 – 56 (біографія и портретъ Меркеля).

**) „Supplements-Blätter zum Freimüthigen“ выходили въ Ригѣ со 2 апрѣля до 15 іюня 1807 г. въ количествѣ 30 нумеровъ.

женъ былъ прекратиться. Прусская королева Луиза, извѣстная вдохновительница нѣмецкаго патріотическаго движенія, прислала Меркелю благодарность и назвала его „послѣднимъ голосомъ Германіи“. Послѣ этого Меркель сталъ издавать въ Ригѣ журналъ „Зритель“ литературнаго характера. Однако и въ этомъ журналѣ онъ касался политическихъ событій и умѣлъ выражать свою ненависть къ Наполеону, выставляя на видъ его деспотическіе поступки, хотя и въ почтительныхъ выраженіяхъ; онъ внушалъ своимъ читателямъ враждебныя французамъ мысли, не высказывая ихъ. Меркель исполнялъ свою роль такъ искусно, что ни разу не слышалъ жалобъ французскаго посольства въ Петербургѣ.

Жители Риги и всѣ прибалтійскіе нѣмцы съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за дѣятельностью своего земляка Меркеля. Судьба нѣмецкихъ государствъ и прусской королевской семьи вызывала здѣсь глубокое сочувствіе. Когда послѣ пораженія 1806 г. прусскіе министры удалились въ Россію, то трое изъ нихъ — Гарденбергъ съ Альтенштейномъ и Нибуромъ поселились въ Ригѣ. Здѣсь совершилось важное событіе въ исторіи Пруссіи и всей Германіи. Въ тиши Зассенгофа генералъ Гарденбергъ составилъ свою извѣстную записку о преобразованіи прусскаго государства, помѣченную такъ: „Рига, 12 сентября 1807 года.“ Записка содержала главнѣйшія реформы, осуществленныя потомъ прусскимъ правительствомъ: освобожденіе крестьянъ, введеніе самоуправленія, реорганизацію арміи. Эти реформы способствовали возрожденію Пруссіи и положили основаніе Германской имперіи. Въ слѣдующемъ году (1808) Рига восторженно встрѣчала прусскую королевскую чету во время ея путешествія въ Петербургъ, за что получила благодарность отъ императора Александра. Прусское правительство находилось въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ Ригой. Такъ какъ Россія обязалась уплатить Пруссіи 3 милліона талеровъ за содержаніе русскихъ войскъ, то прусское правительство поручило взысканіе этой суммы рижскому банкиру Клейну, который по этому дѣлу сносился съ прусскими министрами — Штейномъ и Гарденбергомъ.

Въ 1805 и 1806 году императоръ Александръ I велъ войну съ Франціей въ защиту нѣмецкихъ государствъ Австріи и Пруссіи. Послѣ нѣсколькихъ неудачъ онъ заключилъ миръ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ и вступилъ съ нимъ въ союзъ противъ Англіи. Такимъ образомъ съ 1807 до 1812 года существовалъ франко-русскій союзъ. Въ политическомъ отношеніи этотъ союзъ былъ, безъ сомнѣнія, выгоденъ для насъ. Наполеонъ не видѣлъ въ Россіи соперника и предоставилъ ей свободу распространять свое господство. Россія пріобрѣла Финляндію, отняла у Турціи Бессарабію и могла бы взять Молдавію и Валахію, если бы только не хотѣла сохранить дружбу Австріи. Наполеонъ готовился произвести раздѣлъ Турціи и уступить Россіи Балканскій полуостровъ съ Константинополемъ и Босфоромъ. Во внутреннемъ управленіи Сперанскій совмѣстно съ императоромъ подготовлялъ широкія реформы — введеніе народнаго представительства и освобожденіе крестьянъ. Но франко-русскій союзъ омрачался континентальной системой. Послѣ морскихъ неудачъ императоръ французовъ рѣшилъ побѣдить Англію на почвѣ экономической и съ этой цѣлью задумалъ провести бойкотъ англійскихъ товаровъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Нельзя видѣть въ дѣятельности Наполеона лишь одни властолюбивыя стремленія. Цѣль его была глубоко государственная: посредствомъ уничтоженія англійскаго господства на морѣ онъ хотѣлъ освободить материковую Европу отъ экономической зависимости отъ Англіи и положить основаніе ея самобытному промышленному развитію. Но при тогдашней экономической отсталости Европы, особенно Россіи, осуществить эту задачу оказалось очень трудно. Внѣшняя торговля Россіи большею частью велась съ Англіей, которая привозила колоніальные товары и предметы роскоши. Первое мѣсто по внѣшней торговлѣ занималъ Петербургъ, а затѣмъ Рига. Съ установленіемъ континентальной блокады морская торговля пала; всѣ предметы роскоши, какъ напр., сахаръ, кофе, вина, сукна, страшно вздорожали; ассигнаціи пали въ цѣнѣ; многіе купеческіе дома разорились; напр., въ Ригѣ обанкротилась фирма Цукербекеръ и пострадалъ банкирскій домъ Клейна. Но всѣ эти послѣдствія не касались многочисленнаго сельскаго населенія

Россіи, которое жило натуральнымъ хозяйствомъ и не нуждалось въ привозныхъ товарахъ; оно даже получало прибыль отъ всеобщаго возвышенія цѣнъ. Есть данныя, что континентальная система, несмотря на свое короткое существованіе, вызвала подъемъ русской промышленности. Такъ, за промежутокъ времени съ 1804 до 1814 года число фабрикъ увеличилось въ полтора раза, а число рабочихъ — почти вдвое; особенно развилось наше хлопчатобумажное производство *). Но городское населеніе — чиновники, купцы, ремесленники — сильно страдали отъ повышенія цѣнъ. Особенно роптали и жаловались на свое разореніе дворяне, которые жили въ столицахъ и привыкли къ роскоши. Еще болѣе они были недовольны тѣмъ, что государь вмѣстѣ со Сперанскимъ затѣвалъ ограничить дворянскія привилегіи и освободить крестьянъ. Этотъ ропотъ дворянъ и городского населенія заглушалъ робкіе голоса деревни и выдавался за голосъ всего народа.

Континентальная блокада въ строгомъ видѣ существовала всего три года. Въ 1810 году, чтобы облегчить положеніе дѣлъ, Александръ I разрѣшилъ торговлю съ нейтральными судами, преимущественно американскими. Но въ дѣйствительности это были англійскія суда, по крайней мѣрѣ снаряженныя на англійскія деньги, только подъ иностраннымъ флагомъ. Наполеонъ въ Западной Европѣ запретилъ впускать нейтральныя судна, и они всѣ устремились въ шведскія и русскія гавани. Масса колоніальныхъ товаровъ выгружалась въ Ригѣ и Петербургѣ; затѣмъ эти товары отчасти потреблялись внутри страны, а большая часть отправлялась сухимъ путемъ дальше въ Германію. На Лейпцигской ярмаркѣ 1810 г. продавались товары, привезенные съ сѣвера на 700 повозкахъ.

Такимъ образомъ континентальная система въ Россіи какъ бы не существовала. Россія служила проводникомъ англійской торговли со всей Европой, и Рига получала отсюда большія выгоды. Это былъ какъ бы единственный ганзейскій городъ, который велъ торговлю съ Англіей. Наполеонъ не могъ примириться съ нарушеніемъ Тильзитскаго мира и въ октябрѣ 1810 г. сдѣлалъ заявленіе

*) Карцовъ и Всенскій. Причины войны 1812 г. Спб. 1911 г., стр. 58.

императору Александру чрезъ русскаго повѣреннаго въ Парижѣ флигель-адъютанта Чернышева о недопущеніи нейтральныхъ судовъ. Наполеонъ говорилъ, что Россія по своему географическому положенію рождена для того, чтобы быть другомъ Франціи. Если она впредь останется таковымъ, ея наградой будетъ расширеніе владѣній и близкій морской миръ. Если же между имперіями вспыхнетъ война, она неизбѣжно принесетъ вредъ и побѣдителю и побѣжденному. Но, — утверждалъ Наполеонъ, — онъ не похожъ на древнихъ завоевателей, которые стремились къ безконечнымъ войнамъ; нѣтъ, его цѣль принудить Англію къ миру. Отъ Россіи же зависитъ нанести окончательный ударъ Англіи запрещеніемъ нейтральной торговли.*) Но императоръ Александръ I отклонилъ это предложеніе Наполеона, такъ какъ находилъ его невыгоднымъ для своего государства. Тогда Наполеонъ для обезпеченія континентальной системы присоединилъ къ Франціи ганзейскіе города и среди нихъ Ольденбургское герцогство, принадлежавшее родственнику императора Александра, который отвѣтилъ на это повышеніемъ тарифа на французскіе товары. Деспотическіе пріемы и вѣчные захваты Наполеона возмущали русскаго императора, равно какъ и другихъ государей Европы, и убѣждали въ неизбѣжности военнаго столкновенія. Къ этому присоединились недоразумѣнія изъ-за Польши, хотя Наполеонъ не имѣлъ серьезнаго намѣренія возстановить Польское королевство, въ чемъ его подозрѣвалъ императоръ Александръ. Между союзниками былъ неизбѣженъ разрывъ.

Съ начала 1811 г. обѣ стороны начинаютъ дѣятельно готовиться къ войнѣ. Наполеонъ назначилъ новые наборы войскъ и сталъ создавать свою великую армію въ Германіи, усиливая стоявшій тамъ корпусъ маршала Даву и гарнизоны приморскихъ городовъ. Кромѣ французскихъ войскъ Наполеонъ располагалъ еще военными силами государствъ Италіи, Испаніи и Рейнскаго союза, которыя находились какъ бы въ подданствѣ у него. Но и крупныя нѣмецкія государства — Австрія и Пруссія, за которыя русскіе проливали кровь въ 1805 и 1806 г.г., проявили не-

*) Вандаль. Наполеонъ и Александръ I, т. II. Спб. 1911 г. Стр. 519—523.

благодарность и присоединились къ Франціи. Правда, Пруссія была въ стѣсненномъ положеніи, но Австрія вполнѣ могла остаться нейтральной. Оба государства заключили съ Наполеономъ договоры (въ Парижѣ 12/24 февраля и 2/14 марта), по которымъ обязывались для войны съ Россіей предоставить въ распоряженіе императора вспомогательные корпуса; а Наполеонъ въ случаѣ успѣха обѣщалъ вознаградить союзниковъ увеличеніемъ ихъ владѣній, конечно, на счетъ Россіи.*) Наполеонъ хотѣлъ вооружить противъ насъ и Швецію и предлагалъ ей за союзъ возвратить Финляндію, но не достигъ цѣли. Между Александромъ и шведскимъ наслѣднымъ принцемъ Бернадотомъ былъ заключенъ союзъ, по которому Россія обѣщала помогать Швеціи пріобрѣсти Норвегію и возвратить потерянныя владѣнія въ Германіи.

Въ Россіи тоже увеличивались войска и исправлялись западныя крѣпости — Рига, Бобруйскъ и Кіевъ; въ разныхъ пунктахъ устраивались провіантскіе магазины; близъ Дриссы строили укрѣпленный лагерь для войскъ. Но особенныя заботы правительства привлекала Рига, какъ крѣпость наиболѣе близкая къ западной границѣ, служившая опорнымъ пунктомъ для Петербурга. Рижскія укрѣпленія, которыя теперь не существуютъ, состояли изъ старинной городской крѣпости съ 5 бастіонами и пятиугольной цитадели и были окружены валами и рвомъ, наполненнымъ водой. Эти укрѣпленія занимали пространство нынѣшняго стараго города, окруженное городскимъ каналомъ, который является остаткомъ крѣпостного рва. Кругомъ укрѣпленій лежала эспланада, т. е. пространство, необходимое для дѣйствія крѣпостныхъ орудій, а за эспланадой были расположены форштаты (предмѣстья), которые въ то время славились своимъ богатствомъ и заключали $^2/_3$ рижскаго населенія. Въ прежнее время форштаты были

*) Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III, заключая договоръ (12 февр.) съ Наполеономъ „противъ влеченій своего сердца“, однако, потребовалъ отъ союзника, въ случаѣ успѣха предстоящей кампаніи, уступки Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи, на что Наполеонъ злостно замѣтилъ: „А клятва надъ гробомъ Фридриха?“ (23 окт. 1805 г. въ полночь надъ гробомъ Фридриха Великаго Александръ I и прусскій король клялись въ вѣчной дружбѣ, залогомъ которой будетъ освобожденіе Германіи). Шильдеръ. Александръ I. Рус. Біогр. Слов., т. I., стр. 238.

укрѣплены палисадами, но въ 1789 году послѣдніе были срыты. Рижскія укрѣпленія были вооружены 500—600 орудій разныхъ калибровъ съ достаточными военными запасами. Городская крѣпость находилась въ содержаніи и управленіи города, который тратилъ на это 10 тысячъ талеровъ ежегодно, а цитадель состояла въ военномъ управленіи. Рѣка Двина защищала доступъ къ крѣпости съ южной стороны, такъ какъ ширина рѣки препятствовала наведенію моста. За Двиной охраняло переправу старинное укрѣпленіе Кобронштанцъ, кругомъ котораго были расположены небольшія форштаты Митавскій и Гагенсбергскій. Со стороны моря Рига была защищена крѣпостью Динаминдомъ. Рижскія укрѣпленія, существовавшія отъ шведской эпохи, къ началу XIX вѣка значительно устарѣли. Слабость ихъ признавалась не только военными авторитетами, но и жителями города. Еще задолго до войны въ 1807 г. рижскій магистратъ просилъ правительство объ уничтоженіи крѣпости, такъ какъ въ случаѣ осады форштатамъ угрожала опасность уничтоженія, что при слабости крѣпости было бы безполезной жертвой. Но правительство въ виду предстоящей войны отклонило эту просьбу, и только городская крѣпость была изъята изъ вѣдѣнія городского управленія и передана наравнѣ съ цитаделью въ руки военнаго начальства.

Съ начала 1811 г. принимается рядъ мѣръ къ приведенію рижской крѣпости въ состояніе боевой готовности и къ снабженію ея необходимыми военными запасами. Въ Петербургѣ было составлено „Предположеніе для обороны рижской крѣпости“, въ которомъ было указано, какія требуются крѣпостныя работы, сколько необходимо орудій и снарядовъ и пр. Для ближайшаго завѣдыванія крѣпостными работами былъ командированъ изъ Петербурга инженеръ-полковникъ Труссонъ, а для осмотра и приведенія въ порядокъ артиллеріи — генералъ-маіоръ князь Яшвиль. Эти лица признали крѣпостныя орудія вполнѣ соотвѣтствующими требованіямъ обороны и позаботились о равномѣрномъ распредѣленіи ихъ между всѣми рижскими укрѣпленіями (городомъ, цитаделью и Кобронштанцемъ): тяжелыя орудія были поставлены на главныхъ бастіонахъ, а мелкія — на близкихъ къ непріятелю раве-

линахъ; затѣмъ подъ руководствомъ Труссона исправили главный валъ, бастіоны и равелины; Кобронштанцъ снабдили двойными палисадами; для предупрежденія переправы построили редуты на Московскомъ форштатѣ и въ Форбургѣ (около Царскаго сада). Заячій островъ былъ укрѣп-

Князь М. Б. Барклай-де-Толли.

ленъ артиллеріей и по своему положенію господствовалъ надъ всей шириной рѣки. Сверхъ того строились батареи за Двиной и на островахъ Мукенгольмѣ и Кливерсгольмѣ. Всѣ эти крѣпостныя работы были возложены на гражданъ города Риги и на помѣщиковъ Лифляндской губерніи, которые были обязаны поставлять рабочихъ и подводы.

Для исполненія военныхъ повинностей образовалась комиссія изъ трехъ членовъ магистрата, трехъ купцовъ и трехъ ремесленниковъ. Кромѣ того граждане избрали депутатовъ для надзора за рабочими, поставленными для постройки укрѣпленій. Вмѣстѣ съ исправленіемъ укрѣпленій Рига, на случай осады, усиленно снабжается необходимыми запасами. Порохъ и всѣ снаряды, хранившіеся внѣ города въ трехъ деревянныхъ сараяхъ, были перевезены въ городъ и цитадель и помѣщены въ разныхъ погребахъ и подвалахъ. Въ мартѣ въ Ригѣ устраивается провіантскій складъ для снабженія войскъ. Прежде всего взяли находившіеся въ форштатахъ запасы хлѣба и муки и перевезли въ городъ. При этомъ блестящимъ образомъ обнаружилась вѣрность и преданность жителей Риги царю и отечеству: купцы и другіе жители отдавали излишки своихъ запасовъ безплатно. Кромѣ того была назначена поставка муки и крупы со всѣхъ имѣній Лифляндіи и отчасти Курляндіи. Огромные обозы съ хлѣбомъ тянулись по всѣмъ дорогамъ въ Ригу. Такъ какъ въ городѣ не хватало казенныхъ амбаровъ и частныхъ помѣщеній, то были употреблены въ качествѣ хлѣбныхъ магазиновъ лютеранскія церкви — Домская, Яковлевская и Ивановская, украшенія которыхъ немного пострадали въ это время.

26 марта 1812 года посѣтилъ Ригу военный министръ М. Б. Барклай-де-Толли на своемъ пути въ Вильну, гдѣ находилась западная армія, въ которой онъ состоялъ главнокомандующимъ. Военный министръ остановился у своего двоюроднаго брата первенствующаго бургомистра Августа Вильгельма Барклая-де-Толли*) и пробылъ въ Ригѣ

*) Рижская купеческая фамилія Барклай-де-Толли, такъ прославившаяся въ 1812 году, — шотландскаго происхожденія. Предокъ ихъ Barclay of Tolly выѣхалъ изъ Шотландіи во время смутъ XVII вѣка (какъ приверженецъ Стюартовъ) и поселился въ Ригѣ, занявшись здѣсь торговлей и вступивши въ число рижскихъ купцовъ. Потомокъ его Вильгельмъ Барклай сдѣлался въ XVIII в. бургомистромъ въ Ригѣ (умеръ въ 1735 г.). Одинъ изъ сыновей этого бургомистра наслѣдовалъ профессію и должность своего отца, и у него родился (въ 1752 г.) сынъ Августъ Вильгельмъ Барклай-де-Толли, извѣстный бургомистръ 1812 года, который имѣлъ въ Ригѣ лѣсную торговлю и собственный домъ. Еще въ царствованіе имп. Екатерины II (въ 1786 г.) онъ сдѣлался членомъ магистрата и бургомистромъ, а съ 1810 г. первенствующимъ бургомистромъ

два дня (до 28 марта). Онъ подробно осмотрѣлъ всѣ укрѣпленія и работы и сдѣлалъ распоряженіе относительно немедленной перевозки хлѣба въ городъ и скорѣйшаго окон-

---

(т. е. предсѣдателемъ магистрата). Въ теченіе 40 лѣтъ (умеръ въ 1826 г.) А. В. Барклай-де-Толли съ усердіемъ завѣдывалъ управленіемъ и судомъ въ городѣ и своей честностью, справедливостью и благотворительностью пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Въ тяжелое время 1812 года онъ заботился объ аккуратномъ исполненіи военныхъ потребностей, за что получилъ благодарность военнаго начальства. Во время пожара форштатовъ Рига обязана ему сохраненіемъ порядка и своимъ быстрымъ возстановленіемъ послѣ этого.

Второй сынъ бургомистра XVIII вѣка Вильгельма Барклая поступилъ въ военную службу офицеромъ и пріобрѣлъ этимъ путемъ русское дворянское достоинство. У этого офицера и родился (въ 1761 г.) сынъ Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли, знаменитый военный министръ и полководецъ 1812 года. Михаилъ Богдановичъ получилъ прекрасное образованіе въ домѣ своего дяди и затѣмъ поступилъ на военную службу, куда былъ записанъ на 7-омъ году. Онъ участвовалъ во многихъ войнахъ Екатерины II — турецкой, шведской и польской. Въ царствованіе имп. Александра I М. Б. принималъ участіе въ войнѣ съ Франціей 1806—1807 г., но особенно отличился во время завоеванія Финляндіи, когда командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ и въ 1809 г. совершилъ знаменитый переходъ по льду черезъ Ботническій заливъ. Послѣ этого онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи, а въ 1810 г. — военнымъ министромъ и сдѣлалъ многія улучшенія въ военномъ управленіи. Въ началѣ Отечественной войны М. Б. получилъ начальство надъ первой западной арміей и началъ отступленіе въ виду превосходныхъ силъ непріятеля. Великая, въ свое время непонятая заслуга Барклая-де-Толли состояла въ томъ, что онъ наперекоръ общему мнѣнію предпочиталъ отступать въ полномъ порядкѣ безъ урона и сохранилъ армію, отъ которой зависѣло спасеніе государства. Хотя М. Б. былъ замѣненъ Кутузовымъ, но продолжалъ играть выдающуюся роль въ русской арміи. Въ Бородинскомъ сраженіи онъ командовалъ правымъ флангомъ и центромъ и съ величайшимъ самопожертвованіемъ руководилъ всѣмъ сраженіемъ (подъ нимъ было убито 5 лошадей). На извѣстномъ совѣтѣ въ деревнѣ Филяхъ онъ доказывалъ невыгоды позиціи предъ Москвой и предложилъ отступить безъ боя. Послѣ этого М. Б. удалилея въ свое лифляндское помѣстье Бекгофъ (въ Феллинск. у.), но въ 1813 г. былъ снова призванъ къ участію въ заграничной войнѣ. Въ Лейпцигской битвѣ (4—6 окт.) онъ командовалъ центромъ и былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ побѣды, за что получилъ графскій титулъ. При взятіи Парижа въ 1814 г. за удачныя дѣйствія ему былъ пожалованъ чинъ фельдмаршала. Въ 1815 г. въ виду возвращенія Наполеона М. Б. повелъ во Францію новую русскую армію и послѣ знаменитаго смотра при Вертю, гдѣ эта армія оказалась въ превосходномъ состояніи, онъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство. По окончаніи войны М. Б. оставался главнокомандующимъ западной арміи, но разстроенное здоровье заставило его ѣхать на минеральныя воды въ Германію, и на пути туда въ

чанія крѣпостныхъ работъ. Изъ Риги Барклай-де-Толли писалъ государю, что по его убѣжденію „крѣпости Рига и Динаминдъ могутъ и должны представить упорную защиту противъ непріятеля.“

Бургомистръ А. В. Барклай-де-Толли.

По своему обширному протяженію рижская крѣпость нуждалась въ большомъ количествѣ войскъ. Между тѣмъ гарнизонъ Риги былъ весьма недостаточенъ: онъ простирался всего до 12 тысячъ человѣкъ. Такъ какъ хорошія регу-

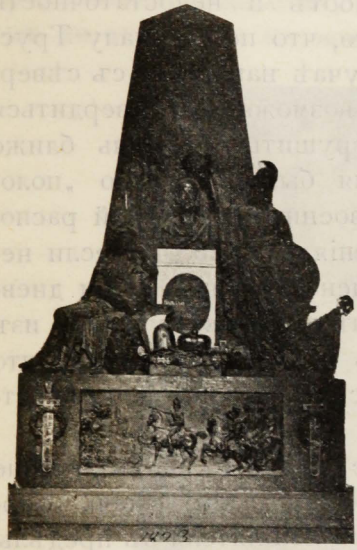
---

Инстербургѣ онъ скончался 14 мая 1818 г. и былъ похороненъ въ своемъ имѣніи Бекгофъ въ Лифляндіи. М. Б. Барклай-де-Толли отличался обширными военными познаніями и выдающейся храбростью и хладнокровіемъ. За свою справедливость, заботливость и ласковое обращеніе съ подчиненными онъ пользовался уваженіемъ какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. Такова жизнь этого замѣчательнаго человѣка, который служилъ Россіи въ годы тяжелаго бѣдствія и выдвинулся благодаря твердой поддержкѣ имп. Александра, наперекоръ невѣжественнымъ сужденіямъ толпы. Въ настоящемъ 1912 году фельдмаршалу князю М. Б. Барклаю-де-Толли сооружается въ Ригѣ памятникъ.

лярныя войска требовались въ другихъ мѣстахъ, то рижскій гарнизонъ былъ составленъ главнымъ образомъ изъ резервныхъ войскъ, изъ рекрутовъ и инвалидовъ и ни въ какомъ случаѣ не могъ сравняться съ боевой арміей одинаковой силы. Какъ впослѣдствіи признавало само военное начальство, резервные батальоны были ненадежны и носили только названіе и форму солдатъ: въ нихъ было не болѣе 30 старыхъ опытныхъ солдатъ, а остальное составляли рекруты послѣдняго набора. Обучать ихъ было трудно, потому что большая часть ихъ состояла изъ поляковъ, латышей и эстовъ, и офицеры могли съ ними объясняться лишь съ трудомъ. Естественно, что такія войска были способны только защищаться въ крѣпости и не годились для активныхъ дѣйствій и вылазокъ. Но и такихъ войскъ не хватало; некому было нести службу на валахъ около пушекъ. Пришлось привлечь къ этому рижскихъ гражданъ изъ цеховыхъ ремесленниковъ всѣхъ, кто сколько-нибудь годился для этой службы. Ихъ распредѣлили около пушекъ, такъ что на каждое орудіе приходилось по два артиллериста и три цеховыхъ мастера, которыхъ еще сверхъ того надо было обучить незнакомому для нихъ дѣлу.

Кромѣ сухопутныхъ войскъ для защиты города были необходимы рѣчныя суда, которыя могли бы поддерживать связь съ Динаминдомъ, охранять берега и затруднять осадныя работы. До начала войны въ Ригѣ было всего 6 канонерскихъ лодокъ и нѣсколько транспортовъ подъ начальствомъ лейтенанта Яновскаго. Изъ двухъ транспортовъ были устроены плавучія батареи, а канонерки были отправлены вверхъ по Двинѣ для предупрежденія непріятельской переправы черезъ рѣку. Для усиленія рижской рѣчной флотиліи рѣшено было послать канонерскія лодки изъ Свеаборга и Кронштадта. Въ это время въ Балтійскомъ морѣ плавала англійская эскадра подъ начальствомъ адмирала Мартина. Еще до открытія войны и заключенія мира съ Англіей адмиралъ Мартинъ чрезъ одного купца далъ знать рижскому военному губернатору Эссену, что въ случаѣ разрыва съ Франціей англійская эскадра будетъ содѣйствовать намъ всѣми зависящими отъ нея средствами. Не дожидаясь приказанія изъ Петербурга, Эссенъ вошелъ въ сношенія съ англійскимъ адмираломъ, прибывшимъ въ

Динаминдъ. Въ виду неприбытія канонерскихъ лодокъ, Эссенъ предложилъ англичанамъ построить нѣсколько такихъ лодокъ въ Ригѣ. Англичане согласились, и было построено 6 лодокъ, которыя плавали по Двинѣ подъ командой англійскаго капитана Стюарта. Для сношенія съ англійской эскадрой, стоявшей въ Динаминдѣ, въ Ригѣ на башнѣ лютеранскаго собора было устроено нѣчто въ родѣ телеграфа: на деревянныхъ шестахъ были установлены шары и флаги разныхъ цвѣтовъ, посредствомъ движенія которыхъ давались условные знаки.



Надгробный памятникъ князю М. Б. Барклаю-де-Толли въ им. Бекгофъ (Фелл. у.)*).

Въ то время, какъ производились крѣпостныя работы и заготовлялись припасы, военное начальство вырабатывало планъ защиты Риги противъ предполагаемой осады. Все болѣе и болѣе выяснялась неизбѣжность сожженія обширныхъ форштатовъ, чего сильно опасались многочисленные жители ихъ. 20 января 1812 г. было высочайше утверждено „положеніе объ окружности крѣпости". Окрестности крѣпости раздѣлялись на 4 дистанціи, и изъ нихъ въ трехъ первыхъ въ случаѣ непріятельскаго нападенія всѣ зданія подлежали разрушенію, какъ препятствовавшія защитѣ крѣпости. Въ апрѣлѣ инженеръ-полковникъ Трусонъ составилъ „примѣрный журналъ осады Риги", который былъ одобренъ государемъ и переданъ военному губернатору для руководства. Въ этомъ журналѣ авторъ описываетъ предполагаемыя осадныя работы непріятеля и

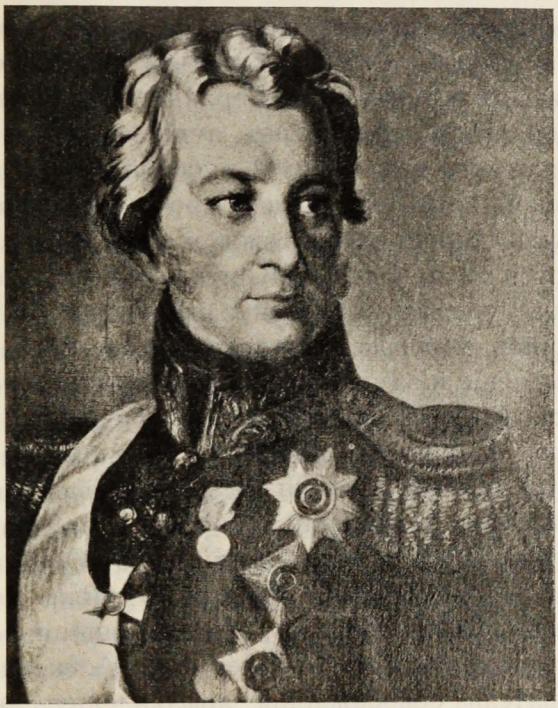
*) Могила князя расположена на высокомъ берегу рѣки Эмбаха, на опушкѣ густого сосноваго лѣса, въ разстояніи $^1/_2$ версты отъ имѣнія. У памятника живутъ два сторожа, которые обязаны открывать двери гробницы всякому желающему. Внутри ея стоятъ гробы князя и его супруги. Недалеко отсюда похороненъ сынъ князя Магнусъ съ своей женой. Такъ какъ онъ умеръ бездѣтнымъ, то имѣніе перешло въ другія руки.

оборонительныя дѣйствія гарнизона. Въ общемъ Груссонъ смотрѣлъ на предстоящую осаду весьма оптимистично и думалъ, что непріятелю потребуется слишкомъ много войска и осажденные будутъ въ состояніи съ успѣхомъ защищаться. Между тѣмъ многіе военные авторитеты (военный министръ Барклай-де-Толли и инженеръ Оппермань) сомнѣвались въ оборонительной способности Риги въ виду незаконченныхъ крѣпостныхъ работъ и недостаточности гарнизона. Но для насъ важно то, что по журналу Труссона комендантъ крѣпости въ случаѣ нападенія съ сѣверной стороны, если не считаетъ возможнымъ утвердиться въ форштатахъ, — долженъ разрушить и сжечь ближе расположенныя части ихъ. 5 іюля было одобрено „положеніе для крѣпостей, на базисѣ военныхъ дѣйствій расположенныхъ". Въ § 57 этого положенія сказано, что если непріятель удаленъ отъ крѣпости менѣе, чѣмъ на три дневныхъ марша, то комендантъ имѣетъ право удалить изъ нея всѣхъ нежелательныхъ лицъ и разрушить все, что можетъ стѣснять движеніе войскъ и дѣйствіе крѣпостныхъ орудій.

Такимъ образомъ военные законы и высочайше утвержденныя распоряженія предписывали сжечь форштаты немедленно со вступленіемъ непріятеля въ предѣлы края. Но конечно исполненіе этой мѣры зависѣло отъ военнаго начальника. Незадолго предъ началомъ войны 13 мая рижскій военный губернаторъ князь Лобановъ-Ростовскій получилъ отставку, вѣроятно, на основаніи отзыва военнаго министра,*) а вмѣсто него былъ назначенъ 31 мая генералъ-лейтенантъ Эссенъ I, по происхожденію эстляндецъ, бывшій предъ тѣмъ командиромъ 3 пѣхотнаго

*) Въ упомянутомъ письмѣ государю изъ Риги (27 марта) Барклай-де-Толли пишетъ, что князь Лобановъ-Ростовскій, безъ сомнѣнія, является хорошимъ администраторомъ и отличается личной храбростью и преданностью государю и отечеству. „Но у него абсолютно недостаетъ необходимыхъ способностей и познаній для защиты такой крѣпости, какъ Рига. Нужно еще прибавить, что его честолюбивый и своевольный характеръ мѣшаетъ ему пользоваться совѣтами спеціалистовъ—полковниковъ Труссона и Третьякова.. Я убѣжденъ, что онъ скорѣе похоронитъ себя подъ развалинами крѣпости, чѣмъ сдастъ ее; но онъ однако не будетъ въ состояніи успѣшно защищать ее." См „Журналъ исходящимъ бумагамъ Барклая-де-Толли." Рукопись Рижской городской библіотеки.

корпуса. Эссену было ввѣрено начальство надъ войсками и гражданское управленіе въ губерніяхъ Лифляндской и Курляндской, а съ началомъ войны предоставлялась власть главнокомандующаго дѣйствующей арміи въ этихъ губерніяхъ. Эссенъ былъ человѣкъ около 50 лѣтъ, посѣдѣвшій въ военной службѣ. По характеру своему онъ былъ прежде всего ревностный солдатъ и строгій исполнитель предписаній начальства; но, какъ показали обстоятельства, онъ не отличался ни военными познаніями, ни талантомъ



Генералъ Иванъ Николаевичъ Эссенъ I.

полководца. Тогдашній комендантъ рижской крѣпости И. Ѳ. Эмме въ своей позднѣйшей запискѣ даетъ такую характеристику рижскаго военнаго губернатора: „Что касается нравственныхъ качествъ Эссена, его вѣрности, прямодушія, честности, то съ этой стороны онъ являлся безупречнымъ. Но, къ сожалѣнію, онъ отличался рѣзкимъ и черезчуръ вспыльчивымъ характеромъ и легко поддавался совѣтамъ лицъ, его окружавшихъ. Кромѣ присущей

ему нерѣшительности имъ часто овладѣвала боязнь, какой-то паническій ужасъ, происходившій впрочемъ не изъ трусости, но единственно изъ страха тяготѣвшей на немъ отвѣтственности. Это заставляло его терять голову и отмѣнять данныя часъ тому назадъ распоряженія; онъ почти никогда не былъ увѣренъ въ томъ, что они соотвѣтствуютъ данному моменту." *) Эта характеристика весьма правдоподобная и, можетъ быть, объясняетъ послѣдующія неудачныя распоряженія генералъ-губернатора. Начальникомъ штаба Эссена былъ подполковникъ Тидеманъ, прусскій офицеръ, перешедшій съ согласія своего короля на русскую службу, чтобы бороться съ Наполеономъ; семейство же его оставалось въ Берлинѣ. Тидеманъ считался въ прусской арміи однимъ изъ лучшихъ инженеровъ, и Эссенъ взялъ его изъ главной русской квартиры для защиты рижской крѣпости. Между прочимъ Тидеманъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ сожженія форштатовъ и вліялъ въ этомъ смыслѣ на Эссена. Комендантомъ рижской крѣпости былъ упомянутый генералъ-маіоръ И. Ѳ. Эмме, пользовавшійся любовью рижскихъ гражданъ за свое гуманное обращеніе и за участіе, съ которымъ онъ относился къ интересамъ города во всѣхъ столкновеніяхъ съ военной властью. Полиціей завѣдывалъ полиціймейстеръ полковникъ Крюденеръ, лифляндецъ, служившій раньше въ Петербургѣ. Въ подчиненіи у Эссена находились гражданскіе губернаторы: лифляндскій — О. О. Дюгамель и курляндскій — знаменитый Фридрихъ (или по-русски Ѳедоръ Ѳедоровичъ) Сиверсъ, бывшій лифляндскій ландмаршалъ и ландратъ, другъ императора Александра I, извѣстный дѣятель освобожденія лифляндскихъ крестьянъ (1804 г.). Назначенный на постъ курляндскаго граждан-

*) Военскій. Отечественная война 1812 г. въ воспоминаніяхъ современниковъ. СПБ. 1911 г., стр. 59. Нѣкоторые современники и историки утверждаютъ, что Эссенъ, при полной неспособности быть на высотѣ своего положенія, однако, хотѣлъ сдѣлать изъ Риги второй Штральзундъ или воображалъ себя героемъ, заключеннымъ въ Сарагоссѣ, и думалъ патріотическимъ дѣломъ пріобрѣсти себѣ славу. Поэтому военное положеніе онъ соблюдалъ съ большимъ педантизмомъ и мелочными предписаніями безъ нужды стѣснялъ жителей. Военный судъ примѣнялся съ излишней строгостью и многіе незаслуженно подверглись казни и проч. См. Eckardt. York und Paulucci.

скаго губернатора, онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе за свою доброту и справедливость.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Ригѣ, когда на Россію надвигалась страшная опасность. Въ апрѣлѣ Наполеонъ двинулъ свою безчисленную армію къ Вислѣ, а самъ поѣхалъ въ Дрезденъ, куда съѣхались всѣ государи Западной Европы и начались пышныя празднества. Въ это же время Александръ I отправился въ Вильну (9 апр.), гдѣ находилась главная квартира русской арміи и куда собрались всѣ генералы и министры. Еще продолжались мирные переговоры, но была неизбѣжна война. 5 іюня военный министръ Барклай-де-Толли прислалъ генералу Эссену послѣднюю инструкцію, въ которой при возможномъ наступленіи непріятеля повелѣвалось: очистить Курляндію и вывезти всѣ хлѣбные запасы, а чего нельзя вывезти, то сжечь и уничтожить; отправить во внутреннія губерніи всѣ денежныя суммы, а также карты, описанія и инвентари, которыя находятся въ архивахъ и могутъ быть использованы непріятелемъ; увести всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, которые могли бы доставить непріятелю свѣдѣнія о состояніи страны и средства для содержанія войскъ. Курляндскому гражданскому губернатору было приказано съ появленіемъ непріятеля сжечь Митаву, а находившійся въ Курляндіи отрядъ генерала Вельяминова долженъ былъ послѣ попытки сопротивленія отступить въ Ригу и, чтобы отнять у непріятеля средства къ быстрому движенію, разрушить всѣ мосты и дороги, угнать лошадей и пр. Въ заключеніе инструкціи было сказано, что государь даетъ Эссену полную власть поступать и дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ по собственному соображенію, не обращая вниманія ни на какія обстоятельства, имѣя въ виду лишь одну цѣль всѣхъ усилій: ущербъ и отраженіе непріятеля.

IV. Нашествіе французовъ. Рига въ опасности.*)

Съ начала 1812 года между Наполеономъ и Александромъ I долго велись переговоры. Оба императора какъ будто не рѣшались начать страшную войну. Наконецъ, въ ночь съ 11 на 12 іюня армія Наполеона перешла рѣку Нѣманъ, и началась Отечественная война. Какъ извѣстно, русскія войска были раздѣлены на три арміи. Двѣ западныя арміи, расположенныя — первая около Вильны, а вторая къ югу отъ Гродно, должны были по первоначальному плану отступать въ укрѣпленный Дрисскій лагерь, гдѣ предполагалось оказать сопротивленіе. Изъ первой арміи былъ выдѣленъ одинъ корпусъ подъ начальствомъ графа Витгенштейна для прикрытія Дрисскаго лагеря и охраны Петербургской дороги. Третья — южная, такъ называемая обсерваціонная армія расположилась въ Волыни для защиты противъ Галиціи, откуда ожидали сильнаго нападенія. Затѣмъ въ Лифляндіи и Курляндіи подъ начальствомъ рижскаго военнаго губернатора Эссена было всего около 15 тысячъ человѣкъ въ Ригѣ, Митавѣ и Динаминдѣ. Наконецъ, въ Финляндіи оставались 2 дивизіи подъ предводительствомъ графа Штейнгеля для помощи шведамъ противъ Норвегіи и для высадки въ Германіи.

Послѣ перехода черезъ Нѣманъ Наполеонъ съ главными силами быстро двинулся къ Вильнѣ, чтобы разбить первую армію прежде ея соединенія со второй, а въ это время другіе французскіе начальники — вице-король Евгеній и вестфальскій король Іеронимъ должны были дѣйствовать противъ второй арміи Багратіона. Но русскіе разстроили планъ Наполеона, потому что онъ промедлилъ

*) Относительно рижскихъ событій въ 1812 г. самый главный источникъ — статья Gutzeit'a: „Riga im Kriegsjahre 1812". (Mittheil. aus der livl. Gesch. XIII), гдѣ собраны документы (переписка начальствующихъ лицъ) изъ изчезнувшихъ теперь рижскихъ архивовъ. Затѣмъ важна записка коменданта Эмме, напечатанная у К. Военскаго: „Отечественная война 1812 г. въ запискахъ современниковъ". Спб. 1911 г. Изъ воспоминаній современниковъ заслуживаютъ вниманія: письма пастора Граве, напечатанныя въ его книгѣ: „Skizzen zu einer Geschichte des russisch-französischen Krieges im J. 1812. Leipzig. 1814." и записки секретаря магистрата Германа: „Kurze Notizen über die Vorfälle bei Riga im Jahre 1812.", напечатанныя въ журналѣ „Rigasche Stabtblätter" за 1883 г.

въ Вильнѣ 18 дней, а король Іеронимъ не сумѣлъ отрѣзать Багратіона. Обѣ русскія арміи, уступая превосходнымъ силамъ непріятеля, начали быстро отступать, причемъ Багратіонъ, преслѣдуемый французами, принужденъ былъ значительно удалиться отъ первой арміи, которая 2 іюля оставила Дрисскій лагерь, такъ что соединеніе ихъ произошло только подъ Смоленскомъ. Крайній правый флангъ французской великой арміи составлялъ австрійскій вспо-

Маршалъ Макдональдъ.

могательный корпусъ, который долженъ былъ дѣйствовать противъ русской обсерваціонной арміи. Въ качествѣ лѣваго фланга былъ выдѣленъ изъ великой арміи X французскій корпусъ подъ начальствомъ маршала Макдональда*), гер-

*) Этьенъ Макдональдъ (1765—1840) происходилъ изъ шотландской фамиліи и началъ свою военную карьеру еще въ эпоху революціи. Въ 1798—99 гг. онъ командовалъ французскими войсками въ Италіи и неудачно сражался съ Суворовымъ (при Требіи). Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ опалы у Наполеона М. принимаетъ выдающееся участіе въ войнахъ

цога Тарентскаго, который долженъ былъ итти изъ Тильзита черезъ Литву на сѣверъ къ Западной Двинѣ. Въ составъ корпуса Макдональда входила 7-ая французская дивизія барона Гранжана, состоявшая большею частью изъ поляковъ, баварцевъ и вестфальцевъ, и 20-тысячный прусскій вспомогательный отрядъ подъ названіемъ 27-ой дивизіи. Командующимъ прусскимъ корпусомъ былъ поставленъ, по желанію Наполеона, престарѣлый генералъ Гравертъ, но въ помощники ему, какъ бы въ качествѣ второго командующаго, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III назначилъ талантливаго генерала Іорка, который пользовался его особеннымъ довѣріемъ*). Корпусу Макдональда была поставлена Наполеономъ совершенно опредѣленная задача: онъ долженъ былъ, во-первыхъ, прикрыть лѣвый флангъ великой арміи и одновременно дѣйствовать противъ русскаго праваго фланга, т. е. противъ корпуса Витгенштейна; во-вторыхъ, осадить и взять Ригу. Важнѣйшая изъ этихъ задачъ — это завоеваніе Риги, которая, по свѣдѣніямъ французовъ, была слабо укрѣплена и защищена. Рига давно привлекала вниманіе Наполеона, и онъ еще предъ началомъ войны приказалъ составить въ Данцигѣ осадной артиллерійскій паркъ для взятія этого города. Рига являлась важною гаванью, чрезъ которую Англія вела оживленныя торговыя сношенія съ материкомъ, такъ что Наполеонъ называлъ ее предмѣстьемъ Лондона. Взятіе Риги способствовало бы полному проведенію континентальной блокады. Во французскомъ владѣніи она могла представить превосходныя зимнія квартиры и богатые запасы для французскихъ войскъ и явилась бы естественнымъ операціоннымъ базисомъ противъ Витгенштейна. Какой былъ бы для Наполеона тріумфъ взять этотъ городъ!

Макдональдъ перешелъ 12 іюня Нѣманъ около Тильзита и русскую границу близъ Таурогена и медленно

1809—1814 гг. Послѣ низложенія Наполеона онъ былъ назначенъ пэромъ Франціи и оставилъ послѣ себя записки. Макдональдъ отличался добротой и справедливостью и пользовался уваженіемъ прусскихъ офицеровъ.

*) Изъ другихъ прусскихъ начальниковъ замѣчательны слѣдующіе: пѣхотой командовалъ генералъ-маіоръ Клейстъ, кавалеріей — ген.-лейт. Массенбахъ, артиллеріей — маіоръ Шмидтъ; начальникомъ штаба былъ полковникъ Редеръ.

двигался впередъ черезъ Ковенскую губернію, затрудняемый плохимъ обозомъ и добываніемъ провіанта. 19 іюня (1 іюля н. с.) онъ прибылъ въ Россіены и расположился на бивакахъ. Здѣсь онъ пробылъ долгое время, посылая вокругъ отряды для изслѣдованія мѣстности. Отсюда, по приказанію Наполеона, Макдональдъ отправилъ генерала Іорка въ Мемель съ значительнымъ отрядомъ для укрѣпленія этого города противъ англійскаго флота. Послѣ отступленія Витгенштейна къ Дриссѣ все пространство между Нѣманомъ и Двиной до Балтійскаго моря было свободно отъ русскихъ войскъ; прикрытіе великой арміи уже не требовалось, и Макдональдъ долженъ былъ со всей энергіей приступить къ разрѣшенію второй задачи, т. е. къ завоеванію Риги. При быстромъ наступленіи и рѣшительныхъ дѣйствіяхъ онъ могъ бы легко взять эту важную крѣпость, слабо защищенную вслѣдствіе недостатка войскъ. Но маршалъ терялъ время въ боязливыхъ мѣропріятіяхъ противъ непріятеля, котораго не было, и своею нерѣшительностью далъ Эссену время приготовить свои молодыя войска къ предстоящей борьбѣ. Напрасно императоръ Наполеонъ изъ Вильны (9 іюля н. с.) предписывалъ ему дѣйствовать быстро, и только второе сообщеніе изъ императорской главной квартиры, что онъ долженъ привлечь къ себѣ вниманіе стоящихъ въ Ригѣ русскихъ войскъ, такъ какъ скоро ожидается большое сраженіе на верхней Двинѣ, — побудило Макдональда начать 4/16 іюля ускоренный походъ въ Курляндію.

Когда въ Ригу пришло извѣстіе о переходѣ непріятелемъ границы, то здѣсь 16 іюня было объявлено военное положеніе. На самомъ высокомъ бастіонѣ развѣвалось кроваво-красное знамя, которое приводило въ страхъ мирныхъ жителей и указывало на то, что здѣсь господствуетъ военный законъ. Гражданское управленіе въ городѣ перешло отъ губернатора къ коменданту рижской крѣпости, генералу Эмме. По высочайшему повелѣнію, магистратъ долженъ былъ передать коменданту городскіе ключи, хранившіеся въ городѣ по особенной привилегіи, дарованной Петромъ Великимъ. При этомъ граждане были удостоены особаго рескрипта, въ которомъ восхвалялась ихъ всегдашняя вѣрность и преданность престолу.

17 іюня военный губернаторъ Эссенъ обратился къ населенію Риги со слѣдующимъ воззваніемъ: „Жители Риги! Непріятель вступаетъ въ предѣлы Россіи. Нашъ городъ также можетъ встрѣтиться съ опасностями, но мы смотримъ на будущее безъ страха, такъ какъ мужество и сила защищаютъ наши валы, а духъ гражданской вѣрности, который отличаетъ городскихъ жителей, будетъ господствовать внутри города. Чтобы укрѣпить эту успокаивающую увѣренность, пусть взаимное довѣріе и твердое намѣреніе дружно встрѣтить всякое несчастіе и пожертвовать всѣмъ для добраго дѣла будутъ непреложнымъ закономъ, который каждый пусть охотно возлагаетъ на себя и стойко его выполняетъ. Моя добрая воля бороться со всякими обстоятельствами не привела бы ни къ чему, если бы я не пользовался содѣйствіемъ здѣшнихъ жителей. Поэтому я съ полнымъ довѣріемъ приглашаю гражданъ Риги содѣйствовать по мѣрѣ силъ защитѣ города и личной собственности, а также исполнять безъ промедленія всѣ мои реквизиціи, которыя будутъ относиться къ оборонѣ города, — чтобы, опираясь на патріотическій духъ рижскихъ гражданъ и руководимый твердой надеждой, я никогда не былъ вынужденъ примѣнять тѣ обширныя полномочія, которыя Е. И. В. всемилостивѣйше изволилъ мнѣ даровать.“

По словамъ современника, рижскіе граждане были настроены весьма патріотически и готовы были сражаться на валахъ по примѣру своихъ предковъ, которые столько разъ защищались съ геройскимъ мужествомъ. Открыто обнаруживалась ненависть къ Наполеону; также велико было раздраженіе противъ пруссаковъ за то, что они вооружились противъ своихъ недавнихъ союзниковъ. О намѣреніяхъ Наполеона относительно Риги доходили слухи до жителей, и они опасались участи нѣмецкихъ ганзейскихъ городовъ, совершенно разоренныхъ французскимъ господствомъ. Современникъ пасторъ Граве писалъ: „Въ Ригѣ дрожатъ предъ возможностью отдѣленія отъ Россіи, съ которой городъ связанъ природными условіями и столѣтнимъ миромъ и отъ которой произошло все его благосостояніе. И какова можетъ быть участь Риги? Она должна принадлежать Пруссіи или Польшѣ или образовать

вольный городъ, подобно несчастному Данцигу, который заплатилъ за это имя какъ тяжелымъ рабствомъ, такъ бѣдностью и нуждой.“ Но несмотря на патріотическія чувства, приближеніе осады со всѣми ея ужасами наводило на жителей большой страхъ. Зажиточные люди вывозили запасы товаровъ изъ города или прятали ихъ въ крѣпкихъ погребахъ и подвалахъ. Многіе старались спасти свои семейства, складывали пожитки и отправлялись въ безопасныя мѣста: на островъ Эзель, въ Петербургъ или дальнія губерніи. Военное начальство пошло на встрѣчу такому стремленію жителей. 25 іюня было вывѣшено на биржѣ объявленіе, которымъ разрѣшалось всѣмъ желающимъ оставлять городъ и брать съ собой имущество, исключая того, что можетъ служить для продовольствія гарнизона, но при томъ условіи, если отъѣзжающіе будутъ вносить всѣ лежащіе на нихъ платежи и поставлять за себя людей для содержанія карауловъ, а домовладѣльцы оставятъ въ каждомъ домѣ, на случай пожара, по два взрослыхъ человѣка. Остающимся же жителямъ военный губернаторъ предписалъ запастись провіантомъ на 4 мѣсяца, почему многіе стали покупать всякую живность и запасы овощей. Для поддержанія курса ассигнацій начальство запретило вывозъ изъ города золота и серебра. Съ этою цѣлью и въ интересахъ безопасности изъ города и форштатовъ были высланы всѣ евреи, за исключеніемъ находившихся подъ особымъ покровительствомъ (Schutzjuden), причемъ велѣно было отнимать у нихъ благородные металлы, давая вмѣсто этого ассигнаціи. На все военное время евреи не допускались въ Ригу, подъ тѣмъ предлогомъ, что они вымѣнивали и вывозили золото и серебро въ Курляндію и Литву. Приготовленія къ осадѣ измѣнили видъ торговой Риги. На Двинѣ спѣшно нагружались корабли; въ узкихъ улицахъ тѣснились обозы съ хлѣбомъ, которые приходили изъ разныхъ мѣстъ Лифляндіи и Курляндіи. Опустѣли красивыя загородныя дачи, куда только что переѣхали жители наслаждаться прекрасной весной. По городу ходили противорѣчивые слухи: то сообщали объ успѣхахъ, то о пораженіяхъ нашихъ армій; говорили, что англичане и шведы спѣшатъ на помощь Ригѣ; ходили за заставы прислушиваться, не раздаются ли выстрѣлы;

смотрѣли на движеніе телеграфа; страхъ предъ угрожающей опасностью смѣнялся надеждой. Насколько велико было общее тревожное настроеніе, показываетъ слѣдующій случай, бывшій 26 іюня. Маіоръ Апушкинъ, начальникъ одного казачьяго отряда близъ Митавы, донесъ курляндскому губернатору Сиверсу, что французскія войска стоятъ въ 10 верстахъ отъ Митавы и что поэтому онъ сжегъ мостъ на Добленской дорогѣ. Хотя этотъ слухъ не подтвердился изъ другихъ мѣстъ, все-таки Сиверсъ отправилъ изъ Митавы казенныя суммы и сообщилъ въ Ригу, гдѣ тоже впали въ страхъ и видѣли непріятеля предъ воротами. Скоро оказалось, что это было стадо быковъ, которыхъ гнали казаки, а маіоръ Апушкинъ принялъ ихъ за непріятельскую пѣхоту и кавалерію. Эссенъ страшно разсердился и приказалъ генералу Левизу арестовать Апушкина и предать суду за то, что онъ не только напугалъ двѣ губерніи, но опозорилъ свой мундиръ и шпагу.

Въ виду приближенія непріятеля и неизбѣжности осады военное начальство считало необходимымъ для безопасности крѣпости немедленно уничтожить форштаты, которые могли принести пользу непріятелю, а осажденнымъ затруднять защиту. Но необходимость этой мѣры однако и въ то время являлась спорной. Комендантъ рижской крѣпости генералъ Эмме въ своей запискѣ утверждаетъ, что онъ съ самаго начала былъ противъ сожженія форштатовъ: „Пожаръ долженъ былъ состояться лишь тогда, когда непріятель завладѣлъ бы форштатами; намъ онъ принесъ бы пользу, а непріятелю ущербъ и вредъ, такъ какъ съ ближайшихъ городскихъ укрѣпленій мы могли бы метать бомбы, гранаты и брандскугели, которыя осыпали бы врага, завлеченнаго въ узкія пространства улицъ форштатовъ. При такомъ положеніи онъ не только не могъ бы тамъ удержаться, но рисковалъ, при хорошей и быстрой вылазкѣ съ нашей стороны, быть окончательно разбитымъ и потерять свою осадную артиллерію.“ Это мнѣніе представляется самымъ естественнымъ и благоразумнымъ. Вѣдь и Москва начала горѣть только тогда, когда была занята французами. Но Эссенъ, по словамъ Эмме, цѣликомъ отвергъ его мнѣніе съ своей обычной горячностью и рѣзкостью, такъ что комендантъ долженъ былъ, какъ

подчиненный, безпрекословно повиноваться. Твердо рѣшившись сжечь форштаты, военный губернаторъ однако принялъ всѣ мѣры, чтобы предупредить жителей и извѣстить ихъ объ ожидающей ихъ участи. 25 іюня жителямъ Петербургскаго и Московскаго форштатовъ было объявлено, чтобы они своевременно приготовились къ оставленію своихъ домовъ и взяли изъ нихъ свое имущество, такъ какъ съ приближеніемъ непріятеля форштаты будутъ уничтожены огнемъ. Это предупрежденіе полиція повторила нѣсколько разъ съ барабаннымъ боемъ, какъ дѣлалось обыкновенно. Впрочемъ, для большей части жителей этого не требовалось. Со времени слуховъ о приближеніи непріятеля, по словамъ Граве, „никто не осмѣливался спать спокойно внѣ города. Почти всѣ семейства оставили свои дачи и изъ форштатовъ бѣжалъ, кто могъ“. Но бѣднѣйшіе жители, конечно, оставались въ форштатахъ, и у нихъ являлась тайная надежда, что страшное дѣло не осуществится. Къ сожалѣнію, долгое время не отмѣчали границъ, до которыхъ будутъ уничтожены форштаты. Самъ Эссенъ въ своемъ позднѣйшемъ письмѣ къ графу Аракчееву объясняетъ, что онъ медлилъ обозначить линію сожженія, ожидая, пока форштаты будутъ совершенно оставлены жителями, чтобы непріятель не нашелъ здѣсь добычи и чтобы въ случаѣ пожара жители не бросились всѣ въ городъ: „поэтому оставались они вначалѣ въ неизвѣстности“, т. е. относительно границы разрушенія. Но расчеты военнаго губернатора не оправдались, потому что очищеніе форштатовъ было сопряжено съ большими затрудненіями. Многочисленные купеческіе погреба и обширные амбары были нагружены товарами; а вывозить было некуда, такъ какъ городъ внутри крѣпости былъ переполненъ бѣглецами и имуществомъ жителей и войскъ.

Съ конца іюня уже начинаются приготовленія къ сожженію. Полиція распорядилась, чтобы въ форштатахъ оставалось въ готовности достаточное количество горючихъ матеріаловъ, какъ деготь, смола, скипидаръ, фосфоръ и пр. Въ крѣпости было заготовлено свыше 1000 просмоленныхъ веревочныкъ вѣнковъ, которые были переданы полиціймейстеру „на случай зажженія форштатовъ“. Напротивъ, городъ внутри крѣпости всевозможнымъ образомъ охра-

нялся отъ пожара. 5 іюля было издано магистратомъ объявленіе, которымъ повелѣвалось гражданамъ: вывезти всѣ горючія вещества изъ города, очистить чердаки отъ деревянной посуды и всякаго хлама, въ каждомъ домѣ держать въ готовности кадки съ водой, ведра и густыя мочальныя щетки на длинныхъ шестахъ (не менѣе сажени); каждые 24 часа дополнять воду въ каткахъ; проведенныя въ домахъ водяныя трубы содержать въ совершенной исправности и имѣть при нихъ по нѣсколько ведеръ съ водой. Если въ одномъ кварталѣ сдѣлается пожаръ, то запрещается сбѣгаться на то мѣсто изъ другихъ кварталовъ. Наблюденіе за исполненіемъ этихъ предписаній магистратъ возлагалъ на гражданъ городской милиціи*), расположенныхъ въ каждомъ кварталѣ: они должны были назначать команды для ежедневнаго осмотра домовъ. Хотя положеніе Риги было въ высшей степени серьезное, но Эссенъ былъ исполненъ твердой увѣренности въ своей силѣ. Въ письмахъ къ петербургскому начальству (въ началѣ іюля) онъ высказывается въ общемъ удовлетворительно о состояніи крѣпости, хотя войска и имѣли нѣкоторые недостатки, и выражаетъ радость, что непріятель далъ ему время укрѣпиться, такъ что онъ будетъ въ состояніи успѣшно обороняться съ малымъ гарнизономъ. Но это дѣйствительное или показное мужество скоро исчезло, какъ только показалась дѣйствительная опасность.

Какъ мы знаемъ, Макдональдъ 4/16 іюля началъ свой походъ въ Курляндію. Достигнувъ Поневѣжа, X корпусъ раздѣлился: пруссаки пошли по лѣвому берегу рѣки Лавены, дивизія Гранжана — по правому, а полковникъ Раумеръ съ нѣсколькими батальонами посланъ былъ прямымъ путемъ занять Митаву (см. карту), въ то время какъ Іоркъ оставался въ Мемелѣ съ значительною частью прусскаго корпуса. Когда авангардъ дивизіи Гранжана занялъ городокъ Баускъ (6/18 іюля), то Макдональдъ съ главными силами направился на востокъ къ Фридрихштадту вверхъ

*) Въ Ригѣ издавна существовала городская милиція или гвардія изъ бюргеровъ, состоявшая изъ двухъ конныхъ отрядовъ (голубая и зеленая гвардія) подъ командой бургомистра и 8 пѣхотныхъ ротъ подъ начальствомъ одного изъ ратсгеровъ. Кромѣ того форштаты составляли особый отрядъ.

Движеніе X французскаго корпуса.
Путь непріятеля
Первоначальныя прусскія позиціи.
Г Главная квартира ген. Граверта.
Первоначальныя французскія позиціи. (7ая дивизія генерала Гранжана)
М Главная квартира Макдональда.
Рижскій заливъ
Вольмаръ
Венденъ
Лифляндія
Виндава
Тальсенъ
Пильтенъ
Туккумъ
Шлокъ
Рига
Олай
Даленкирхенъ
Фридрихштадтъ
Крейцбургъ
Якобштадтъ
Гольдингенъ
Митава
Добленъ
Экау
Ранкенъ
Баускъ
Янишки
Либава
Тельши
Полангенъ
Шавли
Мемель
Колтыняны
Шилели
Скавдвиле
Россіены
Таурогенъ
Пошерунъ
Тильзитъ
Ковно
Кейданы
Вилькомиръ
Поневѣжъ
Посволь
Иллукстъ
Динабургъ
Калкуны
Друя
Дрисса
Якубово
Клястицы
Полоцкъ
Себежъ
Люцинъ
Курляндія
Семигалія
Витебская губ.
Ковенская губ.
Гравертъ
Мандональдъ
Гравертъ
Мандональдъ и Гранжанъ
р. Аа
р. Эвстъ
р. Двина
р. Лавена
р. Инстеръ
р. Кѣманъ
X Корпусъ
Карта Курляндіи въ 1812 году.
Административное дѣленіе герцогствъ Курляндскаго, Семигальскаго и Пильтенскаго дистрикта на 4 оберъ-гауптманства и 8 гауптманствъ:
I Гольдингенское - 1 Виндавское, 2 Гольдингенское.
II Туккумское - 3 Тальсенское, 4 Туккумское.
III Митавское - 5 Добленское, 6 Бауское.
IV Зельбургское - 7 Фридрихштадтское, 8 Иллукстское.
V Пильтенскій дистриктъ (бывшее епископство Курляндское).

по теченію Двины; прусскій же корпусъ получилъ приказаніе итти къ Ригѣ двумя колоннами (Гравертъ — на Экау, а Клейстъ — на Ранкенъ). Въ Курляндіи для защиты Митавы и для наблюденія за движеніемъ непріятеля находился 6-тысячный русскій отрядъ съ 6 орудіями подъ начальствомъ генерала Левиза, который смѣнилъ Вельяминова *). Когда утромъ 6/18 іюля въ Митавѣ было получено извѣстіе, что прусскіе отряды появились въ Баускѣ, Левизъ вышелъ изъ города, оставивъ въ немъ два батальона,

*) Федоръ Федоровичъ Левизъ-офъ-Менаръ (Friedrich von Löwis of Menar) происходилъ изъ шотландской дворянской фамиліи, переселившейся въ XVII вѣкѣ въ Лифляндію. Онъ родился въ 1767 г. въ Гапсалѣ, гдѣ стоялъ полкъ его отца. Получивъ домашнее образованіе, онъ поступилъ въ военную службу и участвовалъ въ шведской войнѣ имп. Екатерины II и въ польскихъ раздѣлахъ, дослужившись до чина генералъ-маіора. Въ 1802 г. Ф. Ф., сопровождая имп. Александра I, упалъ съ лошади и сильно разбилъ себѣ голову, такъ что принужденъ былъ выйти въ отставку и жилъ въ своихъ имѣніяхъ. Въ 1805 г. во время войны съ Франціей онъ снова поступилъ на службу и сражался подъ Аустерлицемъ. Въ дек. 1806 г. съ началомъ новой войны Ф. Ф. опять пошелъ въ походъ, находясь въ корпусѣ ген.-лейт. Эссена I, назначенномъ охранять русскую границу отъ Бреста-Лит. до Гродно, причемъ съ успѣхомъ командовалъ авангардомъ. Здѣсь онъ заболѣлъ сильной лихорадкой, но продолжалъ командовать отрядомъ, приказавъ привязать себя къ сѣдлу лошади, чтобы не упасть. Послѣ Тильзитскаго мира Ф. Ф. былъ назначенъ начальникомъ 10 дивизіи и посланъ въ 1809 г. въ Галицію противъ австрійцевъ, а отсюда на Дунай противъ турокъ и участвовалъ въ бою подъ Шумлой. Вскорѣ онъ опять заболѣлъ лихорадкой и, не надѣясь оправиться, подалъ въ отставку. Когда насталъ 1812 годъ, Ф. Ф., желая быть полезнымъ государю и отечеству въ столь тяжелое время, подалъ прошеніе о своемъ желаніи снова поступить на службу и въ ожиданіи рѣшенія поѣхалъ въ Ригу. Военный губернаторъ Эссенъ (авангардомъ котораго Ф. Ф. командовалъ въ 1807 г.) встрѣтилъ его съ радостью и поручилъ ему отрядъ ген. Вельяминова. 25 іюля Ф. Ф. прибылъ въ Митаву и успѣлъ уже сразиться съ непріятелемъ, когда пришло извѣстіе о назначеніи его въ корпусъ Эссена. — Послѣ отступленія французовъ Ф. Ф. былъ посланъ преслѣдовать ихъ. Въ 1813 г. ему была поручена осада сильной крѣпости Данцига, гдѣ было 30 тыс. французовъ, и онъ взялъ ее 17 ноября. По окончаніи войны въ 1814 г. Ф. Ф. вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи близъ Дерпта. Въ 1818 г. онъ былъ избранъ ландмаршаломъ и дѣйствовалъ въ пользу освобожденія крестьянъ; скончался онъ въ 1824 г. Ф. Ф. Левизъ отличался хладнокровіемъ и распорядительностью въ битвахъ; онъ былъ строгъ и взыскателенъ по службѣ, но подчиненные его любили и уважали. Въ свободное время Ф. Ф. любилъ заниматься науками (особенно исторіей и географіей), зналъ многіе языки и оставилъ любопытныя записки. Въ ряду генераловъ 1812 г. онъ занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ.

и занялъ позицію при мѣстечкѣ Экау въ 25 верстахъ отъ Митавы на перекресткѣ двухъ дорогъ (Рига-Баускъ и Митава-Фридрихштадтъ). Гравертъ узналъ отъ передовыхъ русскихъ отрядовъ о расположеніи Левиза и успѣлъ извѣстить Клейста, чтобы тотъ спѣшилъ на помощь. 7/19 іюля пруссаки подъ предводительствомъ Граверта и Клейста съ двухъ сторонъ напали на русскихъ, стоявшихъ въ углу рѣки Экау, имѣя почти равное количество войска,

Генералъ Ф. Ф. Левизъ.

но съ тройнымъ перевѣсомъ въ артиллеріи, и совершенно разбили ихъ. Русскіе потеряли около 300 плѣнныхъ и около 600 убитыми и ранеными. Эта битва имѣла печальныя послѣдствія для русскихъ, потому что здѣсь была поражена лучшая часть рижскаго гарнизона, а это навело страхъ на всѣхъ и удерживало отъ активныхъ дѣйствій. Для пруссаковъ же она имѣла важное значеніе, какъ проба обновленной прусской арміи и первая побѣда послѣ многихъ

пораженій недавняго прошлаго. Макдональдъ очень обрадовался побѣдѣ при Экау и приказалъ преслѣдовать русскихъ до самой Риги. Тогда прусскій авангардъ подъ начальствомъ полковника Горна двинулся на Даленкирхенъ (въ 5 верстахъ отъ Риги), который былъ оставленъ русскими. Горнъ занялъ его, и прусскіе патрули появились недалеко отъ рижскихъ форштатовъ. Въ это время, вечеромъ 8/20 іюля, полковникъ Раумеръ занялъ Митаву.

Извѣстіе о пораженіи русскихъ войскъ при Экау, которое пришло въ тотъ же день вечеромъ, произвело въ Ригѣ всеобщее смятеніе. Ходили преувеличенные слухи о силѣ и намѣреніяхъ непріятеля; думали, что пруссаки слѣдуютъ по пятамъ за нашимъ отрядомъ, въ ту же ночь переправятся черезъ Двину, обложатъ городъ, и начнется бомбардировка. Многіе не раздѣвались, желая быть готовыми въ минуту опасности. На другой день утромъ прибыли транспорты съ ранеными — явленіе невиданное въ Ригѣ. Къ вечеру пришелъ отрядъ Левиза, и городъ долженъ былъ приготовить для него квартиры. Толпы жителей собрались къ мосту для встрѣчи войскъ. „Солдаты были такъ веселы и бодры, какъ на парадѣ," говоритъ очевидецъ пасторъ Тиле.

Въ виду опасности осады присутственныя мѣста получили приказаніе выѣхать изъ Риги: гражданскій губернаторъ Дюгамель съ губернскимъ правленіемъ и казенной палатой отправился въ Перновъ, а надворный и земскій суды — въ Феллинъ и Вольмаръ. Городъ долженъ былъ доставить для губернатора 50 лошадей. Передъ самымъ отъѣздомъ губернаторъ издалъ 9-го іюля „воззваніе къ жителямъ остзейскихъ провинцій", составленное въ высокопарномъ духѣ Меркелемъ. Въ немъ авторъ убѣждаетъ жителей не бояться непріятеля, состоящаго изъ многихъ чуждыхъ другъ другу массъ, и призываетъ къ жертвамъ и даже смерти за любимаго монарха и для спасенія отечества. Это краснорѣчивое воззваніе, по словамъ Граве, могло бы благотворно подѣйствовать на упавшихъ духомъ жителей, но хорошее впечатлѣніе было испорчено тѣмъ, что губернаторъ, который такъ горячо призывалъ къ мужеству, самъ удалялся отъ опасности, прежде чѣмъ она появилась. Меркель въ это время жилъ въ своемъ

маленькомъ имѣніи Депкинсгофѣ на курляндской сторонѣ; но онъ долженъ былъ бѣжать отъ непріятеля въ Дерптъ. Прусскіе отряды, по приказанію Наполеона, нѣсколько разъ приходили въ имѣніе и тщетно искали знаменитаго врага французскаго императора.

Неудача и появленіе нашихъ войскъ произвели на рижскихъ жителей тяжелое впечатлѣніе и еще болѣе усилили общее возбужденіе и безпокойство. „Кто еще не бѣжалъ, теперь бѣжали. Полные корабли отплывали съ женами и дѣтьми и длинные обозы телѣгъ пробирались черезъ Песочныя ворота въ Петербургъ и оставляли Ригу.“ (Граве.) Прежнее мужество Эссена превратилось въ малодушіе; онъ уже не надѣется на свои войска и на крѣпость. По словамъ нашихъ историковъ Отечественной войны (Михайловскаго-Данилевскаго и Богдановича), кто не жилъ въ 1812 году, тотъ не можетъ имѣть представленія о томъ ужасѣ, который предшествовалъ непріятелю на мили и заставлялъ бояться самого невѣроятнаго. Естественно, что при такомъ страхѣ Эссену казалось благоразумнымъ не медлить съ тѣми мѣрами, которыя онъ считалъ необходимыми для безопасности крѣпости, именно, съ уничтоженіемъ форштатовъ. Тотчасъ по полученіи извѣстія о битвѣ при Экау вечеромъ 7-го или утромъ 8-го іюля былъ зажженъ Митавскій форштатъ (Торенсбергъ, Гагенсбергъ и Бенкенгольмъ): здѣсь оказалось большое количество мачтъ и дубоваго лѣса, и пламя было ужасное; убытки превышали сотни тысячъ. Когда же былъ занятъ Даленкирхенъ, разнеслись слухи, что непріятель переходитъ Двину у Юнгфернгофа, и 9-го іюля въ 10 часовъ утра дано было приказаніе зажечь также Петербургскій и Московскій форштаты. Всѣ со страхомъ смотрѣли, какъ будутъ горѣть прекрасные форштаты, но вдругъ приказаніе было отмѣнено, какъ сообщаютъ, по ходатайству храбраго генерала Левиза и графа Палена, но вѣроятно потому, что слухи о переправѣ непріятеля не подтвердились. 10-го іюля Эссенъ приказалъ полковнику Труссону отмѣтить на планѣ, сколько требуется свободнаго пространства предъ укрѣпленіями и насколько должны быть уничтожены форштаты. Въ тотъ же день такая линія была проведена въ дѣйствительности: на извѣстномъ растояніи отъ крѣ-

пости (150 — 180 саж.)*) по улицамъ форштатовъ были поставлены вѣхи и уничтожены заборы и деревья, встрѣчавшіеся на пути. Такъ поздно, наканунѣ самаго пожара, обозначили границу разрушенія! Эти приготовленія испугали форштатскихъ обывателей, которые массами стали оставлять свои жилища и переселяться въ городъ. Поэтому 11-го іюля утромъ отъ военнаго губернатора было вывѣшено на биржѣ объявленіе, которымъ всѣ форштатскіе обыватели, жившіе внѣ проведенной черты, приглашались возвратиться изъ переполненнаго города въ свои дома и квартиры. Можетъ быть, это объявленіе было невѣрно понято, но многіе современники, въ томъ числѣ комендантъ Эмме, передаютъ, будто генералъ Эссенъ приказалъ объявить на биржѣ, что форштаты совсѣмъ не будутъ сожжены и что каждый можетъ спокойно жить въ своемъ домѣ. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ многіе жители послушались призыва Эссена и притомъ не только жившіе внѣ отмѣченной черты, но, вѣроятно, по недоразумѣнію, и жившіе внутри ея. Но въ тотъ же день 11-го іюля, когда появилось успокоительное объявленіе, — Эссенъ вечеромъ отдалъ свое печальное приказаніе зажечь форштаты. Какъ это случилось, — о томъ сохранились различные противорѣчивые разсказы. По изложенію коменданта Эмме, дополненному разсказомъ Граве и Германа, дѣло представляется въ такомъ видѣ. Послѣ полудня 11-го іюля къ генералу Эссену явился курляндскій главный лѣстничій Ренне и сообщилъ ему, что непріятель дѣлаетъ попытки перейти Двину въ окрестностяхъ Юнгфернгофа (въ 7 верстахъ отъ Риги). Въ городѣ началась суматоха. Войска гарнизона заняли валы и шанцы и было объявлено, что форштаты будутъ зажжены по полученіи вѣрнаго извѣстія, когда будетъ данъ сигналъ. Канонерскія лодки отправились вверхъ по Двинѣ насколько возможно дальше, чтобы помѣшать переправѣ; туда же выступили нѣсколько батальоновъ. Генералъ Эссенъ позвалъ къ себѣ на совѣщаніе генерала Левиза и своего начальника штаба подпол-

*) Германъ записалъ 10 іюля: „Магистратъ получилъ утѣшительное извѣстіе, что въ случаѣ необходимости разрушеніе форштатовъ будетъ произведено на 150 саж. отъ крайняго гласиса крѣпости, слѣдовательно, до Мельничной улицы.“ Rig. Stadtbl. 1883, s. 51.

ковника Тидемана. Комендантъ же не былъ приглашенъ, какъ противникъ сожженія форштатовъ. Въ результатѣ совѣщанія рѣшили послать Тидемана въ Юнгфернгофъ на развѣдки, причемъ ему вручили двѣ карточки съ двумя разными печатями — красной и черной: красная обозначала, что извѣстіе ложно, а черная потверждала его и была сигналомъ къ немедленному сожженію форштатовъ. Не успѣлъ Тидеманъ проѣхать и четверть назначеннаго пути, какъ прибылъ второй посланецъ отъ Ренне (его крестьянинъ) и повторилъ, что нѣтъ уже сомнѣнія въ намѣреніи непріятеля переправиться черезъ рѣку. Генералъ Эссенъ, взволнованный при этомъ извѣстіи, окончательно растерялся; онъ не подумалъ, что для переправы требуются лодки или понтоны, приготовленіе которыхъ не укрылось бы отъ нашихъ передовыхъ линій и канонерокъ, и не дожидаясь извѣстій отъ Тидемана, написалъ на клочкѣ бумаги безъ всякаго обращенія три ужасныхъ слова: „Прикажите зажечь форштаты“ и послалъ эту записку къ полиціймейстеру Крюденеру. Когда комендантъ захотѣлъ повидать военнаго губернатора, чтобы получить отъ него разъясненія, то оказалось, что тотъ уже спалъ и не велѣлъ никого впускать къ себѣ. Тогда полиціймейстеръ Крюденеръ и комендантъ Эмме принуждены были съ помощью военной команды приводить въ исполненіе приказъ Эссена.*)

*) См. Военскій. Отеч. война въ запискахъ современниковъ, стр. 63. Михайловскій-Данилевскій на основаніи имѣвшихся у него источниковъ иначе разсказываетъ исторію съ карточками и выставляетъ Тидемана виновникомъ приказа Эссена: „Тидеману дали три разныхъ цвѣтовъ карточки: красную, зеленую и черную, для отсылки ихъ вмѣсто донесенія военному губернатору, со слѣдующимъ условіемъ; красную, если не встрѣтитъ непріятеля и, слѣдственно, нѣтъ городу опасности; зеленую, если дѣйствительно пруссаки переправились и тогда должно было приготовиться къ сожженію форштатовъ, и наконецъ черную, если увидитъ непріятеля вблизи, что должно служить знакомъ къ немедленному зажиганію. Тидеманъ, отъѣхавъ на небольшое растояніе и не встрѣтивъ непріятеля, послалъ черную карточку военному губернатору, который тотчасъ же на лоскуткѣ бумаги написалъ: „Прикажите зажечь форштаты.“ (Описаніе Отеч. войны, т. I, стр. 393). Граве передаетъ, что Эссенъ при написаніи приказа былъ въ опьяненіи. Гутцейтъ считаетъ разсказы о карточкахъ легендой: „Къ чему были карточки, если Тидеманъ могъ возвратиться такъ же быстро, какъ и его вѣстникъ?“ (Riga im J. 1812,

Такимъ образомъ ложное, непровѣренное извѣстіе было причиной прискорбнаго распоряженія сжечь форштаты, которое вообще не вызывалось военною необходимостью. Къ несчастью, сожженіе должно было произойти въ глухую полночь, когда форштатскіе жители, успокоенные утреннимъ объявленіемъ Эссена, безмятежно спали. Какъ было исполнено приказаніе Эссена, — видно изъ позднѣйшаго донесенія полиціймейстера Крюденера и записки коменданта Эмме. Въ то время какъ всѣ очевидцы указываютъ, что Эссенъ поспѣшно отдалъ свое приказаніе въ 10 часовъ, отчетъ полиціймейстера утверждаетъ, что приказаніе военнаго губернатора повторялось трижды, начиная съ 7 часовъ вечера, и слѣдовательно, онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы обдумать свое рѣшеніе и отмѣнить его, хотя бы въ 12 часовъ. Первое приказаніе было дано въ 7 часовъ (вѣроятно, когда прибылъ курляндскій лѣсничій съ своимъ извѣстіемъ), и тогда полиція сначала приняла мѣры относительно безопасности города, именно, распорядилась, чтобы дома были снабжены водой и на опасныхъ мѣстахъ стояли люди съ пожарными насосами. Одновременно были посланы полицейскіе чины и солдаты по всѣмъ форштатскимъ улицамъ и домамъ объявить жителямъ, что предстоитъ сожженіе части форштатовъ, „о чемъ вообще каждому было извѣстно изъ прежнихъ объявленій“. Комендантъ Эмме увѣдомилъ городской магистратъ о распоряженіи военнаго губернатора и просилъ изыскать средства для поддержанія въ городѣ порядка, чтобы не появились злоумышленники и не зажгли съ цѣлью грабежа и городъ. Магистратъ собралъ городскую милицію и поручилъ ей ночной обходъ улицъ. Съ той же цѣлью и на случай нападенія непріятеля ворота въ городѣ, по приказанію коменданта, были заперты на всю ночь и никого не впускали и не выпускали. „Благодаря патріотическимъ чувствамъ и примѣрной преданности своему государю жителей славнаго города Риги, старавшихся всегда исполнить его высочайшую волю и сдѣлать все, что можетъ доказать ихъ рвеніе, — все было исполнено буквально съ

s. 201). Но можетъ быть этимъ страннымъ способомъ военное начальство хотѣло въ данный моментъ скрыть печальное приказаніе отъ окружающихъ, а впослѣдствіи имѣть возможность объяснить его ошибкой.

безпримѣрной быстротой и порядкомъ. Всю ночь, благодаря принятымъ мѣрамъ, царило полное спокойствіе и порядокъ не былъ нарушенъ.“ (Эмме.) На эспланадѣ лежали груды соломы, собранныя для того, чтобы употреблять подъ больныхъ и раненыхъ или устилать улицы во время бомбардировки. Такъ какъ она могла загорѣться и зажечь городъ, то комендантъ вызвалъ сотню подводъ, которыя быстро перевезли ее въ городъ. Между 8 и 9 часами полиціймейстеръ распредѣлилъ между солдатами присланной ему военной команды 1000 штукъ смоляныхъ вѣнковъ, заготовленныхъ для этой цѣли въ крѣпости. Въ 9 часовъ было получено отъ Эссена второе приказаніе, и полиціймейстеръ раздѣлилъ военную команду на три части: первой велѣлъ убирать солому, находившуюся на эспланадѣ, вторую поставилъ на границѣ между Петербургскимъ и Московскимъ форштатами съ приказаніемъ зажечь Петербургскій форштатъ, когда будетъ горѣть Московскій. При этомъ онъ поручилъ приставу съ квартальными надзирателями вторично напомнить жителямъ о предстоящемъ сожженіи, а солдатамъ внушить, чтобы они зажигали дома не прежде, какъ убѣдившись, что тѣ совсѣмъ оставлены жителями. Съ третьей частью команды полиціймейстеръ отправился на Московскій форштатъ, гдѣ были приняты подобныя же мѣры. Эти неоднократныя напоминанія полиціи и приготовленія на эспланадѣ должны были отнять послѣднюю надежду у сомнѣвающихся и убѣдить ихъ въ неизбѣжности уничтоженія ихъ жилищъ. Итакъ, отчетъ полиціймейстера не оставляетъ сомнѣнія, что жители были предупреждены и очистили форштаты. Но это справедливо только относительно той части ихъ, которая находилась внутри установленной черты. Тѣ, которые здѣсь не оставили домовъ раньше, должны были бѣжать теперь и захватить имущество. На эспланадѣ были сложены груды мебели и разныхъ вещей; здѣсь же собрались животныя и люди.

Въ 12 часовъ было получено третье приказаніе, и данъ былъ сигналъ выстрѣломъ изъ пушки и звукомъ трубы. Между 12 и 1 часами (по указанію полицейскаго отчета) ночью съ 11 на 12 іюля былъ зажженъ Московскій форштатъ, а черезъ полчаса — и Петербургскій. Поставленные солдаты одновременно и въ разныхъ мѣстахъ под-

жигали смоляными вѣнками зданія (говорятъ, сразу въ 11 мѣстахъ). Была темная ночь, потому что небо было покрыто тучами, но внезапно стало свѣтло какъ днемъ. На Московскомъ форштатѣ загорѣлись русскія лавки и склады поташа и огонь чрезвычайно усилился. Батальону егерскаго полка было приказано зажечь православную церковь. Солдаты отвѣчали, что у нихъ не подымутся руки на храмъ Божій, и принялись спасать церковную утварь. Наконецъ, когда уже все было вынесено изъ церкви, запылала и она отъ головней, разметанныхъ вѣтромъ. Къ несчастью, поднялся сильный вѣтеръ, который послѣ полуночи превратился въ бурю. Сначала бурный вѣтеръ направлялся къ городу и понесъ на крѣпость столбы дыма и огня. Если бы загорѣлось имущество, сложенное на эспланадѣ, то огонь какъ бы по мосту перебрался бы въ городъ. Страшная опасность грозила городу. Никто не ложился спать, и пожарныя трубы стояли въ готовности. Пѣшая и конная гражданская стража всю ночь стояла подъ ружьемъ и разсылала по улицамъ патрули и разъѣзды. Скоро вѣтеръ повернулъ отъ города къ Петербургскому форштату, и огонь распространился далеко за установленную черту, гдѣ жители, успокоенные изданнымъ поутру объявленіемъ, безмятежно спали, не думая объ опасности. Пробужденные огромнымъ заревомъ и летавшими головнями, они не успѣвали спасти имущество и считали себя счастливыми, если могли сохранить жизнь. Многіе солдаты подавали помощь жителямъ, застигнутымъ огнемъ, и потомъ ототказывались отъ наградъ.*) Несчастные, полуодѣтые погорѣльцы въ отчаяніи бродили кругомъ, спасаясь то отъ невыносимаго жара, то отъ дико воющей бури. Бѣдствіе увеличивалось оттого, что появились преступники и воры, которые хотѣли воспользоваться случаемъ, чтобы грабить, и потому зажигали дома внѣ установленной линіи. Назначенные и добровольные поджигатели смѣшались въ сума-

*) Граве разсказываетъ, что одинъ солдатъ вошелъ въ домъ, уже охваченный огнемъ, и, найдя тамъ спокойно спавшаго старика, разбудилъ его. Пока тотъ, изумленный случившимся, поспѣшно одѣвался, солдатъ взялъ у него ключи и спасъ наиболѣе цѣнное изъ него имущества; потомъ онъ вывелъ старика на улицу и мимо горѣвшихъ домовъ провелъ къ городскимъ воротамъ. Skizzen, s. 52.

тохѣ и далеко распространяли опустошенія. Благодаря вѣтру загорѣлось все, а что могло бы сохраниться, то было подожжено преступниками. Полиція арестовала многихъ поджигателей, и двое изъ нихъ, по приговору военнаго суда, были разстрѣляны.*) Впрочемъ, и солдаты въ своемъ усердіи нерѣдко переходили установленную черту. Посѣтители форштатскаго клуба „Euphonie“ (на нын. Николаевской ул.) спокойно сидѣли за карточными столами и за ужиномъ, потому что зданіе находилось далеко за линіей разрушенія. Вдругъ они узнаютъ, что клубъ поджигаютъ и уже горитъ крыша. Въ страхѣ всѣ выскочили вонъ; но благодаря рѣшительному сопротивленію зданіе клуба (прежде принадлежавшее масонской ложѣ „Мечъ“) сохранилось среди окружающаго пожарища.

Пожаръ продолжался до утра, когда буря утихла и огонь сталъ ослабѣвать. Въ 10 часовъ нѣкоторые граждане пошли къ Эссену и стали просить, чтобы онъ далъ приказаніе тушить. Тогда были посланы изъ города пожарныя принадлежности и огонь былъ прекращенъ. Страшная ночь прошла при такихъ обстоятельствахъ, что легко могли быть несчастные случаи. Современникъ, городской секретарь Германъ, говоритъ: „Число погибшихъ людей должно быть значительно, такъ какъ не были приняты всѣ надлежащія средства, чтобы извѣстить жителей о предстоящемъ сожженіи.“ Слухи о многихъ человѣческихъ жертвахъ во время рижскаго пожара дошли до государя, и по высочайшему повелѣнію графъ Аракчеевъ 31 іюля запросилъ Эссена, насколько справедливы эти слухи, а Эссенъ въ свою очередь потребовалъ свѣдѣній отъ магистрата, коменданта и полиціймейстера. Комендантъ и бургомистръ Барклай-де-Толли отвѣтили, что у нихъ нѣтъ официальныхъ свѣдѣній, а когда магистратъ предложилъ разслѣдовать это дѣло, Эссенъ отклонилъ такое предложеніе. Полиціи-

*) Слухи о грабителяхъ, вѣроятно, преувеличены. (Въ городѣ говорили, что Эссенъ выпустилъ изъ тюремъ преступниковъ и велѣлъ имъ поджигать дома). Это видно изъ того, что изъ всѣхъ арестованныхъ только двое были признаны виновными и казнены, а остальные оправданы. Жители не знали точно границы разрушенія и всѣхъ, которые поджигали въ ихъ мѣстности, считали грабителями и поджигателями, тѣмъ болѣе, что солдаты часто не соблюдали отмѣченной линіи.

мейстеръ же въ свое оправданіе представилъ 3 августа обширный докладъ, въ которомъ подробно излагалъ обстоятельства и доказывалъ, что полиція сдѣлала все, что было въ человѣческихъ силахъ, для предупрежденія жителей и для сокращенія пожара. Полиціймейстеръ увѣряетъ, что никто изъ жителей не погибъ, такъ какъ всѣ были своевременно извѣщены и въ домахъ никто не оставался; полиціей найдено всего 4 трупа, но они вѣроятно принадлежатъ грабителямъ. Эссенъ послалъ докладъ полиціймейстера Аракчееву и съ своей стороны написалъ, что онъ самъ предъ сожженіемъ объѣзжалъ форштаты и объяснялъ жителямъ необходимость этой мѣры, а во время пожара лично присутствовалъ на мѣстѣ и принималъ мѣры, чтобы остановить огонь (чего впрочемъ, какъ мы знаемъ, не было).

Такъ представляется дѣло въ офиціальныхъ отчетахъ. Но иначе смотрѣли современники: дѣйствія военнаго начальства вызывали у нихъ многія жалобы и обвиненія. Вотъ какъ описываетъ то же событіе пасторъ Граве, который лично нисколько не возражалъ противъ необходимости этой военной мѣры. Разсказавши о Тидеманѣ и карточкахъ, онъ продолжаетъ: „Предупреждаютъ городъ, но не будятъ жителей форштатовъ. Въ 10 часовъ вечера выѣзжаетъ телѣга съ 2000 смоляныхъ вѣнковъ, которые безъ счета раздаются солдатамъ гарнизона съ приказаніемъ: „зажигайте“. Сперва запылалъ Московскій форштатъ. Тамъ именно тѣснится множество маленькихъ домовъ, тамъ живутъ бѣднѣйшіе классы народа, мелкіе рабочіе, которые, уставши отъ работы, лежатъ въ первомъ снѣ. Съ сильнымъ стукомъ въ двери и окна прибиваютъ смоляные вѣнки къ домамъ, бросаютъ ихъ чрезъ разбитыя окна спящимъ подъ кровати. Они просыпаются отъ блеска пламени и отъ дыма. Въ теченіе одного часа все объято пламенемъ, вѣтеръ дуетъ къ городу; огненныя искры летаютъ до валовъ; городъ самъ находится въ величайшей опасности. Тогда поворачивается вѣтеръ и гонитъ пламя на Петербургскій форштатъ. Здѣсь также ужасное приказаніе исполняется съ безчеловѣчной поспѣшностью. Служители общественной безопасности въ дикомъ безпорядкѣ пробѣгаютъ улицы и приказываютъ повсюду зажигать. Добровольные поджигатели соединяются съ назна-

ченными; они со скотской алчностью и свирѣпой жестокостью принимаютъ участіе въ разрушеніи, съ дикимъ шумомъ проникаютъ въ дома и грабятъ; поджигая съ слѣпымъ усердіемъ, думаютъ, что борятся за отечество. Буря гонитъ огонь далеко за отмѣченныя линіи, она несетъ безпорядокъ и смятеніе, въ которомъ никто не знаетъ, что дѣлаетъ. Въ дома, которые лежатъ внѣ опредѣленной черты, подкладывается огонь; домовладѣльцы работаютъ съ напряженіемъ смертельнаго страха, чтобы отразить пламя; они съ оружіемъ въ рукахъ защищаются противъ поджигателей; немногимъ это удается, сама полиція запрещаетъ это. Наконецъ, всѣ усилія остаются тщетными и такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ все объято пламенемъ...“ Граве рѣшительно осуждаетъ способъ сожженія форштатовъ: „Эта мѣра могла быть необходимой, граждане Риги отличаются достаточнымъ патріотизмомъ и готовы отдать все, чтобы можно было оказать сопротивленіе. Но почему Эссенъ не сразу при своемъ прибытіи обнародовалъ это приказаніе и позволилъ спасаться? Почему не приказалъ онъ точно отмѣтить линіи, гдѣ разрушеніе не было необходимо? Почему послѣдніе ряды домовъ, которые слѣдовало уничтожить, не были срыты за недѣлю раньше? Почему онъ не пригласилъ гражданъ устроить кордонъ, чтобы препятствовать распространенію огня? Почему онъ роздалъ отвратительные смоляные вѣнки и далъ приказаніе грубымъ солдатамъ, которые исполнили его со свирѣпымъ усердіемъ? Почему мѣшали тушенію тѣхъ зданій, которыя не должны были горѣть? Почему ѣздили кругомъ полицейскіе какъ безумные и кричали: „не тушите! не тушите! пусть горитъ!“ Почему утромъ нужно было просить Эссена принять противоположныя мѣры, тогда какъ ночь должна была охладить его разгоряченную кровь и привести его въ чувство? Тотъ пожаръ будетъ у него всю жизнь горѣть на сердцѣ, такъ какъ его обязанность была, принимая необходимыя мѣры, щадить жителей. Ты этого не хотѣлъ, Александръ, человѣколюбивый государь съ кроткимъ нравомъ! Ты не могъ предвидѣть, что приказанія, которыя ты подписалъ съ обливающимся кровью сердцемъ, будутъ такъ исполнены!“ И въ другомъ письмѣ Граве говоритъ: „Способъ испол-

ненія есть отвратительный плодъ малодушія, чрезмѣрнаго страха предъ опасностью, безпорядка и слабости характера. Если бы дѣйствительно въ тотъ моментъ подступилъ непріятель, если бы на утро мы дѣйствительно подверглись бомбардировкѣ, если бы тысячи штурмовали валы, — все-таки эта мѣра останется навѣки неизгладимымъ позорнымъ пятномъ на имени тѣхъ, которые привели въ исполненіе это приказаніе" (т. е. Эссена, Тидемана, Крюденера и др.).

Въ приведенныхъ выдержкахъ изъ писемъ Граве, конечно, есть преувеличенія, подсказанныя взволнованнымъ чувствомъ свидѣтеля ужасныхъ событій. Что сожженіе форштатовъ было произведено намѣренно жестоко и безъ всякаго предупрежденія, — это не потверждается официальными данными. Но нельзя отрицать, что при осуществленіи печальнаго мѣропріятія были сдѣланы важныя упущенія, которые вызывали справедливыя нареканія современниковъ. Помимо способа исполненія для большинства публики уничтоженіе форштатовъ только тогда имѣло бы оправданіе, если бы непріятель дѣйствительно приблизился къ городу, чтобы осадить и взять его. Но на дѣлѣ этого не случилось. Французы и пруссаки оказались настолько слабыми и нерѣшительными, что объ осадѣ не было рѣчи въ теченіе всего 1812 года. Вотъ почему раздраженіе жителей было безграничное. Граве говоритъ: „Настроеніе гражданъ ужасное; оно было спокойнѣе, пока думали, что непріятель дѣйствительно приближается. Оно становилось тѣмъ хуже, чѣмъ болѣе обнаруживалось, какъ неосновательнъ былъ тотъ безумный страхъ." Одна голландская газета писала: „Послѣ смятенія ночи вопли горя смѣнились скрытой злобой, ибо непріятель не показывался. Тотчасъ раздались проклятія противъ военнаго губернатора, который зданія форштатовъ принесъ въ жертву слѣпому слуху." Общественное мнѣніе называло виновниками пожара Эссена и Тидемана. Несмотря на строгость военнаго положенія, появленіе ихъ въ публичныхъ мѣстахъ толпа встрѣчала криками: „убійца! поджигатель!" Эссенъ съ болью сердца переносилъ эти оскорбленія и разные толки, онъ сознавалъ свою ошибку,*) хотя только исполнялъ предписанія закона,

*) Угрызенія совѣсти не оставляли Эссена и послѣ оставленія имъ

и старался оправдаться какъ предъ высшимъ начальствомъ, такъ и предъ народомъ. Во второмъ письмѣ къ графу Аракчееву онъ писалъ: „Принятыя мною мѣры для сожженія форштатовъ были такъ жестоки, что я единственно изъ служебнаго долга могъ рѣшиться на нихъ. Но переносить дурные толки и можетъ быть навлечь неудовольствіе государя — для меня ужасно.“ 17 іюля Эссенъ издалъ воззваніе къ населенію Риги, въ которомъ онъ старался очистить себя отъ виновности въ сожженіи форштатовъ: „По военнымъ законамъ форштаты Риги, какъ препятствующіе защитѣ, не могли быть оставлены въ цѣлости. Особое опредѣленное приказаніе предписало мнѣ болѣе ранній срокъ, чѣмъ какой я выбралъ... Я медлилъ изъ участія къ несчастнымъ, которые должны были принести для общаго блага столь тяжелыя жертвы; медлилъ, насколько это было согласно съ долгомъ, который я обязанъ былъ свято исполнить предъ государемъ, отечествомъ, жителями города и моей личной совѣстью. Наконецъ, я долженъ былъ исполнить это необходимое мѣропріятіе, долженъ былъ уничтожить!“ Такъ Эссенъ пытался переложить вину на высшее петербургское начальство. Если разсуждать съ юридической точки зрѣнія, то конечно Эссенъ былъ правъ, потому что военные законы и распоряженія начальства предписывали ему при появленіи непріятеля немедленно сжечь форштаты. Но военному начальнику приходится сообразоваться съ обстоятельствами, насколько необходима та или другая мѣра *). Въ данномъ случаѣ опасность оказалась преувеличенной и жертва жителей Риги была безполезная. Отъ распоряженія Эссена городъ пострадалъ сильнѣе, чѣмъ отъ непріятельской осады, и под-

---

должности рижскаго военнаго губернатора. Спустя годъ, ровно въ годовщину сожженія форштатовъ (11 іюля 1813 г.), онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ въ курляндскомъ курортѣ Балдонѣ.

*) Подобныя обстоятельства наступили для Риги въ 1855 году, во время Крымской войны, когда тоже ожидали бомбардировки и осады города англичанами. Но тогда командующій балтійскимъ корпусомъ генералъ Сиверсъ держался другихъ взглядовъ и предложилъ военному министру „не уничтожать форштатовъ, но только удалить изъ внутренней части крѣпости жителей въ томъ случаѣ, если непріятель займетъ форштаты и будетъ обстрѣливать городъ“, каковое мнѣніе было одобрено государемъ. Gutzeit. Riga im J. 1812. S. 190.

вергался еще большей опасности нападенія **). Въ ту же эпоху мы видимъ противоположные примѣры Сиверса, который не сжегъ Митавы, и коменданта крѣпости Динаминда. Когда въ Ригѣ были зажжены форштаты, Тидеманъ сообщилъ объ этомъ коменданту Динаминда и приказалъ зажечь Больдераа, но тотъ не послушался и послѣдующія событія показали, что онъ былъ правъ.

Но можетъ быть сожженіе форштатовъ имѣло благопріятное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій? Дѣйствительно, нѣкоторые современники (какъ Граве, Шлиппенбахъ) и историки (Данилевскій и Богдановичъ) утверждаютъ, что преждевременное сожженіе форштатовъ доказало Макдональду рѣшительное намѣреніе Эссена защищаться до послѣдней крайности, и потому онъ не осмѣлился напасть на Ригу. Но это мнѣніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Скоро послѣ пожара прусскій командующій генералъ Гравертъ послалъ письмо Эссену, въ которомъ, сообщая о близкой осадѣ города, писалъ: „Слабость крѣпости столь же мнѣ извѣстна, сколь должны знать ее вы сами. Несмотря на неустрашимое сопротивленіе, она будетъ принуждена сдаться черезъ нѣсколько недѣль, но и сего краткаго времени достаточно для окончательнаго разоренія богатаго торговаго города, безъ того уже много пострадавшаго отъ послѣдняго пожара, и значительное число храбрыхъ войскъ, предводимыхъ всѣми уважаемымъ начальникомъ, будетъ принесено въ жертву для безполезнаго сопротивленія.“ И вотъ для избѣжанія бѣдствій и уменьшенія жертвъ Гравертъ предлагаетъ Эссену сдать крѣпость. Эссенъ на это отвѣтилъ довольно характернымъ письмомъ: „Если бы я могъ подумать, что прусскій генералъ по собственному побужденію могъ написать письмо,

**) Участникъ похода прусскій офицеръ Зейдлицъ говоритъ въ своемъ дневникѣ: „Если бы весь прусскій корпусъ былъ собранъ вмѣстѣ, то было бы возможно въ тотъ моментъ (т. е. во время пожара) взять однимъ ударомъ эту важную крѣпость, такъ какъ смятеніе внутри и внѣ города было выше всякаго описанія. Напротивъ, если бы русскіе знали слабость наступающаго прусскаго корпуса, то губернаторъ, конечно, не торопился бы съ этой мѣрой, которая при наступленіи осады была безспорно необходима, но въ данномъ случаѣ пришла слишкомъ рано.“ Seydlitz. Tagebuch des Preussischen Armeekorps im Feldzuge von 1812. Bd. I, s. 204—5.

подобное полученному мною вчера отъ васъ, то счелъ бы ниже моего достоинства отвѣчать. Но французскій слогъ такъ ясно виденъ въ немъ, что только въ увѣренности, что вы являетесь орудіемъ деспотической власти, которой вы считаете себя обязаннымъ повиноваться, — я отвѣчаю вамъ настоящими строками, прося принять увѣреніе въ моемъ высокомъ уваженіи." *) Послѣ такого отвѣта должна была послѣдовать дѣйствительная осада, но этого не случилось въ теченіе всего 1812 г., что однако объясняется не страхомъ предъ рѣшимостью рижскаго гарнизона, а слабостью непріятельскихъ войскъ, которая къ сожалѣнію была неизвѣстна Эссену.

Печальную картину представлялъ городъ послѣ пожара. На мѣстѣ красивыхъ форштатовъ съ многими домами и дачами лежали дымящіяся развалины, которыя напоминали кладбище. Опустошенія, произведенныя пожаромъ, были весьма велики. Военныя соображенія требовали уничтоженія только ограниченной части форштатовъ, именно, до нынѣшней Мельничной улицы, которая на всемъ своемъ протяженіи находится на одинаковомъ разстояніи отъ крѣпости. Но буря, какъ мы видѣли, распространила огонь дальше установленной границы, такъ что форштаты подверглись почти полному уничтоженію.*) Отъ 800 прекрасныхъ домовъ съ нѣсколькими боковыми зданіями остались только стѣны, подвалы и трубы. Сгорѣли 4 церкви: двѣ православныя

*) Богдановичъ. Исторія Отеч. войны, т. I, стр. 368—369.

*) См. приложенный планъ рижскихъ укрѣпленій и форштатовъ въ 1812 г., составленный на основаніи слѣд. источниковъ: Stegmann. Die Ausdehnung und Topographie Rigas im XVII. und XVIII Jahrhundert. Riga, 1889 и Reglement über die Wiederaufbauung der Rigaschen Vorstädte, 1813. На Московскомъ форштатѣ сгорѣло все отъ Карловской ул. до Ротенбургскаго канала, слѣдовательно, и нѣкоторые дома за Мельничной ул. (быв. Канатной); но въ общемъ здѣсь разрушеніе почти совпадало съ предположеннымъ размѣромъ. Гораздо больше пострадалъ Петербургскій форштатъ: совершенно сгорѣла полоса между Суворовской и Александровской ул. до нын. Матвѣевской ул. (быв. Лагерной). По Николаевской ул. пожаръ распространился меньше (до нын. Гертрудинской или быв. Кузнечной ул.). Изъ Форбурга (около Царскаго сада) была сожжена только часть, а Выгонная дамба сохранилась въ цѣлости. Митавскій форштатъ такъ же сильно пострадалъ, какъ и Петербургскій уцѣлѣла только часть о. Кливерсгольма внутри Кобронштанца.

Планъ г. Риги.

Укрѣпленія и форштаты.
(Заштрихованы сгорѣвшія мѣста).

Б. — бастіонъ Р. — равелинъ.

1. Замокъ.
2. Домскій соборъ.
3. Церковь св. Петра.
4. Рынокъ для продажи скота.
5. Русскій гостиный дворъ.
6. Лютеранская церковь Іисуса.
7. Погреба для складки масла и смолы.
8. Церковь Николая Чудотворца.
9. Канатные заводы.
10. Рынокъ для продажи сѣна.
11. Лютеранская Гертрудинская церковь.
12. Водохранилище, въ которое стекаютъ воды Мельничнаго канала.
13. Церковь Живоначальнаго Источника.

Двина
Цитадель
Городъ и крѣпость
Городскіе луги.
Московскій форштатъ.
Петербургскій форштатъ.
Ротондурскій каналъ
Эспланада
Яковлевскій
Песочный
Песочныя ворота
Яковлевскія ворота
Королевскія ворота
Выгонная дамба
Редутъ
Бастіонная
Бастіонный
Бастіонный
Бастіонный

(Николаевская и Живоноснаго Источника*) и двѣ лютеранскія (св. Гертруды и Іисуса). Погибло много товаровъ, которые были сложены въ русскомъ гостиномъ дворѣ и другихъ магазинахъ, а также запасы хлѣба, кожи, сала и разнаго рода матеріалы. Передъ Карловскими воротами находились большіе лабазы съ хлѣбомъ, принадлежавшіе казнѣ: они тоже сдѣлались добычей огня. Пожаръ нанесъ ударъ благосостоянію не только форштатовъ, но и города, потому что большая часть форштатскихъ домовъ принадлежала различнымъ городскимъ жителямъ, которые вложили въ нихъ свои капиталы. Населеніе форштатовъ было разорено и превратилось въ нищихъ. Движимое имущество успѣли спасти только изъ меньшей части домовъ; остальное все было уничтожено пожаромъ. Около 10 тысячъ человѣкъ остались безъ крова и пищи. Городъ былъ слишкомъ малъ, чтобы принять всѣхъ погорѣвшихъ, и они должны были искать пристанища въ лѣсу или спать на открытомъ воздухѣ. На окраинахъ форштатовъ сохранилось небольшое число домовъ, но воры и преступники бѣгали по улицамъ и старались все поджигать и грабить. Уже въ самый день пожара начальство предложило владѣльцамъ оставшихся домовъ вернуться въ свои жилища, обѣщая имъ безопасность. Порядокъ поддерживался не только полицейской командой, но особенно городской милиціей, пѣшей и конной, которая обходила форштаты днемъ и ночью.

*) 1. Благовѣщенская русско-рынская церковь и при ней Николаевская были построены — первая въ 1774 г., а вторая въ 1795 г., обѣ деревянныя, съ тремя церковными домами. Во время пожара цѣнныя вещи, церковная утварь и серебряные оклады иконъ были спасены, но колокола, ризница, архивы и другія принадлежности храма погибли, всего съ домами на сумму 53,868 руб. ассигн. До построенія новой церкви была сооружена прихожанами кладбищенская Всѣхсвятская церковь, въ которой хранилось имущество, оставшееся послѣ пожара, и совершалось богослуженіе. Новая церковь была заложена въ 1814 г. и окончена въ 1818 г. 2. Церковь Живоноснаго Источника или Скорбящей Божіей Матери была построена въ 1731 г. и сначала находилась въ вѣдѣніи гарнизонныхъ госпиталей (нужно отличать отъ другой церкви полевого госпиталя — Троицкой). Въ 1785 г. она перешла въ духовное вѣдомство, въ 1795 г. была перестроена и въ обновленномъ видѣ сгорѣла въ 1812 г. Эта церковь находилась на углу Николаевской (прежде Эвфонійской) и Гертрудинской ул. Послѣ пожара вмѣсто церкви Живоноснаго Источника была построена въ 1820 г. нынѣшняя Александро-Невская церковь.

Въ эти тяжелые дни Рига блестящимъ образомъ проявила свою благотворительность.

Для вспомоществованія погорѣвшимъ образовалась комиссія изъ 18 лицъ всѣхъ сословій (отъ магистрата, духовенства, купцовъ и ремесленниковъ). Въ первое время предоставили несчастнымъ для жительства уцѣлѣвшія общественныя зданія и частныя квартиры и наскоро возводили деревянные бараки; многіе помѣщики и богатые граждане предлагали свои имѣнія и дачи. Для продовольствія военный губернаторъ Эссенъ пожертвовалъ безплатно муку изъ казенныхъ магазиновъ (2920 четвертей); городскіе пекари даромъ пекли хлѣбъ, а раздачей ихъ занималась упомянутая комиссія. Такимъ путемъ кормилось 1319 семействъ (изъ 3924 лицъ) съ 20 іюля до февраля 1813 г., причемъ получали хлѣбъ два раза въ недѣлю по 12 фунтовъ. Помѣщики Лифляндіи жертвовали хлѣбомъ изъ новаго урожая, а также одеждой и бѣльемъ. Въ то же время была открыта подписка для денежныхъ пожертвованій. Со всѣхъ сторонъ обнаружилось живѣйшее участіе къ печальной судьбѣ города Риги, и всѣ соревновали въ сборахъ для него. Эссенъ далъ изъ казенныхъ суммъ 15000 руб., обѣ императрицы по 10000, великіе князья и княгини по столько же (всего отъ императорскаго дома — 45 тысячъ), Петербургъ прислалъ 18 тыс., но больше всего дала Рига, хотя и была обременена военными тягостями и разорена пожаромъ (именно, 50000 рублей ассигн.). Въ короткое время собралось 130 тысячъ руб., но это было ничто въ сравненіи съ громадными потерями, которыя превышали 17 милліоновъ рублей.*) Изъ собранной суммы прежде всего стали выдавать денежныя пособія ремесленникамъ, съ цѣлью по-

*) Особый комитетъ, учрежденный въ апрѣлѣ 1813 г., на основаніи документовъ и опроса пострадавшихъ подъ присягой, собралъ подробныя свѣдѣнія объ убыткахъ форштатовъ какъ въ движимомъ, такъ и недвижимомъ имуществѣ и обнародовалъ слѣдующій счетъ: 4 церкви — 633,674 руб., 35 общественныхъ зданій — 290,341 руб. и 812 частныхъ домовъ, изъ которыхъ 416 въ Петербургскомъ форштатѣ — 8,072,828 руб. 69½ коп., 286 въ Московскомъ — 6,437,961 руб. 88½ коп. и 117 въ Митавскомъ — 1,386,738 руб. 46½ коп. Всего — 16,821,543 руб 26½ коп. ассигнаціями. Въ дѣйствительности убытки были гораздо больше, потому что богатые дворяне и купцы не подавали заявленій о своихъ потеряхъ.

ставить ихъ въ такое состояніе, чтобы они могли работать. Затѣмъ помогали прежнимъ домовладѣльцамъ, потому что они большей частью жили съ наемной платы за квартиры и слѣдовательно потеряли болѣе, чѣмъ другіе. Наконецъ, старикамъ и больнымъ, которые были неспособны къ работѣ, выдавались мѣсячныя пенсіи.*) Скоро въ Петербургѣ возникло благотворительное общество, которое собрало и прислало губернатору Дюгамелю 300 тысячъ рублей для раздачи погорѣвшимъ домовладѣльцамъ. Впослѣдствіи въ 1816 г. по просьбѣ комиссіи была выдана жителямъ изъ государственнаго казначейства безпроцентная ссуда въ $1^1/_2$ милліона рублей для постройки новыхъ домовъ. Благодаря такой поддержкѣ какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ и вслѣдствіе благородной ревности гражданъ, сгорѣвшіе форштаты воскресли въ еще болѣе прекрасномъ и цвѣтущемъ видѣ, чѣмъ прежде, и городъ Рига сталъ забывать о бѣдствіяхъ 1812 года.

Такимъ образомъ Рига въ 1812 г., подобно Москвѣ, подверглась пожару и сгорѣла на двѣ трети своего пространства. Жители Риги принесли громадныя жертвы на благо отечества и сумѣли перенести свое бѣдствіе съ достаточнымъ мужествомъ и патріотическимъ чувствомъ. Тотъ же современникъ (пасторъ Граве), который порицалъ дѣйствія полиціи и военнаго начальства во время пожара, однако говоритъ: „Я убѣжденъ, что ни одинъ изъ тѣхъ, которые при этомъ пожарѣ потеряли все, не находитъ эту мѣру несправедливой. У каждаго есть настолько любви къ государю и отечеству, что онъ отдалъ свое имущество, хотя и съ болью въ сердцѣ, но безъ ропота, чтобы защищать родной городъ и противостоять врагамъ государства.“ Но несмотря на то, что Рига много пострадала при пожарѣ, — тѣмъ не менѣе она должна была въ теченіе всего военнаго времени нести большіе расходы для защиты крѣпости и содержанія войска и дѣлала это съ большой готовностью и самопожертвованіемъ. До поздней

*) Единовременное денежное пособіе получили 1223 семейства (изъ 2692 чел.), всего 99,265 руб. ассигн.; ежемѣсячныя пенсіи выдавались 310 семействамъ (375 чел.), всего 4177 руб. ассигн. Итого 2141 семейство или 6820 бѣдныхъ жителей получали хлѣбъ или деньги. Grave. Skizzen. S. 120—121.

осени продолжались работы въ крѣпости и городъ долженъ былъ поставлять для этого рабочихъ и лошадей. Для перевозки раненыхъ и провіанта во время вылазокъ требовались подводы, которыя долгое время находились въ отсутствіи. Такъ какъ жители большею частью не имѣли лошадей, то они уплачивали по общей раскладкѣ деньгами, на которыя нанимались подводы. Этотъ налогъ, достигавшій 5 руб. ассигн. еженедѣльно, былъ весьма обременителенъ для небогатыхъ людей. Вообще приведеніе крѣпости въ оборонительное состояніе стоило Ригѣ громадныхъ денегъ, но впослѣдствіи эти расходы отчасти были возмѣщены правительствомъ. Сверхъ того граждане приняли на себя содержаніе гарнизона и должны были вносить значительную сумму. Патріотическое чувство жителей Риги особенно выразилось въ томъ, что городская милиція держала въ городѣ караулы вмѣсто войскъ и охраняла общественный порядокъ; но на организацію этой гражданской стражи были израсходованы значительныя средства. Не меньшую тягость составляло устройство хлѣбныхъ магазиновъ (для чего были употреблены церкви), исправленіе дорогъ, содержаніе курьеровъ и пр.

Расквартировка большого гарнизона послѣ сожженія форштатовъ сдѣлалась тяжелымъ бременемъ для тѣснаго города. Но кромѣ войскъ нужно было помѣстить еще около 5000 раненыхъ и больныхъ. Для этой цѣли были заняты всѣ общественныя зданія: губернская гимназія на Замковой площади (нынѣ учебный округъ), замокъ, дворянскій домъ, домъ Черноголовыхъ и др. Отъ грязи и дурного запаха лазаретовъ поднимались вредныя испаренія, отчего начались заразительныя болѣзни (гнилая лихорадка), отъ которыхъ умирало много гражданъ, преимущественно въ зрѣлыхъ годахъ, не говоря уже о больныхъ солдатахъ. Устройство госпиталей было также отчасти возложено на городъ. По предложенію начальства, граждане собрали 15 тыс. рублей для содержанія въ лазаретахъ 600 раненыхъ. Жертвователи сами приняли на себя устройство и завѣдываніе лазаретомъ: женское общество доставляло готовыя кушанья, а другія общества — вина, табакъ и пиво. Порядки въ городскомъ лазаретѣ были ,безъ сомнѣнія, лучше, чѣмъ въ казенныхъ госпиталяхъ, гдѣ часто подавались

плохія кушанья и совсѣмъ не давали винъ. Раненые солдаты, не только русскіе, но и плѣнные, съ благодарностью отзывались о заботахъ рижскихъ гражданъ. Такова была дѣятельность на пользу отечества города Риги въ 1812 г. Патріотическія заслуги рижскихъ гражданъ призналъ военный губернаторъ Эссенъ въ своемъ прощальномъ письмѣ къ рижскому магистрату (23 октября 1812 г.): „Хотя по долгу службы я вынужденъ былъ употребить для защиты города такія средства, которыя принесли убытки жителямъ..., тѣмъ не менѣе я не встрѣтилъ со стороны гражданъ никакого ропота, никакого недовольства и въ короткое, но критическое время моего управленія городомъ мнѣ никогда не приходилось примѣнять свою власть: благородный духъ вѣрности не дозволилъ гражданамъ никакого сопротивленія и дѣлалъ излишними всѣ принудительныя средства. Я прошу благородный магистратъ быть истолкователемъ моихъ благодарныхъ чувствъ предъ всѣми гражданами Риги. Пусть опустошенія войны будутъ далеки отъ нихъ, а процвѣтаніе торговли щедро вознаградитъ ихъ за патріотическія пожертвованія. Никакое разстояніе и никакое время не въ состояніи уменьшить мою искреннюю радость объ этомъ.“ По окончаніи блокады Риги и послѣ отступленія непріятеля императоръ Александръ I велѣлъ новому генералъ-губернатору маркизу Паулуччи засвидѣтельствовать храбрымъ жителямъ Риги свое высочайшее благоволеніе за проявившуюся въ военное время ихъ вѣрность и приверженность престолу и отечеству.

V. Военныя дѣйствія близъ Риги. Отступленіе французовъ. *)

Въ то время какъ пруссаки отправились къ Ригѣ и вызвали здѣсь такія прискорбныя событія, — Макдональдъ съ 7-ой дивизіей двинулся отъ Бауска къ Якобштадту и сталъ здѣсь строить мостъ, чтобы переправиться черезъ Двину. Когда же пришло извѣстіе, что Динабургъ оставленъ русскими, Макдональдъ отправился въ этотъ городъ, куда прибылъ 24 іюля (5 авг.), и сталъ истреблять оставленные тамъ военные запасы (строевой лѣсъ, лафеты, чугунныя орудія и снаряды), несмотря на то, что все это пригодилось бы французской арміи въ случаѣ осады Риги и могло быть легко перевезено по Двинѣ. Послѣ этого Макдональдъ устроилъ свою главную квартиру въ замкѣ Калкуны въ 3 верстахъ къ югу отъ Динабурга. **) Здѣсь онъ провелъ почти два мѣсяца, не трогаясь съ мѣста, безъ всякой дѣятельности, хотя Наполеонъ нѣсколько разъ побуждалъ его перейти со всѣмъ корпусомъ черезъ Двину, оставивъ небольшой отрядъ для наблюденія за Ригой. Послѣ отступленія русскихъ изъ Дрисскаго лагеря (2 іюля) на средней Двинѣ оставался одинъ Витгенштейнъ съ 25-тысячнымъ войскомъ для охраны петербургской дороги. Если бы Макдональдъ перешелъ близъ Якобштадта Двину, то соединившись со II корпусомъ маршала Удино, могъ бы легко разбить Витгенштейна и заставить его отступить къ Петербургу. Но онъ этого не сдѣлалъ, и оставшійся безъ

*) Кромѣ русскихъ трудовъ генераловъ Михайловскаго-Данилевскаго и Богдановича объ Отечественной войнѣ пособіемъ служило изданіе прусскаго генеральнаго штаба: „Kriegsgeschichtliche Einzelschriften. Heft 24: Die Theilnahme des preussischen Hilfskorps an dem Feldzuge gegen Russland im J. 1812. Berlin 1898, на основаніи котораго составленъ прилагаемый планъ военныхъ дѣйствій. Затѣмъ Seraphim. Der Feldzug in Kurland. В. М. 1910. Записки прусскаго лейтенанта Гартвиха: „Der Feldzug in Kurland. Nach den Tagebüchern und Briefen des Lieutenants J. v. Hartwich. Berlin 1910.“ Seydlitz. Tagebuch des Preussischen Armeecorps an dem Feldzuge gegen Russland im J. 1812. Berlin und Posen. 1823. Матеріалы относительно дѣйствій флота близъ Риги напечатаны Военскимъ въ Сборн. И. Р. И О., т. 133, стр. 465—546.

**) См. карту въ предыдущей главѣ, стр. 125.

поддержки Удино былъ дважды разбитъ Витгенштейномъ (при Якубовѣ и Клястицахъ 18 и 19 іюля). Побѣды Витгенштейна разрушили планы Макдональда и спасли Ригу, потому что не могло быть рѣчи о дѣйствительной осадѣ этой крѣпости, пока русскіе находились на средней Двинѣ. Послѣ пораженія Удино Макдональдъ не рѣшался итти съ дивизіей Гранжана въ обходъ Витгенштейна по правому берегу Двины. Со своимъ раздробленнымъ корпусомъ онъ не могъ рѣшительно дѣйствовать ни на одномъ пунктѣ, и его бездѣятельность была причиной дальнѣйшихъ неудачъ французовъ на Двинѣ.

Между тѣмъ пруссаки расположились въ большомъ полукругѣ отъ Шлока черезъ Олай до Даленкирхена. По приказанію Макдональда, они должны были осаждать Ригу съ юга, но это являлось напраснымъ трудомъ, такъ какъ Рига была совершенно свободна со стороны моря и съ сѣвера, гдѣ лежали ея главныя сообщенія съ окружающею мѣстностью. Поэтому прусскій корпусъ все время долженъ былъ нести сторожевую службу въ ожиданіи дѣйствительной осады, и въ мелкихъ сраженіяхъ было безъ пользы пролито много крови. Главныя силы прусскаго корпуса стояли въ Петергофѣ и въ имѣніи Олай по обѣ стороны большой дороги изъ Митавы въ Ригу. Значительная часть войскъ находилась въ укрѣпленномъ лагерѣ Ценгофѣ близъ Митавы. Для обезпеченія фланговъ были расположены сильные отряды въ Шлокѣ и С.-Анненѣ подъ командой полковника Жаннре (v. Jeanneret) и въ Даленкирхенѣ, гдѣ начальствовалъ храбрый полковникъ Горнъ. Это расположеніе въ военномъ отношеніи было весьма неудобное, такъ какъ оно простиралось на 10 миль и притомъ во многихъ мѣстахъ прерывалось лѣсами и болотами, что затрудняло прусскимъ отрядамъ взаимную поддержку. Энергичное наступленіе русскихъ на одинъ какой-либо пунктъ вызывало отступленіе и другихъ частей, если послѣднія не желали быть уничтоженными съ тыла. Особенно была опасна позиція въ Даленкирхенѣ, такъ какъ островъ Даленъ былъ занятъ русскими, которые могли нападать на пруссаковъ сразу съ трехъ сторонъ. 1/13 августа наступила важная перемѣна въ командованіи прусской арміей: Изъ Мемеля возвратился Іоркъ и занялъ мѣсто тяжело

заболѣвшаго генерала Граверта. Іоркъ былъ однимъ изъ способнѣйшихъ прусскихъ генераловъ. *) Кромѣ честности и храбрости онъ отличался твердымъ характеромъ и

Генералъ Іоркъ.

громаднымъ честолюбіемъ. Подобно многимъ прусскимъ

*) Іоганъ Людвигъ Іоркъ (1759 — 1830), впослѣдствіи фельдмаршалъ и графъ, поступилъ на службу въ прусскую армію въ 1772 г., но скоро былъ исключенъ изъ нея за нарушеніе военной дисциплины. Послѣ этого онъ служилъ въ голландскихъ колоніяхъ, но въ 1785 г. снова перешелъ на прусскую службу и съ успѣхомъ участвовалъ въ войнѣ 1806 — 1807 гг. Послѣ похода въ Россію Іоркъ принималъ выдающееся участіе въ войнахъ противъ французовъ 1813 — 1814 гг. и особенно отличился въ битвѣ подъ Вартенбургомъ (23 сент. 1813 г.), за что и получилъ титулъ графа Вартенбургскаго.

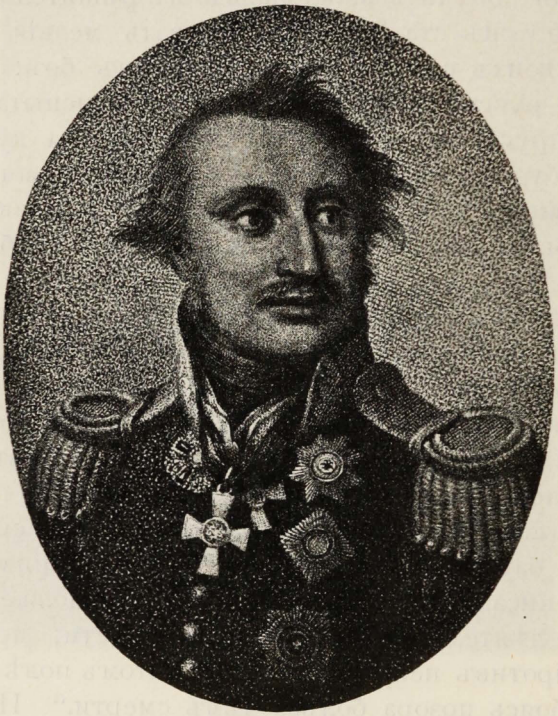
офицерамъ Іоркъ хотѣлъ отличиться храбростью предъ Наполеономъ и заслужить его вниманіе. Какъ человѣкъ прямолинейный и скрытный, онъ выше всего ставилъ долгъ службы. Хотя Іоркъ и не любилъ французовъ, но оказывалъ полное повиновеніе своему французскому начальнику. Сдѣлавшись командующимъ прусскимъ корпусомъ, Іоркъ не могъ измѣнить невыгодныхъ прусскихъ позицій или побудить Макдональда къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; но онъ старался использовать мелкія битвы для обученія своихъ солдатъ въ разсѣянномъ боѣ: въ Россіи и противъ русскихъ происходило боевое испытаніе и возрожденіе прусской арміи. Русскіе генералы думали, что пруссаки будутъ слабо сражаться противъ своихъ недавнихъ союзниковъ, и старались показать имъ знаки дружбы, но скоро оказалось, что „пруссаки дерутся храбро и даже отчаянно.“ *)

Послѣ сожженія рижскихъ форштатовъ двѣ недѣли прошли спокойно. Пруссаки не предпринимали ничего серьезнаго; только иногда они переправлялись на правый берегъ для добыванія продовольствія и жестоко обращались съ жителями. Противъ такихъ фуражировъ изъ Риги посылались небольшіе отряды. Эссенъ сначала не отваживался на вылазки, вслѣдствіе неопытности запасныхъ и резервныхъ батальоновъ, составлявшихъ гарнизонъ Риги, какъ онъ писалъ военному министру: „Я долженъ ограничить свою дѣятельность защитой крѣпости; предпринять что-либо противъ непріятеля въ открытомъ полѣ я не осмѣливаюсь, боясь позора болѣе, чѣмъ смерти.“ Императоръ Александръ I съ неудовольствіемъ принялъ объясненія Эссена и писалъ ему, что запасные батальоны вмѣстѣ съ хорошими войсками могутъ дѣйствовать не хуже послѣднихъ. Между тѣмъ въ Ригѣ стали успокаиваться отъ тревоги, произведенной пожаромъ, и привыкали къ войнѣ. Главную надежду граждане возлагали на графа Витгенштейна**), побѣды котораго раздавались невдалекѣ; думали,

*) См. донесеніе Эссена. Сб. И. Р. И. О., т. 133, стр. 531.

**) Графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ (1768—1842) происходилъ изъ знатнаго германскаго рода; его отецъ перешелъ на русскую службу въ царствованіе имп. Елизаветы Петровны. Поступивъ на воен-

что онъ придетъ освободить Ригу и Курляндію. „Онъ нашъ герой, — пишетъ Граве, — такъ называютъ его уста всѣхъ и въ нашихъ сердцахъ сооружаетъ онъ себѣ вѣчный памятникъ.“ Скоро рижскій гарнизонъ сталъ получать подкрѣпленія. Въ концѣ іюля прибылъ въ Ригу цѣ-



Графъ П. Х. Витгенштейнъ.

лый егерскій полкъ. Но особенно усилилась рѣчная флотилія, когда пришли новые отряды лодокъ, всего около 100,

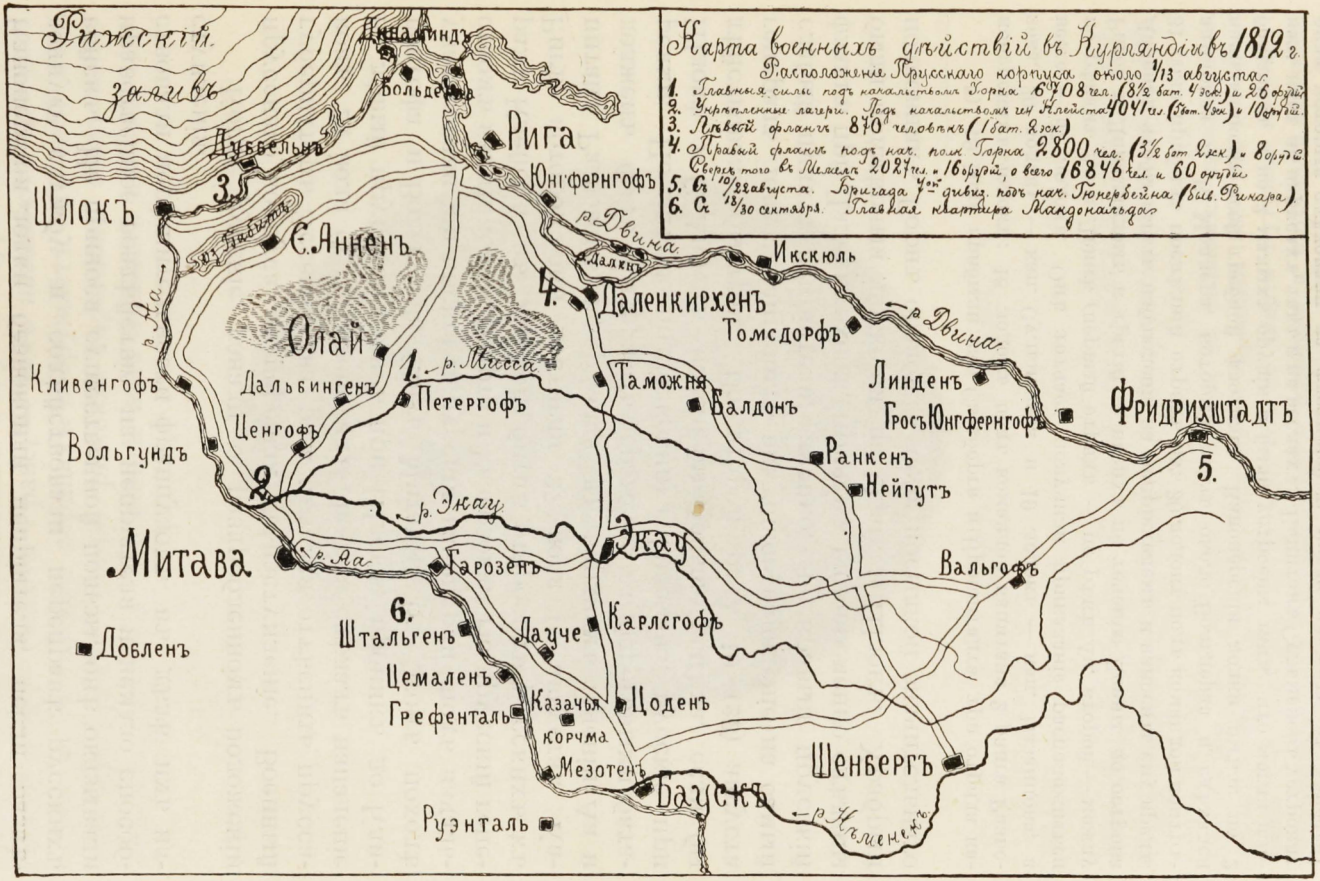
---

ную службу, П. Х. впервые участвовалъ въ польскихъ войнахъ и въ штурмѣ Праги, затѣмъ въ войнахъ съ Франціей 1805—1807 г.г. Прославленный побѣдами въ 1812 г., онъ по смерти Кутузова въ 1813 г. былъ назначенъ главнокомандующимъ русскими и прусскими войсками, но послѣ неудачныхъ сраженій при Люценѣ и Бауценѣ долженъ былъ отказаться отъ этого званія. Послѣ кратковременнаго участія въ русско-турецкой войнѣ 1828 г. П. Х. удалился въ частную жизнь.

подъ общимъ начальствомъ контръ-адмирала А. В. Моллера.*) Канонерскія лодки безпокоили непріятеля, несли развѣдочную службу и содѣйствовали переправѣ русскихъ войскъ. Не принося существенной пользы, онѣ оказывали нравственное воздѣйствіе на непріятеля и немало способствовали нерѣшительности французовъ въ дѣлѣ ихъ наступленія.

Когда русскіе узнали о раздробленномъ положеніи прусскаго корпуса, то перешли въ наступленіе. Военный губернаторъ Эссенъ два раза пытался оттѣснить пруссаковъ. 24 іюля (5 авг.) генералъ Левизъ сдѣлалъ нападеніе на лѣвый прусскій флангъ при Шлокѣ, проникъ до Кливенгофа и Вольгунда близъ Митавы. Въ этомъ походѣ участвовали англійскія и русскія канонерки подъ начальствомъ капитановъ Стюарта и Развозова. Но прусскій генералъ Клейстъ въ жаркой битвѣ отбросилъ русскихъ къ Ригѣ, которой они достигли 27 іюля (8 августа). Капитанъ Развозовъ задержался въ верхнемъ теченіи Аа и долженъ былъ выдержать сраженіе съ береговыми батареями. По мнѣнію подполковника Тидемана, русскіе при Шлокѣ и С.-Анненѣ имѣли бы больше успѣха, если бы дѣйствовали быстрѣе. Во второй разъ 10 (22) августа генералъ Левизъ направилъ внезапное нападеніе на самый слабый пунктъ непріятеля, именно, на правый прусскій флангъ при Даленкирхенѣ, причемъ одновременно сдѣланы были примѣрныя движенія на Олай и Шлокъ. Храбрый полковникъ Горнъ ослабилъ себя посылкой значительнаго

*) 19 іюля прибыли изъ Свеаборга и Кронштадта три отряда канонерскихъ лодокъ: 18 лодокъ подъ командой капитана 2 ранга Развозова, 30 лодокъ — кап. Сульменева и 19 лодокъ — кап. Казанцова, а всего — 67 лодокъ. Онѣ тотчасъ получили приказаніе расположиться по рѣкамъ Аа и Двинѣ (первый отрядъ — по рѣкѣ Аа, второй — между Ригой и Динаминдомъ и третій — вверхъ по теченію Двины до острова Далена), чтобы имѣть наблюденіе за непріятелемъ и наносить ему вредъ. 31 іюля прибылъ послѣдній отрядъ изъ 30 лодокъ подъ командой контръ-адмирала А. В. Моллера, который сталъ около Больдераа и сдѣлался начальникомъ всей гребной флотиліи. Канонерскія лодки имѣли по 2 большихъ и по 2 малыхъ орудія и были устроены такъ, что могли плавать какъ на парусахъ, такъ и на веслахъ. Капитанъ Сульменевъ устроилъ суда, которыя слѣдовали за флотиліей и могли служить въ качествѣ моста для переправы войскъ и артиллеріи. См. Сборн. И. Р. И. О-ва Т. 133, стр. 474, 475 и 526.


Карта военныхъ дѣйствій въ Курляндіи въ 1812 г.
Расположеніе Прусскаго корпуса около 1/13 августа.
1. Главныя силы подъ начальствомъ Горна 6708 чел. (8½ бат. 4 эск.) и 26 орудій.
2. Укрѣпленные лагери. Подъ начальствомъ ген. Клейста 4041 чел. (5 бат. 4 эск.) и 10 орудій.
3. Лѣвый флангъ 870 человѣкъ (1 бат. 2 эск.)
4. Правый флангъ подъ нач. полк. Горна 2800 чел. (3½ бат. 2 эск.) и 8 орудій.
Сверхъ того въ Мемелѣ 2027 чел. и 16 орудій, а всего 16846 чел. и 60 орудій.
5. Съ 10/22 августа. Бригада 7-ой дивиз. подъ нач. Гюнербейна (быв. Рикара).
6. Съ 18/30 сентября. Главная квартира Макдональда.
Рижскій заливъ
Динаминдъ
Больдерна
Рига
Дуббельнъ
Юнгфернгофъ
Шлокъ
Є. Анненъ
р. Двина
Даленъ
Икскюль
Даленкирхенъ
Томсдорфъ
р. Двина
Олай
р. Мисса
Кливенгофъ
Дальбингенъ
Петергофъ
Таможня
Балдонъ
Линденъ
Гросъ Юнгфернгофъ
Фридрихштадтъ
Ценгофъ
Вольгундъ
Ранкенъ
Нейгутъ
р. Экау
Экау
Митава
р. Аа
Гарозенъ
Вальгофъ
Штальгенъ
Лауче
Карлсгофъ
Добленъ
Цемаленъ
Казачья корчма
Цоденъ
Грефенталь
Мезотенъ
Шенбергъ
Бауcкъ
р. Нѣменекъ
Руэнталь

отряда въ Фридрихштадтъ, такъ что располагалъ всего 1500 человѣкъ. Рано утромъ русскіе напали на него съ двухъ сторонъ: именно, Левизъ отправился вдоль рижской дороги на лѣвомъ берегу Двины, а полковникъ Экельнъ съ тыла — черезъ Двину и островъ Даленъ. Русскіе уничтожили передовые прусскіе посты и проникли въ непріятельскій лагерь. Здѣсь они стали убивать пруссаковъ, которые были еще не одѣты, брали ихъ въ плѣнъ или обращали въ бѣгство. Послѣ упорнаго сопротивленія Горнъ отступилъ къ главнымъ силамъ при Олаѣ: онъ потерялъ болѣе половины своихъ солдатъ, именно, 26 офицеровъ и 775 солдатъ, въ общемъ болѣе тысячи человѣкъ. Но несмотря на эту побѣду, успѣхъ русскихъ былъ весьма непродолжителенъ: когда Іоркъ, чтобы поправить неудачу, приказалъ Горну вновь занять Даленкирхенъ, то 26 августа русскіе уступили позицію безъ борьбы и возвратились обратно на островъ Даленъ. Съ нашей стороны было убито и ранено 600 человѣкъ и въ числѣ убитыхъ былъ подполковникъ Тидеманъ,*) совѣтникъ Эссена, считавшійся главнымъ виновникомъ сожженія рижскихъ форштатовъ. Онъ былъ торжественно похороненъ въ Ригѣ, причемъ пасторъ Граве говорилъ погребальную рѣчь. На похоронахъ присутствовали плѣнные прусскіе офицеры, которые получили обратно свои шпаги, и въ тотъ же день они обѣдали у генералъ-губернатора. Вообще пруссаки чувствовали себя очень хорошо въ русскомъ плѣну; многіе изъ нихъ вступили въ „Нѣмецкій легіонъ“, который былъ основанъ въ Россіи барономъ Штейномъ для борьбы съ Наполеономъ.

Макдональдъ, получивъ извѣстіе о покушеніи рижскаго гарнизона, послалъ одну бригаду седьмой дивизіи подъ начальствомъ Гюнербейна въ Фридрихштадтъ для поддержанія въ случаѣ надобности Іорка, а самъ съ прочими двумя бригадами остался у Динабурга. Чтобы начать осаду Риги, Макдональдъ ожидалъ прибытія осадной ар-

*) Комендантъ Эмме разсказываетъ, что Тидеманъ во время рекогносцировки приблизился къ прусскому пикету и былъ узнанъ часовымъ, который, крикнувъ ему: „ты измѣнникъ отечеству, вотъ твоя награда,“ — прицѣлился въ него и убилъ на мѣстѣ. Военскій. Отеч. война въ запискахъ, стр. 66.

тиллеріи. Еще въ началѣ войны былъ составленъ въ Данцигѣ осадной артиллерійскій паркъ изъ 130 прусскихъ орудій и моремъ перевезенъ черезъ Кенигсбергъ въ Тильзитъ, гдѣ былъ выгруженъ 1 августа. Отсюда его медленно везли сухимъ путемъ, и въ началѣ сентября онъ находился при замкѣ Руэнталь между Баускомъ и Митавой. Но не успѣлъ Макдональдъ сдѣлать какихъ-либо распоряженій къ осадѣ, какъ получилъ приказаніе отъ Наполеона не начинать ея. Послѣ Бородинской битвы Наполеонъ надѣялся заключить миръ въ Москвѣ, и осада Риги, предположенная въ началѣ войны, представлялась излишней. Относительно Бородинской битвы въ Ригѣ ходили преувеличенные слухи; говорили, что русскіе одержали полную побѣду, а французское войско совсѣмъ уничтожено, что Даву палъ, Ней и Мюратъ взяты въ плѣнъ, захвачено 100 орудій. Эти извѣстія вызвали восторгъ среди жителей Риги. „Громкая живая радость разливается повсюду, — писалъ Граве 4/16 сентября, — друзья обнимаются на улицѣ, незнакомые люди сообщаютъ новость другъ другу, и все соединяется въ общемъ восклицаніи: „Наконецъ, слава Богу!“ Послѣ торжественнаго богослуженія толпа народа собралась на площади; пѣли старинную пѣсню: „Heil Alexandern Heil!“ (Да здравствуетъ Александръ!) Пѣніе закончилось громкимъ „ура“; шапки летѣли въ воздухъ. Военный губернаторъ Эссенъ, убѣжденный въ благопріятномъ исходѣ Бородинскаго сраженія, задумалъ привлечь прусскую армію на сторону русскихъ и сталъ настойчиво просить Іорка о личномъ свиданіи. Іоркъ согласился, тѣмъ болѣе, что онъ надѣялся уладить вопросы о размѣнѣ плѣнныхъ и объ установленіи пограничной линіи между передовыми постами. Свиданіе произошло въ Старой корчмѣ по рижской дорогѣ 11/23 сентября. Іоркъ выслалъ впередъ своего адъютанта маіора Зейдлица, который провелъ Эссена черезъ прусскіе посты. Но дорогой Эссенъ впервые узналъ отъ Зейдлица о занятіи Москвы Наполеономъ, а это уничтожало цѣль свиданія.*) Іоркъ и Эссенъ встрѣтили другъ друга

*) Зейдлицъ въ своемъ дневникѣ разсказываетъ, что дорогой Эссенъ говорилъ ему, что наступилъ моментъ для нѣмцевъ сбросить наполеоновское иго, такъ какъ большая часть французской арміи уничтожена при Бородинѣ. Зейдлицъ возразилъ, что настоящій моментъ не-

многими комплиментами, но разошлись, обманутые въ своихъ надеждахъ, не сказавши другъ другу ничего, кромѣ совершенно безразличныхъ вещей.

Обстоятельства измѣнились, когда въ Ригу прибыли подкрѣпленія. 15/27 августа произошло свиданіе императора Александра I съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ Бернадотомъ, причемъ былъ подтвержденъ договоръ о помощи Швеціи со стороны Россіи; но въ виду войны съ Наполеономъ принцъ великодушно отказался отъ предоставленнаго ему въ Финляндіи русскаго корпуса и посовѣтовалъ императору отправить его на помощь Витгенштейну. И вотъ 18/30 августа императоръ Александръ I повелѣлъ командовавшему русскими войсками въ Финляндіи графу Штейнгелю*) отправиться съ своимъ корпусомъ въ Ригу. Войска сѣли на суда въ Гельсингфорсѣ и Або и высадились въ Ревелѣ, а отсюда сухимъ путемъ отправились къ Ригѣ, куда прибыли 10/22 сентября въ количествѣ около 10 тысячъ человѣкъ. Рижскіе жители болѣе двухъ

удобенъ Пруссіи для измѣненія ея политики, потому что Наполеонъ 2/14 сентября вошелъ въ Москву, какъ побѣдитель. „Мой отвѣтъ, — пишетъ Зейдлицъ, — казалось, поразилъ генерала Эссена, но онъ скоро овладѣлъ собой, увѣряя, что къ нему еще не пришло извѣстіе о взятіи Москвы; но еслибы это было дѣйствительно вѣрно, то онъ точно знаетъ, что императоръ Александръ I не заключитъ мира даже въ Астрахани. Когда же я потомъ разсказалъ ему, что Москва при отъѣздѣ курьера была объята пламенемъ пожара и большая часть ея сгорѣла, генералъ былъ глубоко потрясенъ и, судорожно сжимая мою руку, говорилъ: „Повѣрьте мнѣ, пламя Москвы коснется предѣловъ Франціи.“ Seidlitz. Tagebuch des preussischen Armeekorps, Bd. II, s. 73—74.

*) Графъ Фабіанъ (Фаддей Федоровичъ) Штейнгель — уроженецъ Эстляндіи (род. въ 1762 г.), гдѣ его родъ принадлежалъ къ баронамъ. Получивъ хорошее домашнее образованіе, онъ въ 1776 г. поступилъ на службу въ генеральный штабъ и участвовалъ въ шведской войнѣ въ царствованіе имп. Екатерины II; затѣмъ занимался топографической съемкой въ Финляндіи. При Александрѣ I онъ принималъ участіе въ войнѣ съ Наполеономъ въ 1806 г., будучи генералъ-квартирмейстеромъ арміи Бенигсена. Съ началомъ шведской войны 1809 г. Ф. Ф. получилъ начальство надъ частью войскъ, стоявшихъ въ Финляндіи, а когда Барклай-де-Толли сдѣлался военнымъ министромъ, онъ занялъ его мѣсто главнокомандующаго финляндской арміей и генералъ-губернатора Финляндіи. — По окончаніи Отечественной войны Ф. Ф. возвратился на прежнюю должность въ Финляндію, но въ 1823 г. вышелъ въ отставку и умеръ въ 1831 г. Графъ Штейнгель не обладалъ качествами полководца, но былъ хорошимъ квартирмейстеромъ и администраторомъ.

мѣсяцевъ находились въ великомъ страхѣ предъ осадой и встрѣтили войска, какъ знакъ избавленія. Александръ I поставилъ графу Штейнгелю задачу, соединившись съ войсками рижскаго гарнизона, прорвать блокаду Риги и овладѣть осаднымъ паркомъ; затѣмъ отвлечь маршала Макдональда отъ движенія противъ корпуса Витгенштейна. Такъ было рѣшено съ русской стороны начать наступленіе по всей линіи. Такъ какъ Эссенъ изъ своего гарни-

Графъ Ф. Ф. Штейнгель.

зона могъ употребить 12 тысячъ, то русскіе располагали 22 тысячами, что было вполнѣ достаточно противъ 17-тысячнаго прусскаго корпуса. Главное начальство въ этомъ предпріятіи Александръ передалъ графу Штейнгелю, хотя послѣдній былъ по службѣ моложе Эссена. Но это обстоятельство вызвало столкновеніе между обоими русскими начальниками, что носило въ себѣ зародышъ неуспѣха. По мнѣнію Эссена, главною цѣлью военныхъ дѣйствій должно было служить занятіе Митавы, какъ „средоточія

французскаго управленія въ Курляндіи". Напротивъ, графъ Штейнгель предполагалъ сперва овладѣть артиллерійскимъ паркомъ, стоявшимъ у Руэнталя. Такъ какъ никто не хотѣлъ уступать, то это привело къ раздѣленію силъ. На военномъ совѣтѣ пришли, наконецъ, къ соглашенію и рѣшили предпринять движенія въ трехъ направленіяхъ. Канонерская флотилія контръ-адмирала Моллера при поддержкѣ генерала Бриземана съ 2000 человѣкъ была послана на Шлокъ; полковникъ Розенъ съ 1000 человѣкъ въ сопровожденіи Эссена отправился на Олай и Митаву; главная же колонна подъ начальствомъ Штейнгеля и Левиза изъ 18 тысячъ пѣхоты, 1300 конницы и 23 орудій двинулась черезъ Даленкирхенъ и Экау на Баускъ, чтобы уничтожить артиллерійскій паркъ. Этотъ планъ, безъ сомнѣнія, могъ бы удаться, такъ какъ русскіе имѣли большее количество войска, хотя артиллерія ихъ была слабѣе. Но прусскій командующій Іоркъ обнаружилъ замѣчательный военный талантъ, котораго не оказалось у русскихъ начальниковъ. Получивъ извѣстіе о наступленіи русскихъ, Іоркъ рѣшилъ сосредоточить всѣ свои силы для защиты артиллерійскаго парка. Онъ оставилъ свою позицію при Олаѣ и двинулся на Экау, гдѣ соединился съ Горномъ, который отступилъ изъ Даленкирхена, потерпѣвши уронъ отъ русскихъ.

Такъ какъ пруссаки отступили, то русскіе черезъ Шлокъ и Олай безпрепятственно заняли Митаву. Большія услуги при этомъ оказали канонерскія лодки и гребныя суда. Несмотря на бурю и непогоду они перевезли сухопутный отрядъ, а прибывши въ Митаву, захватили 4 мѣдныя пушки и много военныхъ припасовъ — ружья, запасы шубъ и сѣраго сукна и перевезли все это въ Ригу. Съ занятіемъ Митавы здѣсь вышло объявленіе, отмѣнявшее французское управленіе. Скоро прибылъ военный губернаторъ Эссенъ въ сопровожденіи курляндскаго гражданскаго губернатора Сиверса и вступилъ въ полное обладаніе своей прежней властью.

Послѣ занятія Даленкирхена Штейнгель продолжалъ движеніе и 15 сентября подошелъ къ Экау. Пруссаки упорно защищались, но когда на обоихъ флангахъ показались наши войска, посланныя въ обходъ, то Іоркъ от-

ступилъ къ Бауску. Видя недостаточность своихъ силъ, онъ рѣшилъ временно пожертвовать Митавой и приказалъ итти на соединеніе съ нимъ генералу Клейсту, стоявшему близъ Митавы, и бригадѣ Гюнербейна, занимавшей Фридрихштадтъ. 16/28 сентября Іоркъ занялъ позиціи при замкѣ Руэнталѣ по обѣ стороны артиллерійскаго парка. Но мѣстность была неудобная: впереди находился ручей, кругомъ лежали густые лѣса, позади — мѣшающій всякимъ движеніямъ паркъ. Только крайняя необходимость могла бы заставить Іорка принять здѣсь сраженіе. Положеніе его было чрезвычайно затруднительное. Предъ нимъ стоялъ вопросъ, защищать ли артиллерійскій паркъ на невыгодной позиціи съ опасностью пораженія, или же, предоставивъ его на произволъ судьбы, отступить направо къ корпусу Макдональда. На военномъ совѣтѣ мнѣнія офицеровъ дѣлились, но наконецъ восторжествовало первое мнѣніе, что честь прусскаго оружія требуетъ защиты парка до послѣдняго человѣка.

До сихъ поръ выгоды были на нашей сторонѣ вслѣдствіе превосходства силъ. Еслибы Штейнгель двигался быстрѣе и со всѣмъ корпусомъ напалъ на Іорка раньше прибытія къ послѣднему подкрѣпленій, то онъ могъ бы легко побѣдить его и овладѣть осадной артиллеріей. Но русскіе двигались медленно, а къ Іорку успѣли присоединиться Клейстъ и Гюнербейнъ (17/29 сент.). Въ то время какъ прусскій командующій принималъ мѣры къ сосредоточенію своихъ войскъ, Штейнгель добровольно ослабилъ себя,ославъ отрядъ въ 3000 человѣкъ на помощь Эссену въ Митаву. Когда русскіе дошли до Цодена, они раздѣлились на двѣ колонны: одна отправилась въ Баускъ, а другая — въ Мезотенъ. Узнавъ о значительномъ усиленіи непріятеля, графъ Штейнгель рѣшилъ обойти его съ лѣваго фланга и послалъ генерала Бельгарда съ двумя полками пѣхоты въ бродъ черезъ Аа атаковать непріятеля при Грефенталѣ. Тогда Іоркъ, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, рѣшилъ воспользоваться крайнимъ раздробленіемъ русскихъ*) и перейти въ наступленіе. Поручивъ

*) Въ общемъ русскія войска были раздѣлены на 6 частей: противъ Шлока, въ Митавѣ, при Грефенталѣ и Мезотенѣ, въ Баускѣ и къ сѣв.-востоку отъ Цодена. См. карту выше, стр. 154.

охрану лѣваго берега Аа отряду Клейста, онъ 17/29 сентября перешелъ съ главными силами на правый берегъ Аа и направился въ Мезотенъ. Къ сѣверу отъ Мезотена около Казачьей корчмы пруссаки встрѣтили русскій авангардъ и вытѣснили его съ большимъ урономъ изъ занятыхъ позицій. Только ночь положила конецъ битвѣ. Гораздо серьезнѣе было сраженіе на лѣвомъ берегу Аа. Отрядъ Бельгарда занялъ сильныя позиціи къ югу отъ Грефенталя. Узнавъ объ этомъ, Клейстъ тотчасъ рѣшилъ атаковать русскихъ и уже при первомъ натискѣ пруссаки заняли строенія, въ которыхъ расположились русскіе, но были встрѣчены убійственнымъ огнемъ послѣднихъ. Съ обѣихъ оторонъ сражались съ величайшей храбростью и ожесточеніемъ. Но когда къ пруссакамъ прибыли подкрѣпленія, то Бельгардъ принужденъ былъ отступить съ большими потерями на правую сторону рѣки. Неудача нашего нападенія и значительное превосходство непріятеля въ кавалеріи и артиллеріи заставили графа Штейнгеля и Левиза отказаться отъ дальнѣйшихъ дѣйствій и отступить къ Ригѣ. Для прикрытія отступленія оставленъ былъ въ Лауче сильный аррьергардъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Фока. Іоркъ задумалъ отрѣзать русскимъ войскамъ отступленіе и быстро направилъ свои главныя силы къ Митавѣ, но нашъ аррьергардъ упорно защищалъ свои позиціи въ двухъ жаркихъ битвахъ при Лауче и Гарозенѣ и, хотя понесъ большія потери, но далъ возможность главнымъ силамъ подъ начальствомъ Штейнгеля благополучно достигнуть Олая и выйти на рижскую дорогу. Когда Эссенъ въ Митавѣ узналъ о неудачѣ Штейнгеля и Левиза, онъ оставилъ Митаву, истребивши провіантскіе магазины, и послѣ двухдневнаго русскаго владычества тамъ опять было возстановлено французское управленіе. Въ этомъ предпріятіи русскіе потеряли до 2500 убитыми и ранеными, а прусскій корпусъ около 1000 человѣкъ. 20 сентября (2 окт.) наши войска возвратились въ Ригу, гдѣ неудача произвела тѣмъ болѣе грустное впечатлѣніе, что въ этотъ самый день пришло извѣстіе о занятіи французами Москвы.*)

*) Германъ въ своемъ дневникѣ записалъ 20 сент.: „Со всѣхъ сторонъ узнаю, что наши войска возвратились и что они понесли значительныя потери. Одновременно пришло съ почтой точное извѣстіе о занятіи

Паденіе ея считалось въ Ригѣ крушеніемъ всѣхъ надеждъ, и настроеніе было угнетенное.*) Такимъ образомъ экспедиція, предпринятая нами для очищенія нижней Двины отъ непріятеля и овладѣнія паркомъ, не достигла своей цѣли. Императоръ Александръ I, получивъ донесеніе Эссена и Штейнгеля о неудачномъ наступленіи нашихъ войскъ, выразилъ послѣднему свое неудовольствіе. Государь замѣтилъ, что корпусъ его былъ достаточенъ для дѣйствія противъ равнаго числа непріятелей: „Я нахожу неправильнымъ оставленіе вами въ Митавѣ части войскъ безъ всякой нужды, ибо въ сіе самое время войска непріятельскія уже всѣ вышли изъ города, почему такое безполезное раздробленіе вашего корпуса полагаю я причиной сей неудачи".

Макдональдъ призналъ храбрость прусскихъ войскъ и высказалъ свое удовольствіе офицерамъ всѣхъ чиновъ и солдатамъ за ихъ поведеніе въ трудныхъ обстоятельствахъ. А въ письмѣ къ своему другу Бержье онъ выразился съ еще большей похвалой: „Надо отдать высокое уваженіе храбрости и выдержкѣ прусскихъ войскъ и правильному сужденію офицеровъ; мое уваженіе къ нимъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ." Самъ Наполеонъ остался доволенъ дѣйствіями пруссаковъ и измѣнилъ свое мнѣніе объ Іоркѣ. Макдональдъ поспѣшилъ къ Іорку на помощь съ

Москвы французами и оба извѣстія вмѣстѣ произвели полное уныніе и упадокъ духа у всѣхъ жителей." Германъ передаетъ отзывы офицеровъ, что „несчастный исходъ экспедиціи долженъ быть приписанъ исключительно плохимъ распоряженіямъ, такъ какъ корпусъ былъ очень раздѣленъ и безъ надежды на успѣхъ выставленъ сильному огню". „Простые солдаты очень хорошо понимаютъ сдѣланныя ошибки и весьма недовольны своими предводителями." Современникъ хвалитъ только генераловъ Фока и Вельяминова, которые прикрывали отступленіе. Rig. Stadtbl. 1883, S. 68 и 72.

*) По случаю занятія Москвы Меркель изъ Дерпта написалъ свое лучшее воззваніе, которое было помѣщено въ „Зрителѣ" подъ заглавіемъ: „Русскій человѣкъ къ своимъ братьямъ", а впослѣдствіи переведено на русскій языкъ Гречемъ и отпечатано въ Петербургѣ. Въ этомъ воззваніи авторъ говоритъ, что хотя французы въ Москвѣ, но они не завоевали Россіи, а только осквернили ее. Не нужно плакать и печалиться, а надо стараться смыть позоръ. „Пусть каждый хватаетъ попавшееся въ руки оружіе и бросается на перваго встрѣчнаго врага, и Россія спасена! Позоръ тому изъ насъ, кто не вернется домой со знаками побѣды!"

бригадой генерала Башелю и послѣ извѣстія объ его побѣдѣ не возвратился, но расположилъ свою главную квартиру въ Штальгенѣ, недалеко отъ Гарозена, и самъ принялъ главное начальство противъ Риги для защиты артиллерійскаго парка. Его первое распоряженіе было перевезти паркъ обратно въ Тильзитъ и Мемель.

По возвращеніи въ Ригу Штейнгель со своимъ корпусомъ отправился по правому берегу Двины на помощь къ Витгенштейну. Между тѣмъ надежды Наполеона заключить миръ въ Москвѣ не осуществились; всѣ его попытки завязать мирные переговоры съ русскими отклонялись, и онъ безъ пользы провелъ въ горѣвшей столицѣ 38 дней. Французская армія пришла въ разстройство вслѣдствіе пожара и грабежей и отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ. Когда же русскіе разбили французскій авангардъ при Тарутинѣ, Наполеонъ отдалъ 6 октября приказъ объ отступленіи изъ Москвы, которое послужило началомъ конца великой арміи, такъ какъ русскіе преслѣдовали ее по пятамъ. Въ это время Витгенштейнъ, войско котораго значительно усилилось послѣ прихода ополченій и корпуса Штейнгеля, — предпринялъ наступленіе на Полоцкъ, гдѣ укрѣпился маршалъ Сенъ-Сиръ (смѣнившій раненаго Удино), и взялъ его приступомъ (6 октября). Хотя на помощь Сенъ-Сиру былъ посланъ IX корпусъ маршала Виктора, чтобы прикрыть отступленіе великой арміи, но Витгенштейнъ не задумался напасть на французовъ и послѣ двухъ кровопролитныхъ битвъ (при Чашникахъ и Смолянцахъ — 19 октября и 2 ноября) заставилъ ихъ отступить для соединенія съ великой арміей, которая 1 ноября двинулась изъ Смоленска къ Березинѣ. Туда же долженъ былъ спѣшить Витгенштейнъ, чтобы вмѣстѣ съ арміей адмирала Чичагова преградить путь Наполеону.

Макдональдъ изъ Штальгена не старался помочь Сенъ-Сиру при наступленіи Витгенштейна на Полоцкъ, хотя онъ легко могъ послать ему дивизію Гранжана, которая стояла безъ дѣла около Динабурга. Несмотря на успѣхъ пруссаковъ и уходъ Штейнгеля, Макдональдъ не принималъ никакихъ дѣйствій противъ Риги. Русскіе же слѣдовали своей прежней системѣ постояннаго безпокойства осаждающихъ: въ половинѣ октября они снова произ-

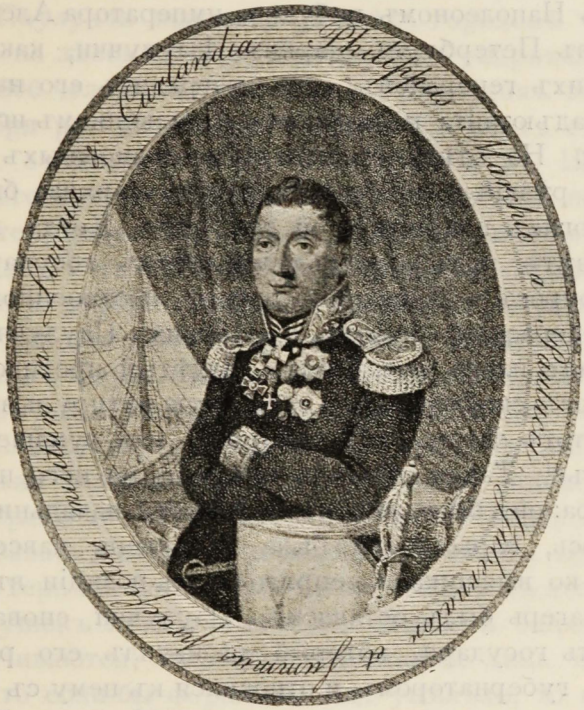
вели одновременное двойное нападеніе — на Даленкирхенъ и по рѣкѣ Аа на Шлокъ и Вольгундъ при поддержкѣ канонерскихъ лодокъ. Хотя пруссаки удержали свои позиціи, но понесли большія потери.

Скоро показалась въ Ригѣ надежда на избавленіе. Съ 9 октября стали распространяться изъ городка Верро слухи о томъ, что Москва оставлена французами. Никто не могъ объяснить, какимъ образомъ это извѣстіе пришло въ Верро, тогда какъ изъ Петербурга не написали объ этомъ въ Ригу ни одной строчки. Поэтому боялись вѣрить радостному извѣстію до офиціальнаго подтвержденія, чтобы не разочароваться, какъ послѣ Бородинской битвы. Но 18/30 октября Граве писалъ: „Ура, мой другъ! Москва свободна! Съ неожиданной радостью мы услышали вчера извѣстіе объ этомъ въ театрѣ, гдѣ Эссенъ его только-что получилъ. Теперь мы пойдемъ по пути побѣды на крыльяхъ мести!“ 20 октября Эссенъ извѣстилъ Іорка объ отступленіи французовъ, чтобы снова завязать съ нимъ переговоры о союзѣ; но черезъ три дня послѣдовала его отставка отъ должности рижскаго военнаго губернатора.*) Уже раньше императоръ Александръ былъ недоволенъ Эссеномъ за поспѣшное сожженіе форштатовъ; неудачная же экспедиція на Баускъ рѣшила его судьбу. 23 октября былъ назначенъ въ Ригу новый военный губернаторъ генералъ-адъютантъ маркизъ Паулуччи.

Маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паулуччи является замѣчательнымъ дѣятелемъ въ исторіи Отечественной войны и Прибалтійскаго края. По рожденію итальянецъ онъ происходилъ изъ знатнаго дворянскаго рода въ Моденѣ въ Италіи. Одаренный блестящими способностями и энергичнымъ характеромъ, Паулуччи въ молодости получилъ основательное образованіе, которое старался потомъ дополнить тщательнымъ изученіемъ древнихъ писателей, исторіи и философіи. Выдающаяся энергія и громадное

*) По этому поводу Граве писалъ: „Сожалѣютъ объ уходѣ Эссена, такъ какъ онъ употреблялъ свою власть для облегченія города, особенно для вспомоществованія несчастнымъ жителямъ форштатовъ.“ Skizzen, S. 106 Германъ также говоритъ: „Жаль, что Эссенъ впалъ въ немилость; кромѣ несчастнаго приказанія о сожженіи форштатовъ его ни въ чемъ нельзя упрекнуть; напротивъ, онъ постоянно заботился о благѣ города.“ Rig. Stadtbl. 1883, S. 82.

честолюбіе заставили его выйти изъ узкой сферы его родины. Когда въ 1796 г. Наполеонъ овладѣлъ Моденой, маркизъ сталъ во главѣ заговора противъ французовъ и послѣ неудачи бѣжалъ въ Вѣну, гдѣ поступилъ на австрійскую службу. Въ Вѣнѣ маркизъ Паулуччи женился на курляндской графинѣ Коскуль и такимъ образомъ познакомился со многими курляндцами, находившимися на русской службѣ. Въ 1805 г., во время войны Австріи и Россіи



Маркизъ Ф. О. Паулуччи.

съ Наполеономъ, Паулуччи въ чинѣ маіора командовалъ далматской крѣпостью Каттаро. Когда Австрія заключила миръ съ Наполеономъ, Паулуччи, какъ убѣжденный противникъ французскаго императора, не хотѣлъ отдать свою крѣпость французамъ согласно условіямъ мира, а передалъ ее русскимъ и поступилъ на русскую службу. Послѣ этого маркизу Паулуччи пришлось долгое время жить въ Курляндіи у родственниковъ своей жены. Здѣсь ему жилось очень плохо, такъ какъ онъ не былъ знакомъ ни съ

мѣстными отношеніями и интересами, ни съ господствующимъ нѣмецкимъ языкомъ. Но скоро обстоятельства неожиданно измѣнились. Маркизъ Паулуччи былъ вызванъ въ Петербургъ и представленъ императору Александру I, который произвелъ его въ полковники и назначилъ въ дѣйствующую армію на Кавказъ. Тамъ маркизу Паулуччи удалось отличиться; онъ одержалъ блестящую побѣду надъ персами, за что былъ произведенъ въ генералы и назначенъ главнокомандующимъ въ Грузіи. Предстоящая борьба съ Наполеономъ побудила императора Александра I вызвать въ Петербургъ маркиза Паулуччи, какъ одного изъ лучшихъ генераловъ; онъ наградилъ его названіемъ генералъ-адъютанта и назначилъ начальникомъ штаба первой арміи. Но здѣсь, въ центрѣ всевозможныхъ интригъ и вліяній, рѣзкій и прямой характеръ маркиза былъ причиной многихъ непріятностей для него. Когда въ военномъ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ государя обсуждался вопросъ о Дрисскомъ лагерѣ, построенномъ прусскимъ генераломъ Фулемъ, — маркизъ Паулуччи рѣзко критиковалъ планъ послѣдняго. Задѣтый противорѣчіями, онъ не могъ сдержать свою страстную натуру и выразился такъ: „Этотъ лагерь могъ построить или сумашедшій или измѣнникъ.“ Такая рѣзкость навлекла на него немилость императора: онъ былъ лишенъ должности начальника штаба и, казалось, карьера его была испорчена навсегда. Но какъ только выяснилась непригодность позиціи въ Дриссѣ и этотъ лагерь былъ оставленъ, Паулуччи снова вошелъ въ милость государя, который назначилъ его рижскимъ военнымъ губернаторомъ и относился къ нему съ полнымъ довѣріемъ до самой своей смерти. Маркизъ Паулуччи отличался не столько военнымъ талантомъ, сколько административными и дипломатическими способностями; онъ обладалъ проницательнымъ умомъ и умѣлъ быстро знакомиться съ новыми отношеніями и окружать себя честными и способными людьми.*)

*) Маркизъ Паулуччи въ званіи генералъ-губернатора управлялъ тремя прибалтійскими губерніями въ теченіе 17 лѣтъ. Хотя онъ вначалѣ не былъ знакомъ съ языками и учрежденіями этого края, но скоро изучилъ его лучше многихъ мѣстныхъ уроженцевъ и по своей дѣятельности занялъ выдающееся мѣсто среди прибалтійскихъ генералъ-губернаторовъ. Въ его правленіе и при его участіи произошло: освобожденіе

Новому военному губернатору осталась старая задача укрѣплять и защищать Ригу. Хотя военныя обстоятельства рѣзко измѣнились въ пользу русскихъ, но Макдональдъ ничего не зналъ о печальномъ положеніи французской арміи: ему было сообщено, что императоръ выступилъ изъ Москвы, чтобы зимовать въ Вильнѣ. Союзники стояли на прежнихъ позиціяхъ, и лишь изрѣдка небольшіе отряды переходили Двину и производили набѣги на Лифляндію. Чтобы устранить возможность этихъ набѣговъ, маркизъ Паулуччи задумалъ овладѣть городомъ Фридрихштадтомъ на лѣвомъ берегу Двины. Въ Фридрихштадтѣ находилось 800 человѣкъ баварцевъ и 3 прусскихъ эскадрона. 1/13 ноября русскіе напали на нихъ съ двухъ сторонъ и заставили очистить городъ и отступить къ Шенбергу. Послѣ этого русскіе отряды распространились по непріятельской территоріи до Нейгута, даже проникли въ окрестности Олая. Тогда Макдональдъ рѣшилъ отрѣзать и захватить всѣ русскіе отряды и приказалъ произвести наступленіе въ разныхъ направленіяхъ. Генералъ Башелю и полковникъ Горнъ напали на Левиза, стоявшаго въ Даленкирхенѣ на неудобной позиціи, и заставили его отступить. Внезапное наступленіе непріятеля, который до сихъ поръ только защищался противъ нашихъ нападеній, произвело страшный переполохъ въ Ригѣ. Мысль о взятіи города казалась жителямъ невыносимой теперь, когда великая армія терпѣла пораженія. Граве писалъ въ этотъ день: „Громъ пушекъ приближается все ближе и ближе; опасенія увеличиваются, повсюду испуганныя лица и всѣ сознаютъ, что если бы форштаты еще уцѣлѣли, то они были бы сегодня сожжены. Насколько ужаснѣе было бы это въ

крестьянъ, постройка рижскихъ форштатовъ и ихъ церквей, устройство аллей и садовъ и др. Всѣ общественные интересы, какъ школьное и благотворительное дѣло, входили въ кругъ его заботъ. Хотя его деспотическій характеръ и неумѣренная вспыльчивость не нравились многимъ, но неутомимая дѣятельность на общее благо заслужила всеобщую признательность. Благодарные рижскіе граждане поставили маркизу Паулуччи еще при жизни его памятникъ (гранитный обелискъ) въ Маломъ Верманскомъ паркѣ съ лаконической надписью: „23 окт. 1812 г.“, потому что маркизъ не соглашался на выставленіе своего имени на памятникѣ. Послѣ кончины имп. Александра I маркизъ Паулуччи оставилъ свою должность и уѣхалъ въ Италію, гдѣ былъ губернаторомъ въ Мантуѣ, Умеръ онъ въ 1850 г.

такое время года.“ Но тревога оказалась напрасной. Отступая къ Ригѣ, Левизъ заманилъ пруссаковъ къ одной возвышенности (въ 14 вер. отъ Риги), откуда скрытая батарея встрѣтила ихъ картечью. Въ нѣсколько минутъ 200 убитыхъ и раненыхъ покрыли поле, и пруссаки поспѣшно отступили. Въ это время Гюнербейнъ занялъ Томсдорфъ (5/17 ноября) и захватилъ близъ него русскій отрядъ съ 9 офицерами и 130 солдатами. На другой день Массенбахъ безъ боя овладѣлъ Фридрихштатомъ. Русскіе отступили, потерявъ до 150 человѣкъ плѣнными (въ томъ числѣ 10 офицеровъ). *) Итакъ, военныя дѣйствія въ ноябрѣ, хотя и были въ общемъ благопріятны для союзниковъ, но не привели къ тому результату, котораго ожидалъ Макдональдъ. Русскіе имѣли возможность легко приходить вновь по замерзшей Двинѣ и нападать на непріятелей. Эти перестрѣлки и мелкія битвы были безполезны и даже вредны. Іоркъ писалъ находившемуся при маркизѣ Паулуччи полковнику Рапателю (бывшему нѣкогда адъютанту генерала Моро), что схватки на передовыхъ постахъ напрасно озлобляютъ войска, порождая въ русскихъ и пруссакахъ взаимное ожесточеніе, котораго прежде не было.

Съ наступленіемъ зимы появились новыя тревоги и опасенія для жителей Риги, потому что исчезла самая важная защита — теченіе Двины. Морозъ сковалъ рѣку и городскіе рвы крѣпкимъ мостомъ, и непріятели могли безпрепятственно достигнуть крѣпости. Ходили слухи, будто Макдональдъ выразился такъ, что онъ не замедлитъ напасть на Ригу, какъ только замерзнетъ Двина, и будто въ Митавѣ приготовлено 15 тысячъ штурмовыхъ лѣстницъ. Маркизъ Паулуччи принималъ различныя мѣры. Нѣсколько канонерскихъ лодокъ были заморожены на рѣкѣ Двинѣ вдоль крѣпости и по направленію къ противоположному берегу, чтобы онѣ могли обстрѣливать ледъ и препятствовать переходу непріятеля. Особо приставленные люди желѣзными шестами разламывали ледъ въ крѣпостныхъ рвахъ, несмотря на сильный морозъ (отъ 16 до 20°); а валы крѣпости ежедневно поливали водой, чтобы сдѣлать ихъ гладкими. Исполненіе этихъ работъ было возложено

*) Здѣсь былъ взятъ въ плѣнъ эскадронъ лифляндскаго коннаго ополченія. См. ниже, гл. VI.

на жителей города, и для завѣдыванія ими образовалась особая комиссія изъ 2 членовъ магистрата и 8 бюргеровъ. Храбрые рижскіе граждане, уже раньше сорганизовавшіеся въ 8 отрядовъ для несенія караульной службы, изъявили полную готовность защищать городскіе валы, за что получили благодарность военнаго губернатора.

Удивительно, что несмотря на измѣнившіяся обстоятельства у рижскаго военнаго начальства продолжалъ существовать непонятный страхъ передъ осадой, который причинялъ жителямъ излишнія затрудненія. Это показываетъ, насколько русскіе начальники были неосвѣдомлены о состояніи и настроеніи непріятеля. Союзники не могли даже думать объ осадѣ Риги, потому что ихъ положеніе съ наступленіемъ холодовъ стало очень незавидное: расположенныя на позиціяхъ войска не имѣли хорошихъ помѣщеній, а жили въ землянкахъ и должны были терпѣть недостатокъ въ продовольствіи. Прусскій лейтенантъ Гартвихъ въ своемъ дневникѣ даетъ интересную картину лагерной жизни: „4—5 человѣкъ солдатъ вырывали для лагерной стоянки яму глубиной до 3 футовъ, надъ которой ставилась крыша изъ хлѣбныхъ сноповъ. Въ углу ямы устраивалась печь изъ камней. Мы офицеры квартировали въ комнатѣ зданія пастората. Наше ежедневное содержаніе составляли 1 фунтъ мяса, 10 лотовъ крупы, $1^1/_2$ кварты водки и 2 лота соли. Солдаты получали половину офицерской порціи мяса и водки. Денегъ у насъ совсѣмъ не было, потому что мы уже съ 1-го августа не получали жалованья, такъ какъ прохожденіе великой арміи чрезъ Пруссію истощило всѣ кассы; также вспомогательные источники провинціи (т. е. Курляндіи) были надолго уничтожены“. Въ первое время продовольствіе прусскихъ войскъ было удовлетворительно, но съ октября наступили серьезныя затрудненія въ изысканіи жизненныхъ припасовъ. Временное французское правительство въ Курляндіи не было въ состояніи доставить все необходимое для содержанія союзнаго корпуса. Поэтому прусскіе военные комиссары принуждены были производить непосредственныя реквизиціи, т. е. насильственное отобраніе съѣстныхъ припасовъ. Такъ какъ эти сборы не могли быть оплачены, то они часто наталкивались на сопротивленіе крестьянъ.

Съ наступленіемъ холода продовольствіе войска стало еще труднѣе. Порціи уменьшались: войска по нѣскольку дней не получали овощей и водки, которая была необходима при холодной погодѣ, потому что большая часть корпуса несла службу подъ открытымъ небомъ. Вслѣдствіе этого среди солдатъ случались волненія. Фуража не было совершенно, отчего лошади заболѣвали и падали. Но особенно большія затрудненія происходили съ обмундированіемъ войскъ. Лѣтняя полотняная одежда уже износилась. Іоркъ своевременно писалъ въ Берлинъ о присылкѣ суконной одежды для солдатъ, но трудно было доставить ее при отсутствіи повозокъ, которыя были взяты великой арміей. Прусское военное начальство хотѣло собственными силами накупить сукна въ Курляндіи и приготовить мундиры для войскъ, но не хватало денегъ и, кромѣ того, французы забрали для себя всѣ годные продукты. Маршалъ Макдональдъ заявилъ, что союзники должны снабжаться всѣмъ необходимымъ изъ собственныхъ странъ. Съ середины ноября, когда начались морозы, увеличились жалобы и требованія начальниковъ: повсюду нужда достигла крайнихъ предѣловъ, тѣмъ болѣе, что многіе полки носили изорванную лѣтнюю одежду. Іоркъ писалъ королю: „Войска много терпятъ отъ наступившаго большого холода, особенно тѣ, которые до сихъ поръ должны были жить въ соломенныхъ и земляныхъ хижинахъ; также чрезвычайно страдаетъ кавалерія, лошади которой стоятъ на форпостахъ подъ открытымъ небомъ; число больныхъ сильно возрастаетъ, притомъ ежедневно приходятъ люди съ отмороженными членами.“ Далѣе онъ сообщалъ, что съ давняго времени военная касса была совершенно безъ денегъ, отчего увеличивалось бѣдствіе войскъ, особенно офицеровъ. Іоркъ дѣлалъ представленія Макдональду и требовалъ согласно съ парижскимъ договоромъ серьезнаго попеченія о своемъ корпусѣ и его содержаніи. Прусскій командующій ссылался на то, что онъ имѣетъ обязанность по отношенію къ своему королю — сохранить армію отъ разложенія и не подвергать опасности честь прусскаго оружія. Кромѣ того онъ высказывалъ невыгодныя сужденія о бездѣйствіи Макдональда. Между обоими предводителями начались разногласія. Съ своей стороны

Макдональдъ увѣрялъ, что прусскіе лошади падали отъ того, что имъ давали слишкомъ много фуража. Чтобы въ корнѣ уничтожить притязанія Іорка, маршалъ написалъ ему рѣзкій отвѣтъ, полный упрековъ и личныхъ обвиненій въ томъ, что Іоркъ питаетъ враждебные замыслы противъ французскаго императора.

Неизвѣстно, чѣмъ окончились бы эти споры, если бы не стали приходить слухи объ отступленіи и гибели великой арміи. Макдональдъ долго не зналъ ничего объ этомъ, потому что вѣстники и курьеры, которыхъ посылалъ къ нему Наполеонъ, захватывались въ плѣнъ Витгенштейномъ. Но Іоркъ имѣлъ свѣдѣнія о положеніи французовъ изъ русскихъ бюллетеней, которые посылалъ къ нему маркизъ Паулуччи. Чтобы убѣдиться въ справедливости русскихъ извѣстій, Іоркъ послалъ 21 ноября тайно отъ Макдональда своего офицера Каница въ Вильну къ прусскому посланнику Круземарку съ сообщеніемъ о своихъ несогласіяхъ съ маршаломъ. Каницъ вернулся 26 ноября и привезъ полное подтвержденіе слуховъ о разложеніи великой арміи. Тогда Іоркъ сообщилъ объ этомъ Макдональду. Маршалъ сначала не повѣрилъ и послалъ въ Вильно къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ Маре (герцогу Бассано) письмо, въ которомъ просилъ о присылкѣ свѣдѣній и жаловался на Іорка; но скоро, не дождавшись отвѣта, онъ отправилъ въ великую армію своего начальника штаба полковника Террье и тоже не получалъ никакихъ извѣстій, потому что всѣ письма перехватывались русскими. Въ виду тревожныхъ слуховъ Макдональдъ на всякій случай приказалъ 7-ой дивизіи отступить къ Бауску. Наконецъ, 6/18 декабря прибылъ прусскій маіоръ Шенкъ и привезъ Макдональду отъ начальника штаба великой арміи Бертье приказъ немедленно отступать для соединенія съ великой арміей въ Ковно. Шенкъ не осмѣлился ѣхать въ Курляндію по прямому пути черезъ Литву, а отправился кругомъ черезъ Тильзитъ, гдѣ пробылъ нѣкоторое время у своихъ родныхъ. На вопросъ Макдональда о состояніи великой арміи, Шенкъ отвѣчалъ: „Кавалерія безъ лошадей, артиллерія безъ орудій, а пѣхота замерзла.“ Пораженный печальными извѣстіями, Макдональдъ могъ только произнести: „Ахъ, какой позоръ! какой стыдъ!“ и без-

сильно опустился на стулъ. Тотчасъ сдѣлано было распоряженіе о немедленномъ выступленіи X корпуса изъ Курляндіи.

Макдональдъ рѣшилъ итти со своимъ корпусомъ на Таурогенъ и Тильзитъ. Если бы русскіе преградили ему дорогу, то онъ предполагалъ прорваться къ Мемелю, а оттуда на Кенигсбергъ. Отступленіе происходило двумя эшелонами (отрядами) по двумъ дорогамъ на Шавли и на Колтыняны. Сперва 6/18 декабря Макдональдъ выслалъ всѣ обозы по направленію въ Тильзитъ и Мемель, а 7/19 декабря выступилъ съ первымъ своимъ эшелономъ, состоявшимъ изъ дивизіи Гранжана и части прусскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Массенбаха. Авангардъ составляла бригада генерала Башелю съ многочисленной кавалеріей, которая должна была изслѣдовать путь. Другой эшелонъ состоялъ изъ главныхъ прусскихъ силъ (около 10—12 тысячъ) подъ начальствомъ генераловъ Іорка и Клейста и долженъ былъ прикрывать отступленіе. 8/20 декабря вечеромъ Іоркъ выступилъ изъ Митавы, и пруссаки покинули Курляндію, въ которой пробыли ровно 5 мѣсяцевъ. Сперва Макдональдъ предполагалъ устроить соединеніе всего корпуса въ Янишкахъ, но въ виду опасности со стороны русскихъ онъ оставилъ свой планъ и двигался впередъ, не дожидаясь Іорка. Отступленіе корпуса происходило при очень трудныхъ обстоятельствахъ, при 24° мороза по дорогѣ, покрытой глубокимъ снѣгомъ Движеніе затруднялось громаднымъ обозомъ саней, на которыхъ везли съѣстные припасы и больныхъ. Иногда обозъ растягивался на нѣсколько верстъ; а между тѣмъ безъ него нельзя было обойтись, такъ какъ невозможно было разыскивать продовольствіе зимой въ бѣдной странѣ. Опасаясь русскихъ, шли ночью усиленными маршами, а днемъ останавливались на бивакахъ, ѣли мерзлый хлѣбъ и лишь изрѣдка приготовляли горячую пищу. Солдаты были близки къ истощенію; ежедневно оказывалось много замерзшихъ и отставшихъ. Но Іоркъ съ энергіей поддержалъ дисциплину и требовалъ отъ командировъ сохраненія отрядовъ въ цѣлости и боевой готовности. Несмотря на всѣ усилія, онъ однако отсталъ отъ Макдональда на два дневныхъ перехода. Но главная опасность предстояла

впереди. Хотя военному генію Наполеона удалось сохранить остатки своей арміи отъ уничтоженія при Березинѣ, но дальнѣйшее отступленіе французовъ сопровождалось громадными потерями. Въ Вильнѣ Наполеонъ оставилъ свою армію и уѣхалъ въ Парижъ, поручивъ командованіе Мюрату. Тѣснимые русскими, французы должны были очистить Вильну и Ковно. Только нѣсколько тысячъ ихъ перешли прусскую границу, и 7/19 декабря Мюратъ занялъ главную квартиру въ Кенигсбергѣ, гдѣ ожидалась свѣжая дивизія генерала Геделе. Послѣ занятія Вильны русскій главнокомандующій Кутузовъ рѣшилъ воспользоваться промедленіемъ Макдональда въ Курляндіи и отрѣзать его отъ Нѣмана. Эта задача была поручена Витгенштейну съ 30-тысячнымъ корпусомъ, а для преслѣдованія Макдональда предназначенъ былъ рижскій гарнизонъ. Къ сожалѣнію, хорошій планъ Кутузова (какъ мы увидимъ въ послѣдней главѣ) не осуществился, и Макдональдъ благополучно соединился съ Мюратомъ.

VI. Лифляндское дворянское ополченіе.

Событіе въ Дерптѣ. *)

Какъ извѣстно, нашествіе французовъ произвело во всей Россіи взрывъ патріотическихъ чувствъ и вызвало громадныя пожертвованія всѣхъ сословій на пользу отечества. 6 іюля былъ изданъ знаменитый манифестъ о всеобщемъ ополченіи, который призывалъ всѣхъ русскихъ людей единодушно возстать съ оружіемъ въ рукахъ противъ врага отечества. Этимъ манифестомъ предоставлялось дворянству ставить людей для защиты отечества и назначать надъ ними начальника, а купечество приглашалось къ денежнымъ пожертвованіямъ. Манифестъ былъ встрѣченъ съ большимъ энтузіазмомъ. Примѣръ подали московское дворянство и Москва, которую государь посѣтилъ 12

*) Матеріалы, относящіеся къ исторіи лифляндскаго ополченія, напечатаны недавно Военскимъ въ Сборникѣ Имп. Рус. Истор. Об-ва. Т. 133, Спб. 1911. Стр. 261—302. Тамъ же документы о событіи въ Дерптскомъ университетѣ. Стр. 303 — 327.

іюля. Всего Московская губернія пожертвовала 13 милліоновъ рублей и выставила до 80 тысячъ ратниковъ. Приношенія повсюду были такъ велики, что второй манифестъ отъ 18 іюля ограничивалъ созывъ ополченій только губерніями Московскаго и Петербургскаго округовъ: „всѣ прочія губерніи остаются безъ всякаго по онымъ дѣйствія, доколѣ не будетъ надобности употребить ихъ къ равномѣрнымъ отечеству жертвамъ и услугамъ.“ Русскіе ратники показали себя мужественными воинами и участвовали во многихъ сраженіяхъ. Французы называли ихъ пѣшими казаками.

Прибалтійскія губерніи, какъ близкія къ театру войны, были отнесены манифестомъ 18 іюля къ послѣднему разряду; но онѣ не хотѣли отстать отъ общаго патріотическаго движенія и участвовали въ пожертвованіяхъ на веденіе войны. Въ Эстляндской губерніи дворянство отказалось отъ мысли составить ополченіе, полагая, что эсты могли принять сборъ ополченія за самовольное распоряженіе помѣщиковъ, и ходайствовало о замѣнѣ земскаго вооруженія усиленными рекрутскими наборами. Всего въ продолженіе 1812 года эстляндское дворянство поставило по 17 рекрутъ съ 500 душъ. Хотя въ дѣйствующей арміи служили 324 офицера изъ эстляндскаго дворянства, однако немногіе оставшіеся дворяне были приглашены поступить на службу, и дворянство опредѣлило дать имъ средства послѣдовать голосу долга и чести. Оно приняло на себя содержаніе 20 офицеровъ, назначивши каждому изъ нихъ жалованья по 1000 рублей ежегодно и столько же на обмундировку. Въ городѣ Ревелѣ для охраны порядка и безопасности была устроена гражданская стража, которая замѣнила войска въ содержаніи карауловъ. По примѣру Петербурга здѣсь основалось женское патріотическое общество. Кромѣ того, эстляндское дворянство много пожертвовало деньгами, хлѣбомъ, скотомъ, подводами, — всего на сумму 593, 902 рубля.*) Гораздо значительнѣе

*) Пожертвованія въ частности таковы: деньгами и серебряными вещами 13,010 рублей; хлѣбомъ на 146,687 руб., рогатаго скота 200 шт. на 16,080 рублей; подъемныхъ лошадей въ артиллерію 189 на 39,690 руб.; подводъ и рабочихъ въ Ригу, Нарву и Ревель выставлено на 57,577 руб.; на экипировку поступившихъ на службу дворянъ — 14,500 руб. и столько же ежегодно; подводъ на 290,758 руб. Всего на 593,902 рублей. См. Богдановичъ. Исторія Отечественной войны, т. II, стр. 73.

были пожертвованія Лифляндской губерніи, сдѣланныя какъ по требованію военнаго начальства, такъ и добровольно. Сюда относились: продовольствіе войскъ хлѣбомъ, мясомъ и водкой, рогатый скотъ, наемъ и прокормленіе рабочихъ при постройкѣ рижскихъ и динаминдскихъ укрѣпленій, лошади подъ артиллерію, тулупы для корпуса Витгенштейна, усиленіе почтовыхъ станцій курьерскими лошадьми и пр., всего на сумму 3,095,364 рубля. *) Много лифляндскихъ дворянъ находилось въ военной службѣ. Профессоръ Дерптскаго университета Эльснеръ и всѣ студенты, обучавшіеся военнымъ наукамъ въ числѣ 27, поступили въ военную службу. Тридцать студентовъ медицинскаго факультета опредѣлились врачами въ различные полки. Въ дерптскомъ и перновскомъ уѣздахъ, гдѣ было много лѣсовъ и процвѣтала охота, было набрано 200 стрѣлковъ. Въ Ригѣ образовались два отряда добровольцевъ по иниціативѣ поручиковъ Шмидта и Нирота (первый въ 330, второй — 70 чел.). Шмидтъ, бывшій землемѣръ, затратилъ на это дѣло все свое состояніе; его отрядъ состоялъ, преимущественно, изъ русскихъ приказчиковъ и извощиковъ. Съ острова Эзеля было взято 200 человѣкъ для службы въ рижскомъ портѣ. Но самымъ важнымъ дѣломъ лифляндскаго дворянства было образованіе народнаго ополченія. Хотя манифестъ 18 іюля освободилъ Лифляндскую губернію отъ этой обязанности, тѣмъ не менѣе, лифляндское дворянство пожелало выразить свои чувства преданности государю и отечеству и рѣшило выставить изъ латышей

---

*) Въ частности, эти пожертвованія распредѣляются слѣдующимъ образомъ: продовольствіе и содержаніе войскъ — 700,253 р. 49 к. (въ томъ числѣ тулупы для корпуса Витгенштейна — 150,000 р.); фуражъ для лошадей — 96,108 р.; лошади и подводы для артиллеріи — 746,179 р. крѣпостныя работы — 171,451 р.; содержаніе рекрутовъ и плѣнныхъ — 768,747 р. 56 к.; усиленіе почтовыхъ станцій — 49,840 р. 35½ к. Сверхъ того, на содержаніе коннаго ополченія — 563,780 р. 94 к., а всего — 3,095,364 р. 34½ к. ассигн. Кромѣ этихъ пожертвованій, населенію приходилось давать подводы проходившимъ войскамъ, спѣшно исправлять дороги и мосты, на что ушло не менѣе 186,000 конныхъ и 125,000 пѣшихъ рабочихъ дней. Но лифляндское дворянство отказалось отъ вознагражденія за всѣ эти расходы и удостоилось высочайшей благодарности имп. Александра I. См. Hagemeister. Notizen über das Kriegsjahr 1812. Inland 1837. № 42.

конное ополченіе ратниковъ, получившее неподходящее названіе лифляндскихъ казаковъ. *)

Организаторомъ лифляндскаго ополченія явился курляндскій гражданскій губернаторъ и лифляндскій ландратъ Фридрихъ Сиверсъ, человѣкъ отличавшійся преданностью государю и интересамъ Россіи.**) Оставшись безъ должности послѣ занятія Митавы непріятелемъ и проникшись охватившимъ всю Россію патріотическимъ чувствомъ, онъ составилъ 17 іюля воззваніе къ лифляндскому дворянству, представленное имъ военному губернатору Эссену. Это воззваніе полно юношескаго огня, удивительнаго для 65-лѣтняго старика. Указывая на манифестъ государя и на примѣръ остальной Россіи, Сиверсъ говоритъ: „Кто изъ насъ, изъ благомыслящихъ лифляндцевъ и эстляндцевъ пожелаетъ менѣе учинить въ семъ рѣшительномъ времени?... Составимъ конницу, вооружимъ 25-таго человѣка... Да одушевитъ насъ духъ славныхъ предковъ нашихъ, оныхъ рыцарей, которые въ Венденѣ сами себя взорвали въ воздухъ съ величайшимъ хладнокровіемъ... Востаньте, спѣшите ко мнѣ! соединясь съ вами рука въ руку, сдѣлаемся достойными предковъ нашихъ и примѣромъ для нашихъ потомковъ! умремъ или побѣдимъ!“ Но это воззваніе мало подѣйствовало на мѣстное населеніе. Дворянство опасалось чрезмѣрныхъ расходовъ, а латышское населеніе, забитое и невѣжественное, было равнодушно къ судьбѣ своего отечества. Суровое крѣпостное право развило въ латышахъ привычки рабства и полное отсутствіе гражданскаго долга и чести. Они не имѣли желанія подобно русскимъ крестьянамъ вести партизанскую войну противъ непріятелей, часто переходившихъ Двину.***) Хотя въ общемъ крестьяне вели себя спокойно, но у нѣкоторыхъ

*) Гравеговоритъ : „Названіе „лифляндскіе казаки“ звучитъ такъ же, какъ „деревянное желѣзо“. Можно одѣть латышей и эстовъ въ синіе кафтаны и дать имъ въ руки пики, но сдѣлаются ли они оттого казаками?“ Skizzen. s. 103.

**) О предшествующей дѣятельности Фридриха Сиверса см. выше, стр. 81—91 (біографія и портретъ его) и стр. 114.

***) Впрочемъ, Граве сообщаетъ, что близъ Кокенгузена въ имѣніи ландрата Левенштерна береговые крестьяне организовали борьбу съ непріятелемъ и обращали въ бѣгство слабые непріятельскіе отряды. Но это были единичные факты. Skizzen. S. 62.

было желаніе воспользоваться присутствіемъ непріятеля, чтобы сбросить бремя крѣпостного права, къ чему призывали ихъ манифесты Наполеона.*)

Для обсужденія вопроса объ ополченіи, Эссенъ созвалъ ландтагъ въ Дерптѣ. Настроеніе дворянства мало соотвѣтствовало энтузіазму Сиверса. Ландтагъ опредѣлилъ выставить одного ратника со 100 ревизскихъ душъ (а не съ 25, какъ предполагалъ Сиверсъ, и не съ 10, какъ было въ Московской губерніи) и около 2000 лошадей, большею частью крестьянскихъ. Всего ратниковъ было выставлено, по указанію самого Сиверса, 2103 или 2076 человѣкъ, — цыфра ничтожная, сравнительно съ тѣмъ, что выставляли русскія губерніи; но государь отнесся съ признательностью къ подвигу благороднаго лифляндскаго дворянства и высочайшимъ рескриптомъ отъ 23 августа назначилъ начальникомъ ополченія его иниціатора курляндскаго губернатора Сиверса.

Въ концѣ августа Сиверсъ долженъ былъ по порученію Эссена отправиться въ Петербургъ, такъ что пріемъ ратниковъ и лошадей производился въ его отсутствіе митавскимъ полиціймейстеромъ барономъ Икскулемъ въ Ранценѣ (имѣніе Сиверса). Возвращаясь изъ Петербурга, Сиверсъ увидѣлъ ратниковъ въ городѣ Вольмарѣ и ужаснулся: и люди и лошади были по старости негодны къ службѣ. Люди сверхъ того были плохо одѣты: въ лѣтней одеждѣ, безъ чулокъ и даже безъ крестьянской обуви, или па́стулъ. Лифляндское дворянство, повидимому, сдало въ ополченіе клячъ и стариковъ, не снабдивъ послѣднихъ теплой одеждой и обувью.**) Прибывши въ Ригу, Сиверсъ

*) Тотъ же современникъ разсказываетъ слѣдующій случай. Однажды отрядъ поляковъ и пруссаковъ нашелъ въ корчмѣ толпу крестьянъ, которые встрѣтили ихъ съ восторгомъ и говорили на своемъ языкѣ, что они желаютъ сбросить свое теперешнее иго и просятъ помочь имъ. Не понимавшій латышскаго языка офицеръ спросилъ у нѣмца-хозяина, о чемъ говорятъ крестьяне. Хозяинъ объяснилъ, будто крестьяне кричали: „Къ чорту всѣхъ французовъ, поляковъ и пруссаковъ!“ Понятно, что офицеръ отряда приказалъ бить крестьянъ прикладами и саблями; а тѣ выбѣжали изъ корчмы съ крикомъ: „Если такъ, то пусть у насъ будутъ прежніе господа!“ Къ этому разсказу Граве прибавляетъ: „Если бы не сообразительность хозяина, то, вѣроятно, не одно имѣніе было бы сожжено и разграблено.“ Skizzen, S. 63–64.

**) Въ объясненіе такого печальнаго состава лифляндскаго ополче-

донесъ обо всемъ военному губернатору Эссену и просилъ его потребовать отъ дворянства размѣна негодныхъ людей и лошадей, а также дополнительнаго отпуска одежды и провіанта. Эссенъ поручилъ осмотрѣть ратниковъ лифляндскому ландмаршалу Шульцу и, когда тотъ убѣдился въ справедливости словъ Сиверса, приказалъ ему отправиться въ Дерптъ къ дворянскому представительству для принятія необходимыхъ мѣръ относительно ополченія. Между тѣмъ ратники ополченія, по распоряженію Эссена, прибыли въ началѣ октября изъ Вольмара въ Ригу со своими начальниками — полковниками Икскулемъ и Раденомъ. Здѣсь оказалось, что изъ 759 лифляндскихъ казаковъ только 106 имѣли суконные крестьянскіе штаны и этихъ можно было послать на помощь генералу Левизу;*) всѣ же остальные, несмотря на наступившую стужу, должны были довольствоваться ветхой лѣтней одеждой. Видя бѣдственное положеніе отправляемыхъ людей, Эссенъ велѣлъ выдать имъ нѣсколько шкуръ съ убитаго скота, чтобы они могли сами сдѣлать себѣ обувь. Одновременно шли заботы о снабженіи ополченія оружіемъ. Для вооруженія коннаго ополченія требовались пистолеты, сабли, сѣдла и потники. Всего этого не оказалось въ рижскомъ арсеналѣ: отсюда могли выдать только 130 сабель. Тогда Эссенъ обратился съ просьбой объ оружіи въ военное министерство и къ государю. 1 сентября появился высочайшій указъ о доставленіи лифляндскому ополченію необходимаго оружія изъ петербургскаго арсенала „на счетъ суммы общественнаго пожертвованія“.**) Къ сожалѣнію, Сиверсъ не могъ

нія можно отчасти привести то соображеніе, что лифляндскій крестьянскій законъ 1809 г. возложилъ рекрутскую повинность на самый низшій разрядъ крестьянъ — бобылей (лострейберовъ), которые большею частью состояли изъ больныхъ и стариковъ.

*) Германъ пишетъ 28 октября: „Вчера произошла недалеко отъ Балдона весьма удачная битва лифляндскихъ казаковъ подъ предводительствомъ Нирота: пруссаки потеряли 40 убитыхъ и 60 плѣнныхъ, а наши — только 14 человѣкъ. Это будетъ хорошимъ началомъ и весьма поднимете ихъ мужество.“ Rig. Stadtbl. 1883, S. 83.

**) Въ сентябрѣ были отправлены въ Ригу 1000 сѣделъ, 500 паръ пистолетовъ и 500 потниковъ. Сабель же не оказалось въ Петербургѣ, и онѣ были доставлены въ Ригу только 11 декабря при новомъ военномъ губернаторѣ маркизѣ Паулуччи. За сѣдла и потники было уплачено 19 октября въ комиссаріатское вѣдомство изъ суммы пожертвованій

посвящать себя исключительно заботамъ объ ополченіи, потому что ему было поручено Эссеномъ управленіе рижскими госпиталями, которые помѣщались въ 27 зданіяхъ и въ которыхъ было свыше 5000 раненыхъ и больныхъ солдатъ.

16 октября получено было въ Ригѣ представленіе ландратской коллегіи изъ Дерпта, подписанное очереднымъ ландратомъ Рихтеромъ. Ландратская коллегія не соглашалась на требованія Сиверса относительно обмѣна людей и снабженія ихъ провіантомъ; она утверждала, что дворянство исполнило всѣ свои обязанности. На мызу Ранценъ барону Икскулю были представлены люди, лошади и персели, т. е. связки, вмѣщавшія въ себѣ одежды ратниковъ и конную сбрую. Все это было признано годнымъ, а если теперь оказались недостатки, то это, по мнѣнію ландратской коллегіи, произошло не по винѣ отдатчиковъ — дворянъ, а оттого, что отданные люди и лошади жили въ Ранценѣ въ продолженіи 4 недѣль на открытомъ воздухѣ безъ должнаго присмотра. Что касается одежды и провіанта, то одежда давалась та, которая была опредѣлена ландтагомъ, а „провіанта и фуража полагалось отъ земства и дворянства только на одинъ мѣсяцъ, ибо Сиверсъ увѣрилъ дворянство на ландтагѣ, что коль скоро ополченіе будетъ въ комплектѣ, оно будетъ снабжено всѣмъ нужнымъ продовольствіемъ Высокой Короной“. Представленіе ландратской коллегіи Эссенъ препроводилъ Сиверсу, который, конечно, не могъ оставить безъ опроверженія ея доводовъ. Отзывъ Сиверса является замѣчательнымъ историческимъ документомъ, рисующимъ состояніе лифляндскаго дворянскаго ополченія. Сиверсъ утверждаетъ, что ландратская коллегія представила сплошную неправду, „дабы чрезъ то переложить вину помѣщиковъ, отдавшихъ неспособныхъ людей и лошадей, на отвѣтственность пріемщика полковника Икскуля“. Доказавши, что ратники были въ Ранценѣ не 4 недѣли, а самое большое — 13 дней, Сиверсъ продолжаетъ: „Такое утвержденіе содѣлывается

22,432 руб., а отъ уплаты за оружіе дворянство отказалось, говоря, что оно не обязывалось поставлять оружіе. Поэтому, по ходатайству маркиза Паулуччи, оружіе было принято на счетъ казны и впослѣдствіи возвращено. См. Сб. Р. И. О., т. 133, стр. 285–295.

еще коварнѣе, если приступимъ къ изслѣдованію и разсмотрѣнію неспособности людей и лошадей. Неспособность первыхъ состоитъ въ 50 и 60-лѣтнемъ возрастѣ, въ килахъ, струпьяхъ, слабости силъ и маломъ ростѣ, такъ что сіи люди едва ли были ростомъ въ два аршина; неспособность лошадей состоитъ въ томъ, что онѣ имѣютъ 15, 20 и болѣе лѣтъ, или что суть столь велики, что даже неспособны и къ драгунской службѣ, а тѣмъ менѣе еще къ легкой кавалерійской. И всѣ сіи недостатки, по утвержденію ландратской коллегіи, произошли во время 13-дневнаго пребыванія въ Ранценѣ "... „Вѣроятно, коллегія не знала, что большое число отданныхъ людей не имѣютъ ни рубахъ, ни подштанниковъ, ни шапокъ, ни чулокъ, ни сапогъ, ни постелей, а то вѣрно бы она не упустила случая и сіи недостатки отнести на счетъ 13-дневнаго пребыванія ополченія въ Ранценѣ." Опровергнувши соображенія ландратской коллегіи, Сиверсъ заявляетъ военному губернатору, что онъ „не осмѣливается представить ему ополченіе во уваженіе сожалѣнія достойнаго его положенія, а тѣмъ еще менѣе вывести оное противъ непріятеля въ осмѣяніе всего лифляндскаго дворянства". Въ заключеніе Сиверсъ настаиваетъ на своихъ требованіяхъ освидѣтельствованія и обмундированія ратниковъ и выражаетъ увѣренность, что „лифляндское дворянство въ готовности къ спасенію отечества и преданности своей престолу Е. И. В., не захочетъ ни въ чемъ уступить прочимъ губерніямъ государства." Но надежды Сиверса оставались тщетными, и лифляндское ополченіе должно было все время влачить жалкое существованіе.

Какъ было сказано, въ октябрѣ лифляндское ополченіе находилось въ Ригѣ все еще безъ зимней одежды. Въ такомъ состояніи оно не могло принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и имъ пользовались для другихъ цѣлей. 380 человѣкъ работали въ рижской крѣпости, а лошади употреблялись для перевозки фуража и провіанта или были отданы въ другіе полки. Новый военный губернаторъ маркизъ Паулуччи приказалъ отрядить на работу къ рижскимъ укрѣпленіямъ изъ лифляндскаго ополченія еще 140 человѣкъ. Въ глубокую осень во время сильныхъ морозовъ несчастные лифляндскіе ратники, босые и голодные,

были принуждаемы къ крѣпостнымъ работамъ. Неудивительно, что они массами бѣжали и скрывались въ лѣсахъ, а нѣкоторые перебѣгали къ непріятелю. Многіе отъ простуды получали болѣзни и лежали въ госпиталяхъ. Наконецъ, рѣшено было употребить въ дѣло лифляндское ополченіе. Въ ноябрѣ лифляндскіе казаки были отправлены въ Икскюль, а отсюда въ Юнгфернгофъ защищать правый берегъ Двины; сюда же отправился и ихъ начальникъ Сиверсъ. 4 ноября Сиверсъ доносилъ маркизу Паулуччи, что „люди ополченія не имѣютъ ни шубъ, ни порядочнаго мужичьяго кафтана, ни шапокъ, ни сапогъ, ни рукавицъ", и что „многіе, не будучи въ состояніи переносить холодъ, чинятъ побѣги". Изъ Юнгфернгофа одинъ эскадронъ былъ посланъ на лѣвый берегъ Двины въ Фридрихштатъ, но тамъ онъ при нападеніи непріятеля былъ взятъ въ плѣнъ.*)

Все это указывало на плохое состояніе лифляндскаго ополченія. Несмотря на всѣ затраты и старанія, ратники были неспособны къ своей службѣ, и ополченіе не приносило никакой пользы въ военномъ дѣлѣ. Тогда у начальника ополченія Сиверса явилась мысль преобразовать его и изъ лучшихъ ратниковъ составить казачій полкъ въ 800 человѣкъ на содержаніи отъ дворянства, а остальныхъ людей и офицеровъ распустить. 9 ноября на это послѣдовало высочайшее соизволеніе, а черезъ три дня произошло основаніе лифляндскаго казачьяго полка. Новый полкъ оставался подъ надзоромъ Сиверса, а командиромъ

*) См. выше объ экспедиціи маркиза Паулуччи противъ Фридрихштадта, стр. 167-8. Когда на лѣвомъ берегу Двины подъ Томсдорфомъ были разбиты и взяты въ плѣнъ три нашихъ батальона, то Сиверсъ, по приказанію Паулуччи, отрядилъ 6 ноября въ Фридрихштадтъ одинъ эскадронъ казаковъ лифляндскаго ополченія съ капитаномъ Дреслеромъ на помощь маіору Телышевскому. Въ тотъ же день вечеромъ въ 9 часовъ при взятіи Фридрихштадта Массенбахомъ Телышевскій былъ разбитъ, а эскадронъ былъ взятъ въ плѣнъ (въ томъ числѣ 4 офицера, 90 лошадей и 86 казаковъ). Сб. Р. И. О., т. 133, стр. 267. Потомъ Сиверсъ послалъ Телышевскому еще одинъ эскадронъ своихъ казаковъ, но послѣдніе все еще „были наги и совсѣмъ босы" и оказывали плохую помощь: Телышевскій жаловался, что ратники уходили съ форпостовъ къ непріятелю. Тамъ же, стр. 268. По этому поводу Сиверсъ вспоминаетъ, что митавскій маіоръ Кильхенъ писалъ ему, „сколько латыши наклонны къ побѣгу и сколь трудно искоренить въ нихъ предразсудокъ противъ воинской службы даже тогда, когда они получаютъ хорошую одежду и сытную пищу." Тамъ же, стр. 281.

его для лучшаго устройства въ немъ порядка и для обученія правиламъ службы былъ назначенъ маіоръ Ямбургскаго драгунскаго полка Радожицкій, въ помощь которому даны были 12 унтеръ-офицеровъ изъ кавалерійскихъ полковъ. Радожицкій принялъ на себя задачу поставить лифляндскій полкъ на высоту казачьихъ полковъ. Съ этою цѣлью полкъ располагался въ лучшихъ мѣстахъ, сначала въ Лифляндіи въ мызѣ Ропъ, а затѣмъ съ 3 января около Митавы въ Курляндіи, гдѣ его начальникъ Сиверсъ, послѣ отступленія французовъ, уже съ мѣсяцъ былъ курляндскимъ губернаторомъ. Но всѣ усилія были безуспѣшны и не могли поставить лифляндскій полкъ даже на среднюю степень совершенства казачьей службы. По отзыву маркиза Паулучи, „люди по несклонности къ сему роду службы не подавали никакой надежды видѣть отъ служенія ихъ въ семъ званіи пользу и подвергались разнымъ болѣзнямъ; офицеры, поступившіе въ составъ онаго изъ разныхъ сословій, также не имѣли никакихъ понятій о казачьей службѣ, а въ лошадяхъ, пожертвованныхъ дворянствомъ, сдѣлалась большая убыль.“ Состояніе полка ухудшалось тѣмъ, что дворянство плохо исполняло свою обязанность относительно его содержанія. Когда полкъ прибылъ въ Митаву, Сиверсъ осмотрѣлъ его и 9 января доносилъ маркизу Паулуччи, что онъ нашелъ людей и лошадей въ „жалостномъ и разоренномъ положеніи“, и просилъ освидѣтельствовать полкъ и побудить дворянство доставить необходимую одежду (рубашки, рукавицы и пр.). Съ подобной же просьбой Сиверсъ обращался къ лифляндскому гражданскому губернатору Дюгамелю. Но никакія жалобы не помогали; дворянство не доставляло ни денегъ, ни фуража для полка, и Сиверсъ принужденъ былъ продовольствовать его изъ разныхъ суммъ, даже изъ собственнаго жалованья. Лифляндскій казачій полкъ такъ и провелъ всю зиму безъ теплой одежды, безъ шинелей, безъ полушубковъ, перчатокъ, чулокъ и рубахъ, отчего пострадало здоровье казаковъ и многіе изъ нихъ болѣли и умирали въ госпиталяхъ.

Между тѣмъ маркизъ Паулуччи, получивъ извѣстіе отъ Сиверса о плохомъ состояніи лифляндскаго казачьяго полка, поручилъ коменданту рижской крѣпости генералу

Эмме подробно осмотрѣть его во всѣхъ частяхъ. 26 января 1813 года Эмме доносилъ маркизу Паулуччи о плачевномъ положеніи полка: „Изъ 800 человѣкъ, долженствующихъ состоять по списку, въ наличности имѣется 188, прочіе же всѣ въ разныхъ госпиталяхъ; изъ такого же числа лошадей находится 440, изъ нихъ только третья часть посредственны, а прочіе безнадежны и къ употребленію негодны.“ По мнѣнію Эмме, это происходило оттого, что „частные начальники, на которыхъ возложенъ надзоръ и наблюденіе, вовсе о семъ не озабочивались, офицеровъ недостаточно, а которые есть, и къ пѣхотной службѣ мало пригодны, кольми паче къ кавалерійской, которая имъ вовсе неизвѣстна; люди же вообще, долженствующіе по образованію ихъ принять званіе казаковъ, вовсе къ нему не свойственны“. „Всѣ издержанныя въ пять мѣсяцевъ на образованіе сего ополченія значительныя суммы истощены съ напраснымъ иждивеніемъ безъ малѣйшей пользы къ службѣ“... Въ заключеніе Эмме предлагаетъ уничтожить лифляндскій казачій полкъ, „дабы тѣмъ прекратить истребленіе новыхъ суммъ.“ На основаніи этого отзыва маркизъ Паулуччи сдѣлалъ докладъ императору Александру I „о полной невозможности составить казачій полкъ изъ лифляндскаго ополченія, который лишь обременялъ дворянство значительнымъ содержаніемъ, не принося пользы.“ Государь согласился на расформированіе лифляндскаго казачьяго полка. И вотъ въ то время, когда русскія войска готовились къ заграничному походу и за ними послѣдовали русскіе ополченцы, — лифляндское ополченіе было уничтожено, какъ непригодное для своей цѣли (въ мартѣ 1813 г.). Всѣ ратники, способные къ продолженію военной службы, были зачислены въ составъ рекрутъ въ ближайшій рекрутскій наборъ и разсортированы по разнымъ полкамъ. Остальные неспособные къ службѣ были обращены въ первоначальное состояніе и отданы помѣщикамъ. Офицерамъ предоставлялось перейти въ тѣ полки, куда они пожелаютъ. Изъ состоявшихъ при полку лошадей выбрали 200 лучшихъ для артиллерійскихъ работъ и нѣкоторыхъ батальоновъ и потребное число для рижскаго и митавскаго госпиталей; остальныя были проданы съ публичнаго торга. Такъ какъ на содержаніе лифляндскаго ополченія кромѣ дворянства за-

тратила большія суммы и казна, именно, на продовольствіе и лѣченіе больныхъ ратниковъ въ военныхъ госпиталяхъ, то для расчета между казной и дворянствомъ былъ образованъ комитетъ изъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ и изъ представителей дворянства.*) Печальная судьба лифляндскаго ополченія обратила вниманіе императора Александра I, и графъ Аракчеевъ, по высочайшему повелѣнію, потребовалъ отъ тайнаго совѣтника Сиверса свѣдѣній „касательно великаго урона, усмотрѣннаго въ лифляндскомъ казачьемъ полку, неупотребленномъ противъ непріятеля.“ По этому поводу Сиверсъ 26 октября 1813 года представилъ государю „историческое изложеніе происшествій и обстоятельствъ, относящихся къ составленію лифляндскаго ополченія и лифляндскаго казачьяго полка“ (откуда мы заимствуемъ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ) и всеподаннѣйшее донесеніе, въ которомъ онъ указываетъ важнѣйшія потери полка (одинъ эскадронъ взятъ въ плѣнъ 10 казаковъ бѣжали къ непріятелю, 126 чел. отданы въ митавскій гарнизонный батальонъ и пр.) и въ заключеніе заявляетъ, что онъ въ Курляндіи содержалъ лифляндскій казачій полкъ на свой счетъ: „суммы, на продовольствіе сего полка употребленныя, не возвращены мнѣ ни лифляндскимъ дворянствомъ, ни провіантскимъ вѣдомствомъ.“ Неизвѣстно, получилъ ли Сиверсъ свои деньги, потому что на его донесеніи имѣется помѣтка: „Высочайше повелѣно оставить сіе дѣло.“

Изъ исторіи лифляндскаго ополченія мы видимъ, какъ относилось къ Отечественной войнѣ лифляндское дворянство и крестьянство. Но въ это время въ Дерптѣ произошло событіе, которое рисуетъ настроеніе болѣе широкихъ круговъ прибалтійскаго общества. При проходѣ черезъ Дерптъ

---

*) Въ статьѣ Гагемейстера (въ газетѣ Inland. 1837. № 42.) мы находимъ слѣдующія цыфры расходовъ дворянства на содержаніе лифляндскаго ополченія и казачьяго полка: снаряженіе и содержаніе ополченія — 33,529 р.; мѣсячный провіантъ и жалованье — 13,566 р.; содержаніе казачьяго полка — 328,322 р.; 633 лошади для этого полка — 64,620 р.; назначенныя комитетомъ по расформированію казачьяго полка издержки — 73,344 р. и возмѣщеніе казеннаго провіанта и фуража для казачьяго полка — 50,400 р. Итого 563,781 руб. ассигнаціями.

Александровскаго казачьяго полка*) дерптское общественное собраніе (Муссе) давало 10 ноября 1812 года балъ въ честь командира и офицеровъ полка, на которомъ присутствовали многіе студенты и чиновники. Во время полонеза, когда офицеры вступили въ кругъ танца, студентъ Киницъ и канцеляристъ Тахель вышли изъ круга и примѣру ихъ послѣдовали другіе студенты; также дамы начали отказываться танцовать съ офицерами. Какъ показало официальное слѣдствіе, въ этомъ поступкѣ студентовъ выразилось неуваженіе къ русскому военному званію. Но впослѣдствіи они стали говорить, что офицеры, нарушая правила, вытѣсняли изъ ряда стоявшихъ впереди студентовъ, что они начали „танцовать снизу, когда этотъ танецъ былъ уже открытъ сверху“, и будто этотъ прорывъ былъ такъ непріятенъ дамамъ, что тѣ не желали танцовать. Обѣ стороны пожаловались старшинѣ собранія Кизерицкому, который далъ офицерамъ „наставленіе въ учрежденныхъ правилахъ“, но не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній студентамъ. Тогда оскорбленные офицеры оставили танцовальный залъ и хотѣли совсѣмъ уйти, но устроители бала пригласили ихъ въ верхнія комнаты Муссы, гдѣ для нихъ былъ приготовленъ ужинъ. По окончаніи ужина всѣ гости стали расходиться. Студентъ Киницъ и поручикъ Шванъ встрѣтились на лѣстницѣ и дали другъ другу пощечины, отчего произошла драка, въ которой приняли участіе еще студентъ Раупахъ и поручикъ Фитингофъ. Впослѣдствіи студенты говорили, что офицеры били ихъ плетьми и саблями. Въ городѣ поднялось сильное возбужденіе; ходили слухи, что студенты хотятъ бить офицеровъ. Командиръ Александровскаго полка полковникъ Боде хотѣлъ освидѣтельствовать побитыхъ студентовъ чрезъ полкового доктора, но студенты съ грубостью и рѣзкостью не допустили этого. Дѣло восходило до министра народнаго просвѣщенія и до государя, который повелѣлъ маркизу Паулуччи произвести слѣдствіе и судъ по этому дѣлу, „дабы съ виновными было поступлено на основаніи законовъ безъ послабленія“. Военный судъ приговорилъ всѣхъ виновныхъ къ аресту на 3 мѣ-

*) Этотъ полкъ образовался въ Петербургѣ изъ добровольцевъ и входилъ въ составъ петербургскаго ополченія; онъ назывался „волонтернымъ казачьимъ барона Боде полкомъ“.

сяца. Маркизъ Паулуччи утвердилъ приговоръ относительно офицеровъ и канцеляриста. Что же касается студентовъ, то „уважая предоставленныя университетамъ преимущества“, онъ предложилъ министру народнаго просвѣщенія Разумовскому „поступить съ виновными по своему усмотрѣнію.“ Министръ 13 іюля 1813 года предписалъ попечителю Дерптскаго учебнаго округа: „студентовъ Киница и Раупаха заключить подъ стражу на 4 недѣли и въ первые три дня не давать ничего кромѣ воды.“ Замѣчательно, что въ это самое время совѣтъ университета подъ предсѣдательствомъ ректора Паррота, друга Александра I, просилъ министра народнаго просвѣщенія довести до свѣдѣнія государя, что если за отсутствіемъ виновныхъ офицеровъ невозможно дать оскорбленнымъ студентамъ скорое удовлетвореніе, то „Е. И. В. да соизволитъ изъявить обучающимся здѣсь юношамъ высочайшее свое благоволеніе за благочиніе, при семъ случаѣ ими соблюденное.“ Но это ходатайство было отклонено, потому что маркизъ Паулуччи явился защитникомъ русскихъ интересовъ и высказалъ иной взглядъ на университетъ и его порядки. „Я страшусь не безъ причины, — пишетъ онъ военному министру и министру народнаго просвѣщенія, — что въ семъ училищѣ гнѣздится духъ безвѣрія, непокорства и разврата, который изъ нѣмецкихъ университетовъ распространился по всей Германіи... Воспитывающіеся въ немъ оказываютъ презрѣніе къ почтеннѣйшему званію военнослужащихъ, возмущаютъ общественное благочиніе и не повинуются учрежденной закономъ власти.“ Далѣе Паулуччи обращаетъ особое вниманіе на то, что дерптскіе студенты совершенно не знаютъ русскаго языка. „Получивъ предписаніе о высылкѣ въ армію 20 молодыхъ людей, знающихъ русскій и нѣмецкій языки, я думалъ найти ихъ въ числѣ воспитывающихся въ Дерптѣ, но къ крайнему удивленію и огорченію увидѣлъ, что ни одинъ изъ нихъ не знаетъ по-русски и что, хотя положено быть въ университетѣ профессору русскаго языка, но онаго существованіе умѣли сдѣлать совершенно безполезнымъ. Сіе пренебреженіе къ русскому языку не доказываетъ ли желаніе воспитывающихъ сдѣлать учениковъ своихъ совершенно чуждыми Россіи?“

VII. Французы въ Курляндіи.*)

Въ 1812 году Курляндія, подобно Литвѣ и Бѣлоруссіи, была занята непріятелями и находилась въ ихъ владѣніи пять мѣсяцевъ. Но въ Литвѣ и отчасти Бѣлоруссіи нашествіе непріятеля сопровождалось со стороны польско-литовскаго населенія измѣной Россіи и присягой Наполеону. Послѣ объявленія Наполеономъ второй польской войны въ Варшавѣ образовалась генеральная конфедерація польскаго народа (16/28 іюня 1812 г.), имѣвшая цѣлью произвести возстаніе и соединеніе всѣхъ областей, нѣкогда принадлежавшихъ Польшѣ. Литва и Вильно горячо отозвались на воззваніе Варшавы и присоединились къ конфедераціи (2 іюля). Примѣру ихъ послѣдовали другія западныя губерніи: вездѣ возникали временныя правительства и составлялись полки для пополненія арміи Наполеона; подъ предлогомъ спасенія родины населеніе было принуждаемо къ „добровольнымъ пожертвованіямъ“ деньгами и хлѣбомъ. Но гражданское управленіе въ Западномъ краѣ не было достаточно сильно: страна опустошалась мародерами великой арміи, поднимались возстанія крестьянъ, однимъ словомъ, въ тылу Наполеона водворилась анархія. Въ сравненіи съ этимъ Курляндія представляла болѣе отрадное зрѣлище. Эта страна только 16 лѣтъ предъ тѣмъ была присоединена къ Россіи и не успѣла проникнуться національно-русскими интересами; притомъ въ своей прошлой исторіи она привыкла къ частой перемѣнѣ господства. Поэтому въ 1812 году Курляндія отнеслась къ непріятельскому завоеванію совершенно пассивно; но зато она не обнаружила и преданности Наполеону. Во время французскаго господства въ Курляндіи образовалось гражданское управленіе, которое сумѣло при трудныхъ обстоятельствахъ сохранить по-

*) О присоединеніи Курляндіи къ Россіи и объ ея устройствѣ см. выше стр. 3–7. Карта Курляндіи — на стр. 125. Акты и документы, относящіеся къ французскому управленію въ Курляндіи, напечатаны К. Военскимъ въ Сборникѣ Имп. Рус. Истор. Об-ва, т. 133, стр. 1—253 и 447—457 (тамъ же предисловіе издателя, стр. I—XVII). См. также: Eckardt. Franzosen in Kurland. B. M. 1865. Воспоминанія современника барона Ульриха Шлиппенбаха въ его книгѣ: Beiträge zur Geschichte des Krieges zwischen Russland und Frankreich in den Jahren 1812 und 1813. Mitau, 1814. Отрывки изъ этихъ воспоминаній изданы на русскомъ языкѣ подъ названіемъ: „Враги въ Курляндіи“. Митава, 1910.

рядокъ и удержать въ повиновеніи крестьянъ, хотя изъ сосѣдней Литвы посылались приглашенія къ возстанію.

Уже съ начала 1812 года въ Митаву стали приходить извѣстія о враждебныхъ намѣреніяхъ французскаго императора и съ каждымъ днемъ слухи становились все неутѣшительнѣе. Никто не сомнѣвался, что Курляндія первая подвергнется нападенію непріятеля. Между тѣмъ благосостояніе страны было давно подорвано: торговля за послѣдніе три года совсѣмъ пришла въ застой, а вслѣдствіе этого пали земледѣліе и скотоводство; болѣе трети частныхъ имѣній были несостоятельны. Въ виду приближающейся войны никто не хотѣлъ платить долговъ, но всякій старался удержать у себя деньги и запасы въ ожиданіи того, что принесутъ ближайшіе дни.

Но, несмотря на предстоящую опасность, Курляндія приняла участіе въ пожертвованіяхъ на пользу отечества. Еще въ началѣ года движеніе 1-ой западной арміи къ границѣ потребовало доставки провіанта и подводъ. Вскорѣ для образованія продовольственныхъ магазиновъ военный министръ назначилъ (12 апр.) всеобщую поставку провіанта — муки и крупы, по 2 четверика съ каждой ревизской души, а также мяса и водки.*) Часть этихъ запасовъ была сложена въ уѣздные провіантскіе магазины, а часть отвезена въ Ригу. Въ маѣ былъ образованъ подвижной продовольственный магазинъ, для чего потребовалась поставка лошадей, обозной прислуги и подводъ. Кромѣ того выдавалось продовольствіе и фуражъ проходившимъ войскамъ по росписямъ. Всего Курляндская губернія доставила провіанта на сумму 1,109,470 рублей: изъ нихъ впослѣдствіи было уплачено казной 711,973 рубля, а остальные 489,217 рублей составляютъ добровольное пожертвованіе губерніи. Дворянству и жителямъ Курляндіи надо было приложить много усилій, чтобы выполнить всѣ требованія арміи, не задумы-

*) Въ частности было поставлено: 45,149 чт. муки, 4232 чт. крупы и 48,160 мѣшковъ; 800 быковъ и 10 тыс. ведеръ водки; а для подвижного магазина: 638 подводъ, 1330 лошадей, 675 человѣкъ прислуги и 1914 чт. овса. Число поставленныхъ для перевозки провіанта подводъ можно безъ преувеличенія опредѣлить въ 25,000 штукъ; изъ нихъ многія прошли отъ 300 до 500 верстъ. См. записку курляндскаго губернскаго совѣтника Дидерихса. Сб. И. Р. И. О., т. 133, стр. 235—243.

ваясь о своемъ собственномъ существованіи и объ опасности со стороны надвигающагося врага.

Съ объявленіемъ войны началась поспѣшная дѣятельность. Всѣ, кто могли, бѣжали въ Ригу, а отсюда вглубь Лифляндіи и на островъ Эзель. Изъ Литвы черезъ Митаву и изъ Митавы вывозились въ Ригу казенныя деньги и архивы и выѣзжали чиновники. Въ митавскомъ замкѣ хранилось мѣдной монеты на сумму 200 тыс. рублей. Такъ какъ всѣ подводы были заняты на перевозку провіанта, то вызвался митавскій купецъ Данила Калининъ и перевезъ эти деньги по рѣкѣ Аа безплатно, за что впослѣдствіи былъ награжденъ золотой медалью. Изъ Либавы и Виндавы вывезли моремъ артиллерійскія орудія, а чего нельзя было нагрузить на суда, то уничтожали. Приближеніе непріятеля вызвало новыя жертвы со стороны населенія Курляндіи. Изъ уѣздныхъ магазиновъ нужно было перевезти въ Ригу хлѣбъ и другіе запасы, для чего потребовалось много подводъ. Всѣ большія дороги были покрыты подводами, а скопленіе ихъ въ окрестностяхъ Митавы напоминало становище кочующаго народа. Преслѣдуемые по пятамъ непріятелемъ, ѣхали крестьяне съ нагруженными провіантомъ подводами за предѣлы губерніи и только кружнымъ путемъ могли возвратиться на родину. Чтобы отнять у непріятеля средства къ продовольствію и быстрому движенію, наши отступавшія войска, по приказанію военнаго министра,*) угоняли у крестьянъ лошадей и скотъ, ломали телѣги, особенно колеса, выдавая хозяевамъ квитанціи, портили дороги и мосты. Это, конечно, также приносило убытокъ жителямъ.

Наконецъ, среди всеобщаго возбужденія появились непріятели. Послѣ неудачной битвы при Экау (7/19 іюля) генералъ Левизъ приказалъ гражданскому губернатору Курляндіи Фридриху Сиверсу**) вмѣстѣ съ оставшимися войсками покинуть Митаву и выступить въ Ригу. День 8/20 іюля былъ чрезвычайно тревожный для жителей Митавы. Рано утромъ Сиверсъ приказалъ разстрѣлять на другомъ берегу Аа опасныхъ грабителей и убійцъ изъ разсѣянной предъ тѣмъ разбойничьей шайки. Затѣмъ послѣдовало выступленіе правительственныхъ учрежденій и

*) См. стр. 115. — **) См. о Фр. Сиверсѣ стр. 81—91, 114 и 176—184.

войскъ. Сиверсъ послѣдній перешелъ мостъ черезъ Аа и приказалъ разломать его какъ для защиты противъ наступающаго непріятеля, такъ и для того, чтобы не могли возвратиться въ городъ мародеры. На всѣхъ улицахъ города были расклеены печатныя прощальныя воззванія губернатора. Въ одномъ, обращенномъ къ жителямъ, Сиверсъ писалъ: „Доброму городу Митавѣ и странѣ объявляю мою глубокую благодарность за проявленную вѣрность и преданность своему великому государю и повелителю.“ Въ другомъ онъ обращался къ приближавшемуся врагу со слѣдующими словами: „Уступить превосходной силѣ повелѣваетъ разумъ, щадить городъ и страну — человѣколюбіе. Послѣднее ожидаетъ отъ цивилизованнаго непріятеля Фридрихъ Сиверсъ, губернаторъ.“ По словамъ современника, эти краткія, но многозначительныя слова любимаго губернатора являлись какъ бы памятью отсутствующаго друга; они вездѣ тщательно сохранялись, а въ нѣкоторыхъ домахъ стояли въ позолоченныхъ рамкахъ. Такимъ образомъ Сиверсъ не исполнилъ даннаго ему повелѣнія относительно сожженія Митавы, „онъ осмѣлился, — какъ говоритъ его біографъ, — на свою отвѣтственность сохранить Митаву и благородный человѣколюбивый монархъ высказалъ ему свое величайшее удовольствіе.“*)

Итакъ, Митава была покинута русскими властями и предоставлена непріятелю. Но, прежде чѣмъ онъ появился, жителямъ Митавы пришлось бороться съ внутреннимъ врагомъ, который обыкновенно появляется тамъ, гдѣ разрываются узы закона и порядка. Сосѣдніе крестьяне-латыши и городскіе бѣдняки рѣшили воспользоваться отсутствіемъ властей, чтобы возстать противъ господствующихъ нѣмецкихъ классовъ. Такъ какъ въ городѣ были собраны большіе запасы муки и хлѣба, то крестьяне проникли въ городъ и, соединившись съ городскими бѣдня-

*) Зонтагъ въ Ostseeprovinzenblatt, 1824. S. 12. Граве также пишетъ: „Говорятъ, Сиверсъ имѣлъ приказаніе зажечь Митаву, если оставитъ ее; но онъ не сдѣлалъ этого. И къ чему повергать въ нищету тысячи людей?... Вѣдь непріятель найдетъ жилища въ бивакахъ и другихъ мѣстахъ страны; нельзя же все превратить въ пожарище. Конечно, государь благодаритъ мужественнаго Сиверса за нарушеніе приказанія гораздо сердечнѣе, чѣмъ благодарилъ бы за его исполненіе.“ Skizzen. S. 32—33.

ками, силой овладѣли провіантскими магазинами и начали грабить жителей. Между нападавшими и городскими бюргерами началась драка, которая стала принимать угрожающій характеръ и могла распространиться дальше. Но поздно вечеромъ вошли въ городъ двѣ роты прусской пѣхоты подъ командой полковника Раумера, который тотчасъ распорядился разсѣять грабителей и возстановить порядокъ и спокойствіе, — „къ великой досадѣ буйствовавшей и грабившей толпы латышей, которые вмѣсто прежнихъ нѣмецкихъ господъ снова видѣли въ пруссакахъ говорящихъ по-нѣмецки враговъ.“ (Экардтъ) Это обстоятельство повліяло на настроеніе городскаго населенія и помѣщиковъ, которые въ начавшемся народномъ движеніи стали видѣть угрозу своему господству. Представители ихъ обратились за содѣйствіемъ къ прусскимъ военнымъ властямъ. И вотъ 13/25 іюля на улицахъ Митавы появилась прокламація отъ имени командующаго прусскимъ корпусомъ генерала Граверта слѣдующаго содержанія: „Среди сельскихъ жителей здѣшней провинціи стало распространяться ложное мнѣніе, будто бы наступившее военное положеніе и присутствіе прусскихъ войскъ должно избавить поселянъ отъ обязанностей по отношенію къ ихъ помѣщикамъ. Чтобы опровергнуть это ложное мнѣніе, я симъ объявляю, что впредь до высшаго приказанія не предполагается никакой перемѣны какъ въ устройствѣ означенной провинціи, такъ и въ отношеніяхъ между господами и подчиненными, и что прусскій корпусъ не только не нарушитъ таковыя, а напротивъ, будетъ энергично поддерживать эти отношенія, а равно и порядокъ, и строго наказывать всякаго, позволяющаго себѣ ихъ нарушеніе.“ Такимъ образомъ появленіе непріятелей въ Курляндіи явилось залогомъ сохраненія порядка и законности и потому было встрѣчено сочувственно господствующимъ нѣмецкимъ населеніемъ. Прусскій офицеръ Гартвихъ, стоявшій нѣкоторое время въ Либавѣ, пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Мы были приняты съ радостью, особенно дамы старались выразить намъ свою благодарность за пощаду города.“ Далѣе, онъ разсказываетъ, что прусскіе офицеры проводили время весело, бывали въ лучшемъ обществѣ и пользовались успѣхомъ у дамъ. Послѣ этого вполнѣ естественно, что непріятели нигдѣ не

встрѣтили сопротивленія. Въ виду національнаго различія между отдѣльными классами населенія не могло быть рѣчи о народномъ движеніи и о партизанской войнѣ.*) Но, съ другой стороны, курляндцы не обнаружили никакой привязанности къ Наполеону, даже во время его видимаго успѣха. Никто не присягнулъ непріятелю и не вступилъ въ ряды его арміи. Въ церквахъ во время богослуженія, несмотря на угрозы французовъ, молились за русскаго императора.

Въ первое время иноземное господство въ Курляндіи было мало замѣтно. Русскій государственный гербъ красовался на всѣхъ казенныхъ зданіяхъ. Во всѣхъ частяхъ Курляндіи сохранились прежнія присутственныя мѣста и прежніе чиновники. Въ судебныхъ учрежденіяхъ судъ производился по указу Его Величества самодержца всероссійскаго Александра I. Но высшая власть перешла въ руки прусскихъ военныхъ властей. Главнымъ начальникомъ явился генералъ Гравертъ, командовавшій прусскимъ вспомогательнымъ корпусомъ. А такъ какъ прусскія войска размѣстились по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ, то вездѣ появились прусскіе коменданты, которые имѣли и гражданскую власть. Комендантомъ города Митавы былъ назначенъ маіоръ Ботъ: здѣсь же образовалось королевско-прусское комендантское управленіе. Оба издавали распоряженія полицейскаго и военно-административнаго характера, напр., о курсѣ прусской монеты, объ обязанностяхъ полиціи, о паспортахъ и пр. Но особенную заботу прусскаго военнаго начальства составляло размѣщеніе и содержаніе войскъ 40-тысячнаго корпуса, которое легло тяже-

*) Записка курляндскаго губернскаго совѣтника Дидерихса приводитъ слѣдующіе патріотическіе подвиги (впрочемъ, нетуземнаго населенія). Баронъ Будбергъ у Вейссензее при вступленіи непріятеля вооружилъ своихъ людей и разсѣялъ шайку мародеровъ, напавшихъ на его имѣніе. Это дѣло осталось неразслѣдованнымъ непріятельскими властями и не имѣло для барона никакихъ послѣдствій. Уроженецъ Якобштадта Петрушка Булгакъ, 50 лѣтъ отъ роду, по незаконному приговору непріятельскаго военнаго суда, принялъ смерть за вѣрность и преданность своему отечеству. Въ Митавѣ купеческій старшина Германъ Бой скрылъ отъ зоркихъ глазъ врага накопившіяся деньги по питейно-акцизному сбору въ количествѣ 10 тыс. рублей и представилъ ихъ впослѣдствіи въ государственную казну, за что былъ награжденъ медалью. Сб. И. Р. И. О., т. 133, стр. 245—247.

лымъ бременемъ на населеніе маленькой Курляндіи. Жители Митавы и другихъ городовъ были обязаны давать квартиры солдатамъ и офицерамъ и прокармливать ихъ. Съѣстные припасы и разныя вещи добывались путемъ реквизиціи, т. е., принудительнаго взиманія съ населенія необходимыхъ предметовъ за вознагражденіе, а иногда и безъ вознагражденія. Подобныя мѣры должны были приводить къ взаимнымъ столкновеніямъ и пререканіямъ между жителями и воинскими чинами, расквартированными въ ихъ домахъ. И вотъ, для избѣжанія такихъ пререканій, на другой день послѣ прихода пруссаковъ, по приказу полковника Раумера, былъ учрежденъ въ Митавѣ особый „гражданскій комитетъ по исполненію военныхъ реквизицій", который составился изъ представителей мѣстныхъ сословій и долженъ былъ заботиться какъ о поддержаніи порядка, такъ и о быстромъ удовлетвореніи потребностей войскъ и справедливомъ распредѣленіи требуемыхъ припасовъ среди населенія.*) Гражданскій комитетъ много содѣйствовалъ облегченію населенія и смягченію бѣдствій войны, такъ что прусское правленіе не казалось столь тяжелымъ. Для равномѣрнаго распредѣленія военнаго постоя гражданскій комитетъ (11/23 іюля) издалъ постановленіе, чтобы повинность помѣщенія и продовольствованія прибывающихъ войскъ несли не только домовладѣльцы, но и квартиронаниматели всякаго званія: первые должны были дать помѣщеніе, не стѣсняя произвольно своихъ квартирантовъ, а вторые — дѣлать денежные взносы на продовольствіе солдатъ. Такъ какъ припасы стоили дорого и трудно было достать ихъ, то комендантъ Ботъ распорядился (1/13 августа), чтобы всѣ войска получали продовольствіе изъ провіантскихъ магазиновъ, а лица, несшія квартирную повинность, выдавали солдатамъ стоимость жизненныхъ припасовъ, полученныхъ изъ магазиновъ.

Это промежуточное военно-прусское управленіе продолжалось немного болѣе недѣли и было замѣнено фран-

---

*) Въ составъ этого комитета вошли: со стороны дворянства — капитанъ фонъ-Франкъ и дворянскій казначей Штемпель; со стороны городского сословія — адвокаты Менхъ и Грюцмахеръ, ассессоръ городского магистрата Шарпантье, купецъ Гаффербергъ и городскіе эльтерманы Классонъ и Рорбахъ.

цузскимъ. 1 августа новаго стиля былъ обнародованъ первый указъ подъ громкимъ титуломъ „его величества Наполеона, императора французовъ, короля Италіи, протектора рейнскаго союза, медіатора швейцарскихъ кантоновъ и пр. и пр. и пр.“ Указъ былъ напечатанъ на французскомъ, нѣмецкомъ и латышскомъ языкахъ и прочитанъ въ церквахъ пасторами для всеобщаго свѣдѣнія. Въ этомъ указѣ объявлялось, что вслѣдствіе „оккупаціи провинціи Курляндіи и Пильтена королевско-прусскимъ корпусомъ, составляющимъ часть великой императорско-французской арміи“, — прежнее русское губернское правленіе упраздняется, а для гражданскаго управленія провинціей назначаются два французскихъ интенданта — аудиторы (т. е. члены) государственнаго совѣта е. в. Наполеона, гг. Юлій де-Шамбодуэнъ и Карлъ де-Монтиньи. При этомъ Курляндія была раздѣлена на два интендантства: Верхнюю Курляндію, состоявшую изъ округовъ (оберъ-гауптманствъ) Митавы и Зельбурга (Якобштадта) съ интендантомъ де-Шамбодуэномъ и Нижнюю Курляндію изъ округовъ Гольдингена, Туккума и Пильтена съ интендантомъ де-Монтиньи.*) Въ рукахъ этихъ интендантовъ была сосредоточена главная власть и они издавали всѣ указы и распоряженія отъ имени императора французовъ Наполеона, „по приказанію генералъ-интенданта великой арміи графа Матье Дюма и въ силу распоряженій маршала Макдональда, герцога Тарентскаго“. Позднѣе (8 окт. н. с.) распоряженіемъ маршала Макдональда былъ еще назначенъ для Курляндіи военный и гражданскій генералъ-губернаторъ, именно, французскій дивизіонный генералъ Кампредонъ, который поселился въ Митавѣ и пріобрѣлъ на своей должности славу снисходительности и сердечной доброты. Роль властей играли также назначенные 26 августа французскіе консулы въ Курляндіи или „коммиссары по торговымъ дѣламъ“.**) Итакъ, въ Курляндіи были слѣдующіе новые французскіе и прусскіе правители:

*) См. административное дѣленіе Курляндіи на картѣ, стр. 125.

**) Въ Митавѣ — аудиторъ государственнаго совѣта г. Прево, въ Либавѣ — де-Жассо и въ Виндавѣ — Тушъ-Молленъ. При этомъ было объявлено во всеобщее свѣдѣніе, чтобы „всѣ жители и должностныя лица во всѣхъ подвѣдомственныхъ дѣлахъ оказывали этимъ императорско-французскимъ чиновникамъ должное уваженіе и законное содѣйствіе“. Сб. И. Р. И. О., т. 133, стр. 47.

командиръ X корпуса маршалъ Макдональдъ, генералъ-губернаторъ Кампредонъ, интенданты Верхней и Нижней Курляндіи Шамбодуэнъ и Монтиньи, французскіе консулы, митавскій комендантъ Ботъ; сверхъ того, при распространеніи французскихъ и прусскихъ войскъ по всей Курляндіи, появились новые властители въ различныхъ городахъ и имѣніяхъ, которыми являлись начальники различныхъ отрядовъ войскъ, комиссары, ординаторы (т. е. завѣдующіе войсковымъ хозяйствомъ) и отдѣльные офицеры. Всѣ они издавали указы и распоряженія, грозили наказаніями, арестами и разстрѣляніемъ.

Кромѣ означенныхъ французскихъ и прусскихъ властей тѣмъ же указомъ 1 августа учреждалось изъ мѣстныхъ курляндскихъ чиновниковъ „Областное Правленіе герцогства Курляндскаго и Семигальскаго и Пильтенскаго округа“ (Landesregierung des Herzogthums Kurland und Semgallen und des Piltenschen Districts). Тутъ же было приложено первое постановленіе французскихъ интендантовъ (arrêtè), коимъ назначались члены новаго областного правленія, именно: предсѣдателемъ былъ назначенъ графъ Карлъ Медемъ, братъ послѣдней герцогини Курляндской; совѣтниками — совѣтникъ казенной палаты Эрнстъ Шеппингъ и судебный совѣтникъ фонъ-Ридигеръ, ассессоромъ — добленскій ассессоръ Гольтей и секретаремъ — секретарь губернскаго правленія Шульцъ. Бывшій оберъ-гауптманъ Георгъ фонъ-Энгельгардтъ назначенъ былъ прокуроромъ областного правленія, а бывшій фискалъ Конради — сохраненъ въ прежней должности. Русская канцелярія упразднялась, а всѣ чиновники нѣмецкой канцеляріи сохраняли свои прежнія должности. Областнымъ правленіемъ 1-го же августа было обнародовано составленное интендантами „Органическое Положеніе“ для провинцій Курляндіи и Семигаліи. Главные пункты его слѣдующіе: „Мѣстности, образующія провинціи Курляндію и Семигалію, будутъ управляемы именемъ е. в. императора Наполеона. Въ виду сего всѣ внѣшніе знаки, какъ-то: печати и гербы иностранной державы (т. е. Россіи), существующіе нынѣ въ провинціи, будутъ уничтожены и замѣнены печатями и гербами е. в. Наполеона (ст. 2). Всѣ находящіяся въ провинціяхъ Курляндіи и Семигаліи долж-

ностныя лица и учрежденія сохраняютъ присвоенныя ими названія и подлежащую дѣятельность, исключая указанныхъ измѣненій (ст. 3). Администрація, гражданскій и уголовный судъ дѣйствуютъ именемъ е. в. императора Наполеона, и всѣ публичные акты и указы должны быть озаглавлены обычной формулой и титуломъ императора (ст. 5).“ О дѣятельности областного правленія сказано, что оно „сохраняетъ прежнія функціи“ (т. е. губернскаго правленія). „Ему кромѣ того будетъ вмѣнено въ обязанность распредѣленіе податей и реквизицій въ герцогствѣ Курляндіи, Семигаліи и Пильтенѣ“ (ст. 4).

Что многіе курляндцы, прежніе русскіе чиновники, стали служить Наполеону, — это объясняется не измѣной, не привязанностью къ французской власти, а любовью къ своей родинѣ, желаніемъ защитить ее отъ притѣсненій непріятелей. Современникъ (Шлиппенбахъ) такъ говоритъ о новомъ предсѣдателѣ областнаго правленія: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что графъ Медемъ рѣшился на принятіе этой должности изъ одной любви къ отечеству, изъ желанія быть ему полезнымъ въ теченіе тяжкаго сего времени; не менѣе достовѣрно и то, что во все время отправленія сей должности онъ употреблялъ всѣ свои силы къ облегченію для губерніи ежедневно возрастающаго бремени, ее угнетавшаго. Съ рѣшительностью и рвеніемъ графъ заботился о сохраненіи собственности жителей Курляндіи и только одна невозможность достигнуть благонамѣренной своей цѣли заставила его сложить съ себя должность, которую занялъ интендантъ Верхней Курляндіи де-Шамбодуэнъ.“ Кромѣ того французскія власти не стѣснялись при наборѣ штата новаго гражданскаго управленія и въ случаѣ отказа прибѣгали къ строгимъ мѣрамъ и угрозамъ. До насъ сохранилось письмо интенданта Шамбодуэна къ совѣтнику казенной палаты Шеппингу, когда тотъ медлилъ отвѣтомъ на предложеніе занять должность въ новомъ областномъ правленіи: „М. г., я узналъ, что вы состояли членомъ русской продовольственной комиссіи. Приглашаю васъ принять должность члена областного правленія, которую я вамъ уже однажды предлагалъ. Не думайте объ отказѣ. Я имѣю въ рукахъ власть, которой рѣшился воспользоваться и строго нака-

зать дальнѣйшій отказъ.“ Прекрасно изображаетъ причины, побудившія курляндцевъ служить Наполеону, прокуроръ областного правленія Энгельгардтъ въ своей запискѣ, представленной правленію при отказѣ отъ должности (8 декабря 1812 года): „Собственное сознаніе и мнѣніе всего свѣта не откажутъ курляндцамъ въ свидѣтельствѣ, что они никогда не колебались въ вѣрности своему монарху и не сдѣлали никакой попытки къ облегченіе своего ига путемъ малѣйшаго уклоненія отъ правилъ вѣрнопреданности. Только для того, чтобы сдѣлаться полезными своему злополучному отечеству и избѣжать военнаго управленія, они поступили на службу, которая всегда трудна, а въ военное время связана съ опасностями и съ тысячей непріятностей, которыя въ избыткѣ приходилось испытывать служащимъ. Непріятель всегда находитъ средства пользоваться для себя доходами страны, существуютъ ли гражданскія власти или нѣтъ. Если непріятель не получаетъ добромъ того, что онъ требуетъ, онъ беретъ самъ и разоряетъ все, что только можетъ захватить. Было учреждено временное правленіе и тѣмъ не менѣе, при малѣйшей задержкѣ въ поставкахъ, нѣсколько имѣній были лишены войсками всѣхъ запасовъ. Во что превратиласъ бы провинція, если бы не существовало правленія! Принужденіе, насиліе, а съ другой стороны чистое понятіе о долгѣ вѣрноподданныхъ, желаніе сохранить повелителю сохранимое, спасти отечеству все, что можно было спасти, — вотъ причины, побудившія курляндцевъ принести себя въ жертву службѣ и не бояться несчастія, несправедливыхъ сужденій и даже клеветы тамъ, гдѣ священный долгъ повелѣваетъ жертвовать личными интересами на пользу общаго блага.“

Французское управленіе въ Курляндіи не имѣло цѣлью произвести какія-либо реформы или перемѣны въ общественной жизни; напротивъ, французы избѣгали какой-либо существенной ломки, чтобы не возбудить недовольства среди господствующаго нѣмецкаго дворянства. Если въ Литвѣ и Польшѣ раздавались громкія фразы о возстановленіи польскаго королевства, то здѣсь въ Курляндіи нужно было показать нѣмцамъ, что ихъ права сохранятся въ неприкосновенности. Для французовъ важны были не ре-

формы, а обезпеченіе продовольствія французской арміи путемъ реквизицій и собираніе денегъ посредствомъ военной контрибуціи. Однимъ словомъ, здѣсь было то же, что высказалъ маршалъ Даву представителямъ администраціи въ Минскѣ: „Господа, императоръ Наполеонъ требуетъ отъ васъ трехъ вещей: денегъ, денегъ и денегъ.“ Для собиранія же денегъ нужно было поскорѣе установить порядокъ въ странѣ, пользуясь мѣстными опытными людьми; съ этой цѣлью и было организовано областное правленіе, которое должно было проводить въ жизнь распоряженія французскихъ властей. Областное правленіе издало до 50 указовъ и распоряженій, которыя имѣли своимъ предметомъ организацію финансоваго управленія. По распоряженію интендантовъ былъ сохраненъ прежній порядокъ взиманія государственныхъ доходовъ и оставлена казенная палата для завѣдыванія этимъ дѣломъ. Такъ какъ русскія войска вывезли всѣ архивы и документы, то казенной палатѣ было предписано принять мѣры къ возстановленію вѣдомостей и документовъ о положеніи плательщиковъ, а также къ взысканію недоимокъ въ казну императора Наполеона. Арендныя статьи съ казенныхъ имѣній должны были собираться по прежнему. Пошлины и гербовый сборъ продолжали взиматься, и скоро была выпущена французская гербовая бумага. Единственная перемѣна заключалась въ томъ, что теперь всѣ платежи требовалось вносить не ассигнаціями, а звонкой монетой. Казенная палата должна была ежемѣсячно представлять интендантамъ подробную отчетность о всѣхъ поступившихъ въ казначейство суммахъ. Чтобы имѣть свѣдѣнія о плательщикахъ, казенная палата предписала всѣмъ помѣщикамъ и арендаторамъ представить отчеты о состояніи имѣній. Казенныя имѣнія обязаны были представить въ казенную палату для провѣрки инвентари со смѣтой въ подлинникахъ, а также имѣющіяся на рукахъ казначейскія квитанціи въ уплатѣ арендныхъ денегъ.

Военная оккупація налагала на жителей Курляндіи разныя ограниченія и стѣсненія. Военная безопасность требовала, чтобы въ завоеванной странѣ никто не носилъ огнестрѣльнаго оружія. Между тѣмъ охота была весьма распространена въ Курляндіи; она служила любимымъ

развлеченіемъ среди житейскаго однообразія и приносила нѣкоторый доходъ. Прусскіе военные начальники безпрепятственно давали разрѣшенія на охоту. Но французы наложили ограниченіе на это удовольствіе и сдѣлали его источникомъ доходовъ. По постановленію маршала Макдональда (отъ 11 сент. н. с.), всѣмъ жителямъ Курляндіи безъ особаго разрѣшенія воспрещались ношеніе оружія и охота подъ страхомъ большого денежнаго штрафа или тюремнаго заключенія. Разрѣшенія выдавались генералъ-губернаторомъ и генералами X корпуса, за что взималась особая плата въ 30 франковъ.

Обычные доходы и подати не могли удовлетворить всѣхъ нуждъ непріятельской арміи. И вотъ 4 сентября н. с. областнымъ правленіемъ былъ обнародованъ указъ „его величества императора и короля“ о наложеніи на Курляндію военной контрибуціи, т. е. чрезвычайнаго налога, въ 2 милліона франковъ или рублей ассигнаціями, съ тѣмъ чтобы четвертая часть этой контрибуціи была собрана неминуемо (unausbleiblich) къ 15 сентября, а вся сумма къ концу мѣсяца. *) Областное правленіе произвело подробное вычисленіе, сколько каждому уѣзду и каждому мѣстечку и городу слѣдуетъ внести въ уплату военной контрибуціи. Гауптманскіе суды (полицейскіе органы) въ уѣздахъ и магистраты въ городахъ должны были распредѣлить установленныя суммы между отдѣльными помѣщиками и городскими собственниками. Контрибуцію велѣно было вносить ассигнаціями или наличными деньгами по курсу, а если не было денегъ, то принималось золото и серебро въ обработанномъ видѣ. Въ указѣ 4 сентября не упоминалось о государственныхъ крестьянахъ и его сначала истолковали такъ, что арендаторы казенныхъ имѣній освобождаются отъ уплаты контрибуціи, но противъ этого возражали многіе помѣщики и члены областного правленія. Поэтому 27-го сентября былъ изданъ маршаломъ Макдональдомъ дополнительный указъ о томъ, что „государ-

*) Сб. И. Р. И. О., т. 133, стр. 55. Послѣдующимъ указомъ (15 окт н. с.) вторая уплата четвертой доли отсрочивалась до 5 окт., третья — до 20 окт., а четвертая четверть должна была уплачиваться въ пяти равныхъ частяхъ по недѣлямъ, начиная съ 28 окт. Значитъ, вся контрибуція должна была быть внесена къ 25 ноября н. с. Тамъ же, стр. 93

ственные крестьяне должны уплачивать свою долю изъ общей военной контрибуціи" и что „военныя повинности распространяются на казенныя имѣнія и уплачиваются арендаторами и крестьянами." Въ защиту государственныхъ крестьянъ и казенныхъ арендаторовъ смѣло возсталъ прокуроръ областного правленія Энгельгардтъ, благородная личность котораго ярко выступаетъ въ эту эпоху всеобщей растерянности и малодушія. Онъ представилъ областному правленію записку, въ которой критиковалъ дѣйствія французскихъ властей и указывалъ на нарушеніе ими арендныхъ законовъ. По мѣстнымъ законамъ арендаторъ уплачиваетъ опредѣленную аренду, но зато долженъ имѣть возможность извлекать изъ имѣнія возможную пользу. Владѣлецъ имѣнія обязанъ вознаграждать арендатора за всѣ убытки, понесенные имъ въ силу причинъ, отъ него независящихъ, напр., наводненія или нашествія непріятеля. Слѣдовательно, военныя тягости падаютъ не на арендаторовъ, а на владѣльцевъ, т. е. относительно казенныхъ имѣній — на казну. „Русское правительство, писалъ Энгельгардтъ, свято соблюдало эти законы и договоры и никогда не брало съ казенныхъ имѣній ни хлѣба, ни фуража иначе, какъ въ зачетъ аренды. Если арендаторы будутъ принуждены давать реквизицію безвозмездно и платить аренду, то они окажутся вынужденными покинуть имѣнія." Соображенія Энгельгардта, конечно, не убѣдили интендантовъ, и государственные крестьяне должны были также вносить контрибуцію.

Собираніе контрибуціи происходило очень медленно. Прекращеніе торговли истощило денежные запасы еще предъ вступленіемъ непріятеля. Но во многихъ домахъ оставались серебряные приборы, памятники прошедшаго благосостоянія; у дамъ были брилліантовые перстни и ожерелья. Все это пошло въ уплату контрибуціи. Современникъ разсказываетъ, что въ Митавѣ видѣли цѣлыя подводы съ золотыми и серебряными вещами. При этомъ для сбереженія мѣста изящныя вещи были насыпаны въ мѣшки и топтались ногами. „Подлинно, послѣднее серебро было отдано и въ самыхъ зажиточныхъ домахъ были принуждены употреблять деревянныя ложки." Однако къ 15 сентября требуемая часть контрибуціи не поступила и на половину.

Тогда областное правленіе указомъ 18 сентября приказало гауптманскимъ судамъ и магистратамъ выбрать изъ богатыхъ людей заложниковъ, въ уѣздахъ — по 10 человѣкъ, а въ городахъ — по 5-ти, и объявить имъ, что они должны нести отвѣтственность за уплату требуемыхъ суммъ. Если сумма не будетъ внесена, то выбранныя богатыя лица обязаны по раскладкѣ уплатить за все населеніе требуемый авансъ, который возвращается по мѣрѣ поступленія контрибуціи. Въ противномъ случаѣ они будутъ отправлены въ крѣпость Вейксельмюнде (около Данцига) въ видѣ заложниковъ. За недоимки въ частныхъ и казенныхъ имѣніяхъ было приказано подвергать военному постою дворы сельскихъ старостъ, какъ представителей общины, при чемъ они должны давать каждому солдату кромѣ прокорма ежедневно по два гульдена, до тѣхъ поръ пока не уплатятъ полностью недоимки. Все-таки въ ноябрѣ мѣсяцѣ не была собрана вся контрибуція и оставалась значительная недоимка въ 800 тысячъ рублей. Такъ какъ отвѣтственными за взносъ контрибуціи въ силу указа 27 сентября являлись всѣ крупные собственники, помѣщики и купцы, то изданъ былъ 22 ноября указъ, чтобы „каждый намѣченный поручитель внесъ причитающійся ему взносъ въ четыре срока до 30 декабря; кто не внесетъ эту четверть въ срокъ, тотчасъ отправляется въ Вейксельмюнде въ качествѣ заложника; всѣ поручители должны собраться для совмѣстнаго обсужденія объ уплатѣ ихъ доли и для изысканія средствъ, по ихъ мнѣнію, наиболѣе цѣлесообразныхъ.“ Но оказалось, что недоимку собрать было очень трудно, такъ какъ всѣ средства страны истощились. Поручители придумывали всевозможныя мѣры. Такъ, комитетъ поручителей предложилъ принудительный заемъ, т. е. хотѣлъ привлечь къ уплатѣ кромѣ поручителей еще разныхъ состоятельныхъ лицъ. Областное правленіе проектировало для уплаты недоимки ввести подоходный налогъ (около 10%) со всѣхъ лицъ: съ чиновниковъ, ученыхъ, винокуровъ, мельниковъ, съ наемныхъ квартиръ и пр. Контрибуція тяжело ложилась на населеніе Курляндіи, особенно на состоятельные классы. По словамъ современника, богатые люди сдѣлались жертвами французской жадности. Помѣщики принуждены были уплатить контрибуцію

за своихъ крестьянъ (свыше 10 рублей съ ревизской души). Зажиточныхъ людей обложили произвольными налогами; исчезло всякое понятіе о собственности и личной неприкосновенности. За отказъ отъ платежей они подвергались аресту и отправлялись въ Вейксельмюнде, а имущество продавалось съ публичнаго торга. „Печаль и слезы полились тогда въ богатѣйшихъ домахъ, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ господствовало еще благосостояніе.“ (Шлиппенбахъ) Но всѣ средства были безуспѣшны: недоимка контрибуціи (800 тысячъ рублей) такъ и осталась несобранной до конца французскаго господства въ Курляндіи.

Тяжелѣе, чѣмъ денежные сборы, было для населенія содержаніе непріятельской арміи: требовалось большое количества хлѣба и фуража, лошадей и подводъ съ проводниками, рабочихъ и разныхъ мастеровъ для производства крѣпостныхъ и другихъ работъ и пр. Нужно отдать справедливость французскимъ властямъ, что они старались облегчить военное бремя. По словамъ современника, „маршалъ Макдональдъ употреблялъ всѣ силы къ сохраненію правъ человѣчества и правосудія“. Также „генералъ Кампредонъ и интендантъ де-Монтиньи поступали часто, какъ люди правдивые и чувствительные; неоднократно отвергали они низкіе доносы; не разъ смягчали они самыя страданія, гдѣ только было возможно“. Не хвалитъ современникъ Шамбодуэна, который „превосходилъ самыя приказанія маршала“, напр., произвелъ однажды „ночное насильственное похищеніе всѣхъ годныхъ лошадей“. Чтобы облегчить тягости повинностей, была образована дворянская комиссія о поставкахъ. На мѣстахъ назначались депутаты отъ дворянства, которые должны были присутствовать „при производствѣ главныхъ поставокъ для соблюденія интересовъ страны и повѣрки самыхъ поставокъ; безъ подписи означенныхъ депутатовъ никакой пріемъ со стороны военныхъ комиссаровъ не могъ имѣть полнаго значенія“. Приказомъ 10 ноября н. с. маршалъ Макдональдъ строжайше запретилъ насильственное отнятіе и реквизицію всѣхъ жизненныхъ припасовъ, лошадей и телѣгъ и пр. подъ страхомъ ареста и преданію военному суду. „Всѣ телѣги и лошади, противозаконно отнятыя въ деревняхъ,

должны быть немедленно возвращены, а если хозяева покинули ихъ — представлены мѣстнымъ властямъ.“ Тягости населенія увеличивались оттого, что солдаты продавали выданную имъ военнымъ управленіемъ провизію, а затѣмъ требовали отъ квартирныхъ хозяевъ дневное пропитаніе. Также офицеры и чиновники требовали себѣ фуража на лошадей, которыхъ не было, или на большее число лошадей. Это происходило оттого, что непріятельскія войска не получали жалованья и хотѣли добыть деньги. Но маршалъ 8 ноября строжайше запретилъ подобныя злоупотребленія. Равнымъ образомъ и жителямъ было запрещено подъ угрозой штрафа въ 50 франковъ покупать у солдатъ или офицеровъ ихъ пайки или фуражъ.

Но, несмотря на эти заботы, страданія жителей были велики. Современникъ описываетъ ихъ такъ: „Требованія всякаго рода припасовъ были непомѣрны. Въ особенности же нѣкоторые съѣстные припасы, какъ то: масло коровье, уксусъ, копченое и свѣжее мясо, — требовались въ такомъ количествѣ, въ какомъ почти невозможно было доставить ихъ. Сѣнокосы и вскорѣ послѣдовавшія за ними жатвы уже начинались, почему и возможно было бы удовлетворить требованія сѣна и муки; но всѣ годные люди были употреблены на перевозку провіанта и фуража въ Митаву, а оттуда въ прусскіе лагери; сверхъ же того тысячи поселянъ должны были работать у мостовыхъ прикрытій и шанцовъ, которые строились въ Ценгофѣ и Митавѣ... Ихъ заставляли безсмѣнно работать въ теченіе 4 или 8 недѣль... Многіе умерли отъ изнуренія силъ работой и худой пищи... Въ лагеряхъ должны были стоять въ готовности повозки. Цѣлыя тысячи ихъ употреблялись для перевозки артиллеріи (назначенной для осады Риги), углей, дровъ и т. д. Множество лошадей пропадало, особенно когда проводники изъ страха побоевъ оставляли ихъ. Курляндія лишилась значительнаго количества рабочихъ. Во всѣхъ имѣніяхъ множество луговъ оставались нескошенными, сѣно не могло быть въ надлежащее время убрано... Также и посѣвъ во многихъ мѣстахъ, за недостаткомъ и изнуреніемъ лошадей, не могъ быть произведенъ настоящимъ образомъ. Каждый день приближалъ съ собою разореніе даже тѣхъ имѣній, которыя лежали въ

самомъ отдаленномъ разстояніи отъ театра войны.“ Несмотря на всѣ старанія поддержать дисциплину, непріятельскія войска часто занимались грабежомъ господскихъ и крестьянскихъ дворовъ. „Въ окрестностяхъ лагерей обыкновенно сдирали съ домовъ крыши и выставляли окна для бивуаковъ; употребляли для подстилки лошадямъ немолоченный хлѣбъ; сожигали по неосторожности цѣлыя строенія.“ „Съ наступленіемъ глубокой осени потребовано было отъ обывателей курляндскихъ около 30 тысячъ шубъ и овчинъ для шапочныхъ околковъ, но одна только часть сего требованія была удовлетворена... Всѣ крестьяне должны были отдавать свои шубы, оставаясь сами на произволъ бурь и морозовъ; сверхъ же того еще за этихъ одѣтыхъ въ ихъ шубы солдатъ они должны были копать шанцы, дѣлать телѣги, привозить и ставить палисады. Третья часть согнаннаго къ лагерямъ и магазинамъ скота пала еще дорогой отъ холода, непогоды и трудностей пути; другая треть его отъ недостатка въ пищѣ и присмотрѣ исчезла у самыхъ магазиновъ. Въ случаѣ какого-либо недостатка посылались реквизиціи въ ближайшія имѣнія, которыя такимъ образомъ совершенно лишились хлѣба и скота.“ *)

Такимъ образомъ Курляндія въ 1812 году понесла большія жертвы. Города и села были опустошены; особенно пострадали Фридрихштадтъ, Экау и Руэнталь. Фридрихштадтъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, онъ занимался то французскими, то русскими войсками, и каждая сторона распоряжалась въ городѣ, какъ требовали обстоятельства. Экау перенесъ многія большія битвы, и до сихъ поръ можно видѣть въ древнѣйшихъ зданіяхъ пушечныя ядра, которыя вдѣланы въ стѣны какъ знаки воспоминаній. Наконецъ, Руэнталь, эта старая резиденція курляндскихъ герцоговъ, сдѣлался мѣстопребываніемъ прусскихъ осадныхъ орудій и сборнымъ пунктомъ непріятельскихъ войскъ. Прекрасный замокъ, построенный древними герцогами Курляндіи и очень похожій на митавскій, былъ превращенъ въ казармы. Библіотека въ 10 тысячъ томовъ была отдана въ грубыя руки солдатъ, и не осталось ни одной неповрежденной книги.

*) „Враги въ Курляндіи“. Митава. 1910. Стр. 19, 23 и 25.

Тяжело было пятимѣсячное иго для жителей Курляндской губерніи. Непосильная поставка предметовъ продовольствія, наложеніе контрибуціи, расквартированіе войскъ, — все это было такимъ гнетомъ, который довелъ бы губернію до полнаго обнищанія, если бы эти требованія не смягчались дѣйствіями гражданскихъ властей и если бы непріятельское господство продолжалось болѣе пяти мѣсяцевъ. Сколько губернія потратила за все это время въ видѣ контрибуціи и разнаго рода реквизицій, а при отступленіи врага потеряла лошадьми, скотомъ и разнымъ имуществомъ,— можно оцѣнить приблизительно вѣрной суммой въ семь милліоновъ рублей. Такое истощеніе внутреннихъ силъ нанесло ударъ прежнему благосостоянію городскихъ и сельскихъ жителей и способствовало обѣднѣнію многихъ состоятельныхъ семействъ, что было замѣтно многія десятилѣтія послѣ войны. Горькимъ опытомъ убѣдились курляндцы, что только принадлежность къ Россіи можетъ дать имъ миръ и обезпечить ихъ благосостояніе. Вотъ почему отступленіе непріятеля вызвало всеобщую радость.

Уже 4/16 декабря митавцамъ стало казаться, что зимовки непріятельскаго гарнизона не будетъ. Чрезъ городъ тянулись обозныя телѣги; прусскіе солдаты говорили, что совсѣмъ отправляются въ путь. Сначала боялись вѣрить; но когда 7/19 декабря выѣхали французскій генералъ-губернаторъ, интенданты, высшіе офицеры, казначей, ординаторъ, — тогда отступленіе непріятелей было несомнѣнно, и открыто выражалась общая радость. Ночью 7 декабря вышла прусская пѣхота и кавалерія, и въ эту ночь наступило для жителей Митавы послѣднее тяжелое испытаніе: за пруссаками послѣдовали баварцы и поляки, которые разсыпались по улицамъ и брали все, что попадалось имъ въ руки. Дома разбивались, лошади увозились изъ конюшенъ; если случалось имъ увидѣть крестьянъ, пріѣхавшихъ на рынокъ съ лошадьми, то забирали лошадей со всей упряжью. Оставшіеся пруссаки употребляли всѣ средства, чтобы защитить жителей, по крайней мѣрѣ въ домахъ, такъ какъ на улицахъ ничего нельзя было сдѣлать. Улицы были пусты и мертвы; вездѣ господствовало глубокое молчаніе. До вечера 8/20 декабря, когда исчезли послѣдніе непріятели, жители Митавы сидѣли забаррикадированные въ домахъ,

подъ страхомъ новыхъ нападеній. Только немногіе выходили за мостъ на Аа рѣкѣ и настойчиво высматривали прибытія рижскихъ войскъ. Около 8 часовъ вечера прискакалъ военный отрядъ... „Казаки!“ раздалось по городу и изъ всѣхъ домовъ устремились запуганные жители, и не было конца сердечнымъ привѣтствіямъ. „Всѣ отъ мала до велика желали увидѣть и привѣтствовать своихъ избавителей,“ — разсказываетъ современникъ. „Окруженные сотнями жителей, казаки съ лошадей своихъ протягивали руки и отвѣчали на привѣтствія избавленныхъ друзей своихъ . . . Всѣ наперерывъ подавали храбрымъ казакамъ закуски или укрѣпляющее питье. „Послѣ, послѣ братцы!“ говорили они, „мы должны преслѣдовать непріятеля!“ и подобно стрѣламъ пролетѣли они черезъ весь городъ. Громкое ура! летѣло за ними со всѣхъ сторонъ . . . Сперва плакали мы отъ печали, теперь начали проливать слезы умиленія и радости; скопившіяся на рижской дорогѣ толпы радостно восклицали: „Ура! отецъ нашъ Сиверсъ еще сегодня къ намъ будетъ“ — и цѣлыя тысячи, не взирая на ужасную стужу, толпились у моста, ожидая прибытія россійскаго генералитета и пѣхоты, которое послѣдовало въ 12 часовъ ночи.“ Прибыли любимый всѣми курляндскій губернаторъ Сиверсъ, встрѣченный всеобщей радостью, и военный губернаторъ маркизъ Паулуччи. 9 декабря утромъ было совершено въ присутствіи властей торжественное благодарственное богослуженіе, котораго еще никогда не бывало въ Митавѣ. „Христіане всѣхъ исповѣданій, даже евреи собрались туда; тысячи сердецъ и голосовъ возсылали хвалы свои къ престолу единаго, крѣпкаго Бога“. Это восторженное описаніе современника Шлиппенбаха подтверждается другими извѣстіями. Дочь курляндскаго губернатора Генріетта Сиверсъ писала своей подругѣ изъ Митавы: „Нашъ пріемъ былъ таковъ, что я желала бы, чтобы вы при этомъ присутствовали. Отецъ, который вступилъ въ городъ тотчасъ по уходѣ непріятеля, былъ встрѣченъ криками ура въ честь обожаемаго государя, а затѣмъ послѣ этихъ проявленій всеобщей радости народъ бросился къ нему толпою, цѣлуя руки и даже полы сюртука, и почти до самаго дома несъ его на рукахъ. Мы пріѣхали двумя днями позже въ день рожденія государя,

отпразднованный здѣсь баломъ . . . Я не запомню, чтобы я когда-нибудь танцовала съ такимъ чувствомъ . . .“*)

На другой день маркизъ Паулуччи издалъ воззваніе къ жителямъ Курляндіи, въ которомъ онъ, сообщая о пораженіи непріятеля и подвигахъ русскаго оружія и напоминая жителямъ Курляндіи о прежнихъ благодѣяніяхъ русскаго правительства, призывалъ ихъ къ вѣрности государю императору и къ послушанію всѣмъ повелѣніямъ, издаваемымъ высочайше назначенной властью. Въ то же время военный губернаторъ приказалъ арестовать чиновниковъ, которые занимали должности у непріятеля и отправить ихъ въ Ригу, а всѣмъ служившимъ французамъ запретилъ выѣздъ изъ Митавы. Съ своей стороны, донося объ этомъ министру полиціи, онъ высказывался за необходимость снисхожденія. Но особенно курляндскій губернаторъ Сиверсъ въ своемъ рапортѣ государю отъ 9 декабря взываетъ къ безмѣрному милосердію лучшаго изъ государей и „испрашиваетъ всеобщее прощеніе для этихъ лицъ, которые приняли должности только потому, что полагали дѣйствовать на пользу родины, будучи къ тому принуждены силою, суровымъ и насильствующимъ врагомъ.“ Игосударь 31 декабря повелѣлъ рижскому военному губернатору объявить всеобщее прощеніе и освободить арестованныхъ лицъ: „Курляндскіе жители во время пребыванія непріятеля въ предѣлахъ нашихъ не оказали никакой явной къ нему приверженности, исключая немногихъ, вступившихъ въ отправленіе поручаемыхъ отъ него должностей, и то по неволѣ, устрашенные угрозами и насиліемъ; почему и повелѣваемъ вамъ: объявить однимъ изъ нихъ наше монаршее благоволеніе, а другимъ — всеобщее прощеніе, предавая поступокъ ихъ забвенію и запрещая впредь чинить какое-либо по дѣламъ симъ притязаніе или взысканіе“.

---

*) „Враги въ Курляндіи“, стр. 28—29. Сб. И. Р. И. О., стр. 455.

VIII. Таурогенская конвенція. Заключеніе.*)

Послѣ оставленія Наполеономъ Москвы Отечественная война стала клониться въ нашу пользу. Французская армія отступала по старой дорогѣ съ западной границѣ, постоянно подвергаясь нападеніямъ со стороны русскихъ и уменьшаясь въ числѣ. Въ виду этого важнаго обстоятельства отходятъ на второй планъ событія около Ригн. Послѣ ноябрьскихъ сраженій**) военныя дѣйствія прекращаются. Маркизъ Паулуччи убѣдился въ силѣ и храбрости прусскаго корпуса и въ талантѣ его предводителей. У него не было надежды на успѣхъ въ открытомъ полѣ при слабости рижскихъ войскъ. Поэтому Паулуччи, вмѣсто того чтобы безуспѣшно воевать съ пруссаками, рѣшилъ привлечь ихъ на сторону Россіи и заключить съ ними союзъ. Вѣроятно, при назначеніи на должность рижскаго военнаго губернатора онъ получилъ какія-либо общія инструкціи относительно дѣйствій по отношенію къ непріятелю. Паулуччи понималъ, что пруссаки вовлечены въ войну противъ своего желанія, и рѣшилъ дѣйствовать на ихъ патріотизмъ, чтобы возбудить въ нихъ враждебное чувство къ французамъ. Безполезно было стараться прямо соблазнять пруссаковъ къ отпаденію отъ французовъ, а потому онъ хотѣлъ подготовить благопріятное настроеніе среди прусскихъ начальниковъ и офицеровъ, для чего нужно было просвѣщать ихъ относительно дѣйствительнаго поло-

---

*) Матеріалы для исторіи Таурогенской конвенціи (переписка марк. Паулуччи съ ген. Іоркомъ и имп. Александромъ I), собранные Меркелемъ, были изданы первоначально (на нѣм. и франц. яз.) Экардтомъ въ его книгѣ: York und Paulucci. Leipzig. 1865 (съ предисловіемъ). Всѣ эти письма недавно перепечатаны (съ русск. переводомъ) въ 133 томѣ Сборника Имп. Русск. Истор. Об-ва (стр. 331—405) К. Военскимъ, который прибавилъ сюда еще документы изъ Военно-ученаго архива, относящіеся къ Таурогенской конвенціи (стр. 411—443. См. предисловіе издателя, стр. XXIII—XLI). Что касается военныхъ дѣйствій, то кромѣ „Исторіи Отечеств. войны" Богдановича пособіемъ служило вышеупомянутое изданіе прусскаго генер. штаба: Die Theilnahme des preussischen Hülfskorps an dem Feldzuge gegen Russland im Jahre 1812. Berlin. 1898, откуда взятъ прилагаемый планъ расположенія отрядовъ 17/29 декабря. О маркизѣ Паулуччи (его біографія и портретъ) см. выше въ гл. V, стр. 164—166.

**) См. объ этомъ выше, стр. 167—168.

женія дѣлъ и знакомить съ бѣдствіями, которыя стала терпѣть великая армія послѣ очищенія Москвы. И вотъ маркизъ обратился къ содѣйствію знаменитаго писателя и публициста Меркеля,*) который былъ извѣстенъ во всей Германіи, какъ врагъ Наполеона. Въ это время Меркель жилъ въ Дерптѣ, и маркизъ вызвалъ его оттуда. Самъ Меркель такъ разсказываетъ о своемъ первомъ свиданіи съ генералъ-губернаторомъ. „Я желалъ, — сказалъ Паулуччи, — чтобы вы писали не только то, что можетъ ободрять здѣшнихъ жителей, но и то, что извнѣ будетъ дѣйствовать на пруссаковъ и сдѣлаетъ ихъ нашими друзьями.“ Меркель указалъ на цензурныя стѣсненія, но маркизъ заявилъ: „Это все глупости, пишите, что хотите!“ „Но пруссакамъ не придется читать то, что я напишу,“ — возразилъ Меркель. „Объ этомъ я уже позаботился,“ — отвѣтилъ Паулуччи. „Послѣ краткаго размышленія, — пишетъ Меркель — я догадался, что у него на умѣ, и съ самымъ ревностнымъ усердіемъ принялся за дѣло.“

Послѣ этой бесѣды журналъ Меркеля „Зритель“ сдѣлался политическимъ органомъ, и номера его ежедневно доставлялись на прусскіе передовые посты. Каждый номеръ содержалъ извѣстія о русскихъ побѣдахъ и о полномъ разложеніи великой арміи. Меркель переводилъ и печаталъ русскіе военные бюллетени, которые такимъ образомъ находили доступъ въ прусскіе отряды. Тутъ же помѣщались насмѣшливыя замѣчанія по поводу французскихъ бюллетеней; разсказывалось о высокомѣріи и притѣсненіяхъ французовъ въ Германіи, объ унизительной роли, которую играли храбрые нѣмцы, особенно прусскія войска, въ качествѣ союзниковъ Наполеона; помѣщались воспоминанія о королевѣ Луизѣ, умершей отъ скорби и пр. Даже булла папы, отлучавшая Наполеона отъ церкви, нашла мѣсто въ „Зрителѣ“. Меркель употреблялъ всѣ публицистическія средства, чтобы возбудить и развить нѣмецкія, особенно прусскія, національныя чувства. Какъ и прежде, онъ защищалъ полное право порабощеннаго нѣмецкаго народа изгнать вооруженною рукою французскаго властителя. Статьи Меркеля были написаны энергичнымъ и рѣз-

*) О жизни и дѣятельности Меркеля см. выше, стр. 52—56, 99—100, 128—129 и 162.

кимъ языкомъ и стояли въ полной противоположности съ осторожными выраженіями стѣсненной нѣмецкой прессы. Въ то же время „Зритель“ избѣгалъ всего того, что могло бы вызвать въ прусскихъ читателяхъ недовѣріе къ Россіи и ея арміи, старался не возбуждать зависти къ преобладанію Россіи и ея военной славѣ. Долгое пребываніе въ Берлинѣ дало возможность Меркелю хорошо познакомиться съ прусской арміей и ея традиціями, и онъ умѣлъ затрагивать такія струны, которыя находили отзвукъ въ сердцахъ прусскихъ офицеровъ. Вотъ почему „Зритель“ пользовался такимъ распространеніемъ въ прусской арміи и въ прусскихъ провинціяхъ, котораго не имѣлъ ни прежде, ни послѣ ни одинъ лифляндскій журналъ.

Журналъ Меркеля весьма дѣйствовалъ на прусскій корпусъ. Самъ Паулуччи говорилъ, что Меркель оказалъ ему бо́льшую услугу, чѣмъ корпусъ въ 20,000 человѣкъ. Конечно, пламенныя статьи Меркеля не производили никакого дѣйствія на самого командующаго прусскимъ корпусомъ Іорка. Для этого сухого солдата и желѣзной натуры были важны не чувства, а факты. Онъ читалъ только бюллетени о русскихъ побѣдахъ и о разложеніи великой арміи. Но статьи „Зрителя“, безъ сомнѣнія, оказывали вліяніе на прусскихъ офицеровъ, потому что Меркель высказывалъ то, что лежало на сердцѣ каждаго нѣмецкаго патріота; они читали какъ бы собственныя мысли.

Одновременно съ публицистическою дѣятельностью Меркеля маркизъ Паулуччи начинаетъ переговоры съ Іоркомъ. Курляндія представляла большія удобства для такихъ переговоровъ. Страна была пустынная и лѣсистая; русскіе форпосты сближались съ прусскими, такъ что переговоры можно было вести въ тайнѣ. Многочисленное еврейское населеніе Митавы, хорошо знакомое со всѣми отношеніями, представляло удобный матеріалъ для тайныхъ сношеній и сообщеній. Затѣмъ въ рижскомъ гарнизонѣ и въ русской арміи было много балтійско-нѣмецкихъ и прусскихъ офицеровъ, которые могли служить посредниками въ переговорахъ. Съ начала ноября маркизъ Паулуччи вступаетъ въ переписку съ Іоркомъ и убѣждаетъ его прервать сношенія съ французами, доказывая, что этимъ онъ не совершитъ измѣны, а напротивъ, исполнитъ величайшій патріо-

тическій долгъ. Въ первомъ письмѣ отъ 2/14 ноября Паулуччи, описывая страданія Пруссіи отъ Наполеона и разложеніе французской арміи, предлагаетъ Іорку „соединить свои войска съ русскими для совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій и для освобожденія короля“ или же болѣе легкое средство: отступить въ Пруссію „для охраны ея границъ“ и занять нейтральную позицію (что потомъ и осуществилось). Іоркъ, какъ прямой и честный солдатъ, не могъ согласиться на такое нарушеніе своего воинскаго долга, особенно на первое предложеніе, безъ особаго повелѣнія своего короля. Поэтому онъ послалъ въ Берлинъ своего довѣреннаго адъютанта маіора Зейдлица съ сообщеніемъ о предложеніи русскихъ. Въ ожиданіи приказаній короля Іоркъ отвѣчалъ маркизу уклончиво, давая понять, что „желаетъ въ точности узнать, на что его отечество можетъ расчитывать отъ союзника, къ которому присоединится“. Тогда маркизъ Паулуччи обратился къ императору Александру съ просьбой объ инструкціи и о полномочіяхъ для дальнѣйшихъ переговоровъ. Но тутъ случилось нѣкоторое замѣшательство. Отъ графа Витгенштейна прибылъ въ Ригу князь Репнинъ съ порученіемъ государя вести переговоры съ пруссаками и, несмотря на совѣтъ маркиза подождать отвѣта Іорка, тоже послалъ письмо послѣднему. Это обстоятельство обидѣло маркиза Паулуччи, и онъ пишетъ къ государю недовольное письмо (14 ноября), въ которомъ проситъ окончательно выбрать подходящее лицо для переговоровъ: въ случаѣ признанія такимъ лицомъ Витгенштейна маркизъ отказывается отъ всякаго участія въ веденіи переговоровъ; если же государь поручитъ ему это дѣло, то онъ желаетъ, чтобы въ него никто не вмѣшивался, такъ какъ это вредитъ „тайнѣ и предусмотрительности“. Въ заключеніе Паулуччи опять проситъ инструкціи и полномочія для веденія переговоровъ съ Іоркомъ. Но отвѣтъ государя замедлился. Тогда маркизъ Паулуччи рѣшился дѣйствовать самостоятельно: онъ устранилъ Репнина отъ переговоровъ тѣмъ, что не передалъ ему отвѣта Іорка, а 19 ноября, все еще не имѣя полномочій, написалъ прусскому командующему письмо, въ которомъ дѣлаетъ ему положительное предложеніе: указавши на то, что цѣль русскаго императора заключается

въ обезпеченіи свободы европейскихъ народовъ, онъ предлагаетъ Іорку заключить договоръ, основанный на взаимныхъ выгодахъ обоихъ государей. Въ послѣдующихъ письмахъ Паулуччи настойчиво убѣждаетъ Іорка не терять времени для спасенія Пруссіи и рѣшиться на смѣлый шагъ — соединить свои войска съ русскими. Но Іоркъ опять отвѣчалъ уклончиво: то онъ просилъ отсрочки, то указывалъ на малое значеніе своего корпуса и на силу французовъ. Очевидно, Іоркъ не желалъ предпринимать рѣшительныхъ дѣйствій до возвращенія изъ Берлина маіора Зейдлица. Затѣмъ медлительность его, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что онъ хотѣлъ сосредоточить на себѣ вниманіе русскихъ и отвлечь отъ военныхъ дѣйствій противъ Макдональда. Хотя Іоркъ вступилъ въ сношенія съ русскими, но онъ былъ далекъ отъ мысли сдѣлаться предателемъ своего начальника и способствовать его гибели.

Изъ переписки маркиза Паулуччи съ Іоркомъ ясно видно, что какъ идея формальной конвенціи съ прусскимъ корпусомъ, такъ и мысль объявить нейтралитетъ его, впервые зародилась въ головѣ Паулуччи. Конечно, если бы его планы были отвергнуты государемъ, онъ подвергался опасности лишиться высочайшаго благоволенія. Паулуччи самъ сознавалъ это и писалъ императору Александру (25 ноября): „Я счелъ долгомъ взять на себя ускореніе дѣла подъ страхомъ отвѣтственности за самовольныя дѣйствія, если бы мнѣ пришлось заключить договоръ, несогласный съ видами Вашего Величества. Каковъ бы ни былъ исходъ этого дѣла, я буду всегда имѣть удовлетвореніе, что я дѣйствовалъ по глубокому убѣжденію моей совѣсти, чуждой мелкихъ расчетовъ царедворца.“ Наконецъ, 6 декабря пришелъ давно ожидавшійся отвѣтъ императора Александра I. Государь одобрилъ всѣ предложенія и дѣйствія Паулуччи по отношенію къ Іорку и уполномочилъ его сдѣлать такое заявленіе прусскому королю: „Вы отвѣтите ему, что я готовъ заключить съ этимъ государемъ договоръ, въ силу котораго я приму обязательство не положить оружія до тѣхъ поръ, пока я не получу возможности выговорить для Пруссіи такое увеличеніе территоріи, благодаря которому она снова займетъ среди европейскихъ державъ мѣсто, принадлежавшее

ей до 1807 года.“ Этотъ документъ превосходилъ всѣ надежды пруссаковъ на русскую помощь. Паулуччи обѣщалъ Іорку только соединеніе со своими войсками для совмѣстныхъ дѣйствій и для освобожденія Пруссіи; а высочайшій рескриптъ идетъ дальше и обѣщаетъ возстановленіе могущества Пруссіи силой русскаго оружія. Итакъ, заграничная война для освобожденія Германіи была рѣшена императоромъ Александромъ I еще въ началѣ декабря. Въ этомъ нельзя не видѣть вліянія нѣмецкой патріотической партіи, имѣвшей силу въ Петербургѣ и преслѣдовавшей свои опредѣленныя цѣли.

8/20 декабря Іоркъ оставилъ Митаву и извѣстилъ письмомъ маркиза Паулуччи, что онъ движется по направленію къ Пруссіи и поручаетъ больныхъ великодушію рижскаго военнаго губернатора. Въ отвѣтъ на это Паулуччи сообщилъ Іорку (10 декабря) о рескриптѣ Александра I, обѣщавшемъ Пруссіи счастье и славу въ случаѣ союза съ Россіей; затѣмъ, извѣщая о движеніи Витгенштейна въ обходъ корпуса Макдональда, онъ въ томъ же письмѣ рѣшительно требуетъ отъ прусскаго командующаго: или соединиться съ русскими для военныхъ дѣйствій противъ Макдональда или же согласиться на трактатъ, въ силу котораго прусскій корпусъ займетъ зимнія квартиры между Либавой, Газенпотомъ и Гольдингеномъ, съ обѣщаніемъ не начинать наступательныхъ дѣйствій въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока не состоится соглашеніе между русскимъ и прусскимъ дворами. Въ противномъ случаѣ его ожидаетъ участь Макдональда. Съ этимъ письмомъ Паулуччи отправилъ къ Іорку графа Дона, одного изъ прусскихъ патріотовъ, который эмигрировалъ въ Россію, спасаясь отъ преслѣдованій Наполеона, и поступилъ на службу въ нѣмецкій легіонъ. Къ сожалѣнію, маркизу Паулуччи не удалось самому осуществить такъ хорошо подготовленное соглашеніе съ пруссаками. Благодаря интригѣ онъ лишился главнаго начальства надъ рижскими войсками. Подчиненный ему генералъ Левизъ получилъ непосредственное распоряженіе отъ главнокомандующаго Кутузова и посланъ былъ съ большей частью рижскаго гарнизона преслѣдовать Іорка. Вѣроятно, враги Паулуччи указывали на то, что онъ бездѣйствуетъ и не пользуется моментомъ для очи-

щенія Курляндіи отъ непріятеля. Но Паулуччи ждалъ конца успѣшныхъ переговоровъ и не хотѣлъ раздражать пруссаковъ враждебными дѣйствіями противъ Макдональда: онъ хорошо понималъ, что соглашеніе могло дать больше, чѣмъ всякія побѣды. Въ бездѣйствіи можно упрекнуть не Паулуччи, а Витгенштейна, которому было поручено отрѣзать Макдональду путь къ отступленію и который не сумѣлъ сдѣлать этого.

Витгенштейнъ со своимъ корпусомъ очень медленно подвигался изъ Литвы къ Нѣману, а для наблюденія за Макдональдомъ выдѣлилъ два летучихъ отряда. Одинъ отрядъ подъ начальствомъ графа А. Кутузова (4700 человѣкъ) занялъ Тильзитъ и выставилъ свой авангардъ — генерала Властова (3500 чел.) въ Пиктупененъ. Другой отрядъ подъ начальствомъ генерала Дибича (въ 1200 чел.) отправился на развѣдки въ перерѣзъ пути союзниковъ по направленію на Тельши. Витгенштейнъ еще не перешелъ Нѣмана, когда главная масса X корпуса (Башелю и Гранжанъ) достигла Таурогена (13/25 дек.). Слабые отряды Кутузова и Властова не могли задержать французовъ. Послѣ жаркой схватки съ Башелю (14/26 дек.) Властовъ долженъ былъ отступить и французы заняли Тильзитъ. Въ это время Іоркъ (13/25 дек.) находился въ разстояніи двухъ дней пути въ Колтынянахъ;*) сюда же прибылъ Дибичъ со своимъ отрядомъ и отдѣлилъ его отъ Макдональда. Будучи слишкомъ слабымъ, чтобы имѣть успѣхъ въ сраженіи, Дибичъ воспользовался случаемъ, чтобы вступить въ переговоры съ Іоркомъ и довести до конца дѣло, начатое маркизомъ Паулуччи. Іоркъ изъявилъ согласіе на переговоры съ русскими, но желалъ, чтобы они имѣли характеръ вынужденности. Поэтому онъ медленными маршами продолжалъ путь, какъ будто для соединенія съ Макдональдомъ; но въ дѣйствительности онъ выжидалъ и желалъ наступленія Витгенштейна. Приближаясь къ Тильзиту, Іоркъ лучше скрывалъ свое намѣреніе отложиться отъ французовъ. Также ежедневно онъ надѣялся на возвращеніе Зейдлица и на приказы короля. 16/28 декабря Іоркъ прибылъ въ Таурогенъ, въ то время какъ Макдональдъ былъ въ Тильзитѣ. Дибичъ отступалъ предъ нимъ, отдѣляя его отъ Макдональда, и расположился въ

*) См. карту на стр. 125 и прилагаемый планъ, стр. 215.

Вилькишкахъ. Если бы Витгенштейнъ стоялъ въ Тильзитѣ, то никто, даже французы, не могли бы упрекнуть Іорка что онъ, спасая свой корпусъ, заключилъ договоръ о нейтралитетѣ. Но Витгенштейнъ только-что перешелъ Нѣманъ близъ Юрбурга.*) Іоркъ писалъ Паулуччи 17/29 декабря: „Медленность дѣйствій русскихъ корпусовъ дѣлаетъ мое положеніе чрезвычайно тягостнымъ. Я долженъ былъ принять добровольное рѣшеніе, сдѣлать шагъ, къ которому я бы предпочелъ быть вынужденнымъ.“

Въ то время какъ Іоркъ вступилъ въ сношенія съ Дибичемъ, маркизъ Паулуччи съ небольшимъ отрядомъ оставшихся у него войскъ (2,500 человѣкъ) предпринялъ изъ Митавы походъ на Мемель и занялъ его безъ боя (13 дек.). Здѣсь было захвачено много оружія и провіантскихъ запасовъ. Паулуччи поставилъ въ Мемелѣ русскаго коменданта полковника

*) См. расположеніе отрядовъ 17/29 декабря на приложенномъ планѣ.

Экеспарре. Скоро сюда прибылъ (15/27 дек.) изъ Берлина маіоръ Зейдлицъ съ письмами къ Іорку отъ прусскаго короля. Маркизъ пропустилъ его и въ свою очередь послалъ Іорку письмо, въ которомъ указывалъ на опасность его положенія и предлагалъ ему немедленно назначить мѣсто, гдѣ бы можно было заключить договоръ. Но Іоркъ отвѣтилъ, что въ виду спѣшности онъ не можетъ оставить свой отрядъ и вынужденъ вступить въ переговоры съ Дибичемъ на основаніи предложеній маркиза отъ 10 декабря. Очевидно, генералъ Дибичъ*) спѣшилъ поскорѣе использовать предварительные переговоры Паулуччи, чтобы оставить за собой славу конвенціи и этимъ сдѣлать шагъ къ дальнѣйшей карьерѣ. Онъ не подумалъ окружить Іорка и пригласить изъ Мемеля Паулуччи, который имѣлъ полномочія отъ государя и одинъ могъ заключить выгодную для Россіи конвенцію. Дибичъ даже не захотѣлъ посовѣтоваться съ генераломъ Левизомъ, находившимся всего въ нѣсколькихъ верстахъ и имѣвшимъ подробныя инструкціи отъ Паулуччи. Вообще въ поведеніи будущаго фельдмаршала въ эти дни 1812 года ясно чувствуется желаніе перехватить чужую славу, воспользоваться трудами чужихъ рукъ. Съ другой стороны, и Іоркъ предпочелъ заключить договоръ съ Дибичемъ, а не Паулуччи, такъ какъ хорошо понималъ, что хитрый итальянецъ не сдѣлаетъ безкорыстно никакихъ уступокъ. Онъ сумѣлъ искусно воспользоваться проявленной Дибичемъ поспѣшностью, чтобы сдѣлать въ предложеніяхъ Паулуччи выгодныя для себя измѣненія.

Несмотря на всѣ выгоды соглашенія съ русскими, это рѣшеніе стоило Іорку многихъ колебаній и внутренней борьбы. Медлительность Дибича и Витгенштейна поставила его въ крайне двусмысленное положеніе. Имѣя полную возможность соединиться съ Макдональдомъ, онъ долженъ былъ медлить, возбуждать подозрѣніе и рѣшиться

*) Графъ и фельдмаршалъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ-Забалканскій (1785—1831) — прусскаго происхожденія и образованіе свое получилъ въ берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ. Его отецъ былъ сначала адъютантомъ Фридриха Великаго, а потомъ въ 1792 г. перешелъ на русскую службу и перевелъ туда своего сына. — Впослѣдствіи графъ И. И. Дибичъ особенно прославился во время русско-турецкой 1829 г. и польскаго возстанія 1831 г.

на измѣну. Онъ надѣялся на приказанія короля, но прибывшій 17/29 декабря маіоръ Зейдлицъ не привезъ отъ слабохарактернаго короля никакихъ рѣшительныхъ распоряженій и никакого отвѣта на русскія предложенія. Устно Зейдлицъ передалъ совѣтъ дѣйствовать по обстоятельствамъ, а въ письмѣ Гарденберга было осторожно указано, что политика Пруссіи можетъ измѣниться. Въ душѣ Іорка наступила борьба между любовью къ отечеству, вѣрностью королю и воинскимъ долгомъ послушанія, и этотъ недюжинный человѣкъ съ честью вышелъ изъ тяжелой борьбы, выше всего поставивъ благо родины.

Въ тотъ же день 17/29 декабря Дибичъ, желая окончательно выяснить вопросъ, послалъ къ Іорку съ двумя депешами своего начальника штаба подполковника Клаузевица и графа Дона (оба были прусскіе офицеры-патріоты, перешедшіе къ намъ на службу). Іоркъ сначала встрѣтилъ ихъ сурово и сказалъ, что прекращаетъ всякіе переговоры, которые могутъ погубить его, и завтра же отправляется къ Макдональду. Но потомъ все-таки согласился прочитать принесенныя депеши. Въ одной депешѣ, присланной изъ штаба Витгенштейна, говорилось, что его корпусъ черезъ два дня будетъ въ Шилупишкахъ, на дорогѣ изъ Тильзита въ Кенигсбергъ, и что если Іоркъ не оставитъ Макдональда, то съ нимъ будетъ поступлено какъ съ непріятелемъ. Другая бумага представляла перехваченное казаками письмо Макдональда къ герцогу Бассано, въ которомъ заключались жалобы на духъ прусскихъ войскъ и упоминалось о необходимости удалить нѣкоторыхъ командировъ и пр. Это письмо должно было возстановить Іорка противъ французовъ. Выслушавши депеши, Іоркъ задумался и спросилъ Клаузевица, можно ли вѣрить сообщенію о движеніи Витгенштейна. Клаузевицъ отвѣчалъ: „Ручаюсь за истину всего сказаннаго въ письмѣ... Что же касается того, будутъ ли исполнены предположенныя движенія, то вамъ извѣстно, что на войнѣ не всегда въ точности исполняются задуманныя дѣйствія.“ Тогда Іоркъ, подумавъ еще нѣсколько минутъ, сказалъ: „Я вашъ! Скажите генералу Дибичу, что я буду завтра на русскихъ аванпостахъ.“ Въ это время прибылъ посланный отъ генерала Массенбаха поручикъ Вернсдорфъ. На вопросъ Іорка, каково настро-

еніе въ ихъ отрядѣ, Вернсдорфъ отвѣчалъ, что всѣ до послѣдняго солдата желаютъ отложиться отъ французовъ. „Да, — сказалъ Іоркъ, — вамъ молодымъ легко разсуждать, а у меня старика голова шатается на плечахъ.“ Когда Клаузевицъ сообщилъ обо всемъ Дибичу, тотъ бросился къ нему на шею, „проливая слезы радости“, и немедленно сообщилъ Іорку, что будетъ ждать его завтра у Пошерунской мельницы въ 8 часовъ утра. На другой день 18/30 декабря собрались у Пошерунской мельницы Дибичъ съ Клаузевицемъ и графомъ Дона и Іоркъ съ начальникомъ штаба Редеромъ и послѣ нѣкоторыхъ споровъ подписали конвенцію, по которой „прусскій корпусъ занимаетъ полосу земли между Мемелемъ и Тильзитомъ и остается нейтральнымъ до полученія распоряженій короля прусскаго“. Іоркъ тотчасъ извѣстилъ объ этомъ Макдональда и Массенбаха съ приказаніемъ послѣднему присоединиться къ главному корпусу. Макдональдъ былъ очень удрученъ и тотчасъ далъ приказъ немедленно выступать. Благодаря ошибкѣ авангарда Витгенштейна,*) ему удалось избѣжать пораженія и плѣна и благополучно прибыть въ Кенигсбергъ, гдѣ онъ соединился съ Мюратомъ. Прусскому королю Іоркъ писалъ: „Шагъ, на который я рѣшился, сдѣланъ безъ повелѣнія Вашего Величества. Но обстоятельства и важныя соображенія должны оправдать его въ глазахъ современниковъ даже въ томъ случаѣ, если бы политика требовала, чтобы я лично былъ обвиненъ... Охотно полагаю мою голову къ ногамъ В. В., если я ошибся.“ Императоръ Александръ I, узнавъ о состоявшемся соглашеніи, выразилъ свое удовольствіе письмомъ къ генералу Іорку.

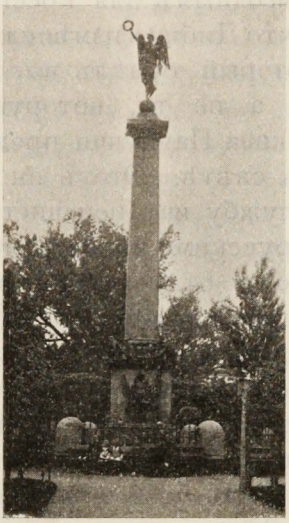
Такимъ образомъ Дибичу досталась слава заключенія конвенціи, надъ подготовкой которой столько работалъ маркизъ Паулуччи. Дибичъ не хотѣлъ извѣстить маркиза объ этомъ, даже не потрудился своевременно послать ему письмо Іорка, который желалъ видѣться съ нимъ. Когда маркизъ Паулуччи узналъ о состоявшейся конвенціи, онъ былъ страшно возмущенъ и

*) Вмѣсто того, чтобы итти на Шилупишки въ перерѣзъ пути Макдональда, авангардъ Витгенштейна по ошибкѣ направился на Краупишки. См. планъ на стр. 215.

жаловался государю, что „Дибичъ незаконно присвоилъ себѣ славу этой важной конвенціи“. Помимо личной обиды маркизъ былъ недоволенъ невыгоднымъ для Россіи содержаніемъ конвенціи. Онъ писалъ, что Дибичъ измѣнилъ условія, предложенныя имъ Іорку, который сумѣлъ выговорить для себя другую территорію, а не ту, которую предлагалъ онъ. Здѣсь личность маркиза Паулуччи представляется намъ въ весьма выгодномъ свѣтѣ. Этотъ иностранецъ, перешедшій на русскую службу изъ ненависти къ Наполеону, успѣлъ проникнуться русскими интересами болѣе многихъ русскихъ. Онъ прямо и откровенно пишетъ Александру (27 дек.) о необходимости удержать навсегда родъ Мемель какъ бы въ вознагражденіе за услуги: „Гогородъ Мемель какъ въ отношеніи своей торговли, такъ и по своему положенію относительно границъ Россіи, представляетъ чрезвычайно важный пунктъ. Если политика требуетъ съ одной стороны, чтобы В. В. не изобличали въ Вашихъ дѣйствіяхъ желанія дальнѣйшаго расширенія нашихъ границъ, то съ другой стороны та же политика указываетъ на необходимость воспользоваться всѣми возможными преимуществами, дабы сдѣлать ихъ, съ точки зрѣнія военной и торговой, соотвѣтствующими безопасности и благу имперіи. Висла является несомнѣнно границей, о которой я мечтаю; тѣмъ не менѣе благоразуміе требуетъ быть готовымъ и къ менѣе благопріятной. Исходя изъ этой точки зрѣнія, я считалъ необходимымъ принять такого рода мѣры, чтобы Мемель могъ незамѣтно образовать часть нашей границы, не возбуждая вмѣстѣ съ тѣмъ опасеній прусскаго двора, который до настоящаго времени можетъ видѣть въ оккупаціи этого города и въ моихъ дѣйствіяхъ мѣру, вызванную чисто военными соображеніями.“ Но въ Петербургѣ это патріотическое предложеніе не встрѣтило сочувствія; тамъ готовились къ заграничной войнѣ.

Такъ закончилась война 1812 года въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ общемъ ходѣ военныхъ событій прибалтійскій театръ игралъ невидную, но значительную роль. Здѣсь происходило постоянное общеніе Россіи съ Германіей и этимъ путемъ дѣйствовало на русскую политику нѣмец-

кое вліяніе, которое способствовало возникновенію войны. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій рижскія войска, если и не одерживали побѣдъ, то во всякомъ случаѣ задерживали непріятельскій корпусъ и защищали дорогу въ Петербургъ. Но самое важное событіе въ Прибалтійскомъ краѣ было дипломатическаго характера: это — подготовленная маркизомъ Паулуччи Таурогенская конвенція, превратившая вчерашнихъ враговъ въ друзей. Таурогенская конвенція была весьма выгодна для пруссаковъ. Она доставляла прусскому государству и королю всѣ преимущества заключеннаго мира и союза съ Россіей, не компрометируя короля и всего, что было во французской власти. Если бы разрывъ съ Франціей не состоялся, то жертвой палъ бы одинъ Іоркъ. Русскимъ же конвенція не давала никакихъ выгодъ, налагая на нихъ одни обязательства. Замѣчательно, что



Памятникъ Славы въ Ригѣ.*)

*) Этотъ памятникъ сооруженъ на Замковой площади въ 1817 г. рижскимъ купечествомъ въ честь имп. Александра I и побѣдоносной русской арміи. Бронзовая статуя Побѣды держитъ въ правой приподнятой рукѣ лавровый вѣнокъ, а въ лѣвой — масличную вѣтвь. На гранитномъ цоколѣ помѣщены государственный и городской гербы и надписи на русскомъ и латинскомъ языкахъ; по краямъ цоколя — бронзовые орлы, соединенные гирляндами. Русская надпись гласитъ: „Силы двадцати Царствъ и Народовъ съ мечемъ и огнемъ вторглись въ Россію и пали въ смерть и плѣнъ. Россія порозя Губителя разторгла узы Европы. Александръ Первый побѣдоносной Десницей возвратилъ и утвердилъ Царямъ царства, законы народамъ". Л. 1814. Латинская надпись: „Saeve nec saeculis unquam audita Crassante tyrannide Quum jam ferali saeviente bello Europaea cognatio pene evanasceret. Alexander I Ruth. Imp. Ne populorum commercia penites interciderent Mente et armis intercessit Rigani Negociatores Publicae libertatis adsertae mon. hoc. Aere collato P. P. Suavissimi principis nomen famamque sincero lapide seris nepotibus Commendaturi A. R. S. MDCCCXIV Humanissimi imperii XIV". Къ памятникамъ 1812 года въ Ригѣ относится также тріумфальная арка „Александровскія ворота", поставленная въ 1818 г. въ концѣ Александровской ул. въ память возвращенія имп. Александра I изъ Парижа послѣ перваго вступленія государей союзниковъ въ „столицу міра" (31 марта 1814 г.). Въ настоящее время эта арка отнесена далеко за городъ, на 2 версты отъ прежняго мѣста.

съ русской стороны вели переговоры въ Таурогенѣ три урожденныхъ пруссака: Дибичъ, Клаузевицъ и графъ Дона, изъ которыхъ два послѣдніе снова перешли на прусскую службу. Таурогенская конвенція явилась вступительнымъ актомъ войны за освобожденіе Германіи, въ результатѣ которой было усиленіе Пруссіи и позднѣйшее объединеніе Германіи въ могущественную имперію, а также возрастаніе морского могущества Англіи. Но было ли все это выгодно для Россіи? Послѣ изгнанія непріятеля фельдмаршалъ Кутузовъ, этотъ истинный выразитель русскаго общественнаго мнѣнія, считалъ войну оконченной, потому что разоренная страна требовала отдыха. Безъ сомнѣнія, равновѣсіе въ Европѣ возстановилось бы и безъ нашей помощи. Начавши же заграничную войну, Александръ I дѣйствовалъ если не во вредъ, то во всякомъ случаѣ не въ интересахъ національной русской политики. Ни Петръ Великій, ни Екатерина II, стоя на высотѣ національныхъ задачъ, не направили бы побѣдоносныхъ русскихъ войскъ въ Европу для защиты чуждыхъ намъ интересовъ. Своимъ великодушіемъ императоръ Александръ I даже не заслужилъ благодарности союзныхъ европейскихъ державъ. Современные нѣмецкіе историки доказываютъ, что дѣло освобожденія Европы совершено геройскими прусскими руками, а Россія только препятствовала осуществленію патріотическихъ мечтаній нѣмецкаго народа. На вѣнскомъ конгрессѣ русскіе были лишены заслуженныхъ плодовъ войны (всей Польши). Хотя Россія вынесла на своихъ плечахъ всю тяжесть трехлѣтней борьбы съ Наполеономъ и принесла наибольшія жертвы для торжества европейскихъ интересовъ, — тѣмъ не менѣе, благодаря интригамъ союзниковъ, она получила наименьшее вознагражденіе. „Не подлежитъ сомнѣнію, — говоритъ историкъ Шильдеръ, — что все потребованное Александромъ на Вѣнскомъ конгрессѣ могло быть осуществлено гораздо ранѣе, цѣною меньшихъ пожертвованій и безъ всякихъ уступокъ завистливымъ сосѣдямъ, но при условіи сохраненія власти за Наполеономъ. Но императоръ Александръ сознательно довелъ до гибели этого лучшаго союзника Россіи и замѣнилъ его несравненно менѣе надежными союзниками, готовыми измѣнить своему благодѣтелю на

каждомъ шагу."*) Съ другой стороны, продолжительная война съ Наполеономъ сопровождалась неблагопріятными послѣдствіями во внутренней жизни Россіи. Изъ военныхъ бурь русское правительство вышло съ чувствомъ усталости и съ нѣкоторымъ разочарованіемъ въ прежнихъ политическихъ идеалахъ. Борьба съ послѣдствіями французской революціи и возстановленіе прежняго порядка въ Европѣ сдѣлали русское правительство охранителемъ старины и законности во внѣшнихъ сношеніяхъ. Такое настроеніе отразилось и на внутренней политикѣ: „нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, одной рукой поддерживать охранительныя начала на западѣ, а другой продолжать либеральныя предпріятія дома" (Ключевскій). Вотъ почему послѣ Отечественной войны на полстолѣтія прекращаются всякія преобразованія и освобожденіе крестьянъ отсрочивается до царствованія императора Александра II. Но отъ Отечественной войны ведетъ начало и другое, именно, прогрессивное русское движеніе. Если правительство повернуло на путь реакціи, то русское общество, возбужденное великими событіями, чрезвычайно оживилось: повсюду возрастаетъ интересъ къ просвѣщенію и къ политическимъ вопросамъ и усиливается общее стремленіе къ преобразованіямъ. Подъемъ патріотизма и громадныя жертвы простого народа обратили вниманіе общества и правительства на его положеніе. Отсюда возникаетъ въ XIX вѣкѣ постоянная мысль о необходимости отмѣны крѣпостного права.

Такъ разнообразны и несходны были въ исторіи Россіи послѣдствія Отечественной войны, которыя привели къ разладу между правительствомъ и обществомъ. Но какъ отразилась Отечественная война въ жизни нашей Балтійской окраины? Одинъ изъ лучшихъ мѣстныхъ историковъ говоритъ: „Если сближеніе между людьми создается замѣчательными обстоятельствами, которыя пережиты вмѣстѣ съ одинаковымъ настроеніемъ, то въ этомъ отношеніи событія 1812 года были наиболѣе способны установить прочную связь между Остзейскими провинціями и Россійской имперіей." **) Съ этими словами можно вполнѣ согласиться. Въ XVIII вѣкѣ, какъ мы ви-

*) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Т. III, стр. 283.

**) Eckardt. Franzosen in Kurland. B. M. XI, S. 1.

дѣли, Прибалтійскій край жилъ своей замкнутой и отдѣльной отъ Россіи жизнью. Но неожиданное нашествіе враговъ возбудило въ прибалтійскомъ населеніи чувство единенія съ Россіей и вызвало патріотическое движеніе, хотя, можетъ быть, въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ остальной Россіи. Прибалтійскія губерніи принесли значительныя матеріальныя жертвы на пользу отечества; многіе балтійскіе уроженцы служили въ русской арміи и проливали кровь за русское дѣло, а мирные жители внимательно слѣдили за ходомъ военныхъ дѣйствій, радовались русскимъ успѣхамъ и печалились о неудачахъ. Даже Курляндская губернія, недавно присоединенная къ Россіи, не проявила никакой привязанности къ родственнымъ врагамъ - пруссакамъ и не измѣнила Россіи. Но разъ проснувшееся чувство единства не исчезло, и въ XIX вѣкѣ мы видимъ непрекращающееся стремленіе къ сближенію съ Россіей, проявившееся въ различныхъ реформахъ — въ области администраціи, суда и пр. Но Отечественная война обнаружила одинъ печальный фактъ прибалтійской жизни, — это полное равнодушіе и безучастіе въ судьбѣ общаго отечества среди туземнаго латышскаго и эстонскаго населенія. Закрѣпощенные нѣмецкимъ дворянствомъ и обремененные непосильной работой, туземные крестьяне были преданы исключительно матеріальнымъ интересамъ; они мало знали о Россіи и плохо сознавали свои гражданскія обязанности. Печальная исторія лифляндскаго ополченія въ значительной степени объясняется низкимъ уровнемъ прибалтійскаго крестьянства. Изъ этого обстоятельства вытекала неотложная задача русской государственной политики XIX вѣка: освободить и улучшить положеніе крестьянскаго населенія Прибалтійскаго края. Хотя эта задача осуществилась не сразу и со многими ошибками, но все-таки несомнѣнно, что въ XIX вѣкѣ происходитъ постепенное развитіе туземнаго крестьянства какъ въ матеріальномъ, такъ и въ культурномъ отношеніяхъ. Въ этомъ поднятіи низшихъ классовъ прибалтійскаго населенія и въ единеніи всего края съ великой Россіей, въ общей готовности снова пожертвовать всѣмъ для блага отечества — и заключается завѣтъ, оставленный намъ печальными и въ то же время великими событіями 1812 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая.

Стр.

Историческій очеркъ Прибалтійскаго края въ XVIII столѣтіи. Первый вѣкъ русскаго господства . . . . . 3—96

I. Періодъ невмѣшательства. Присоединеніе Курляндіи 3. Политика правительства 7. Самоуправленіе 10. Таблица правительственныхъ и земскихъ учрежденій 13. Дворянство 14. Города 22. Крестьяне и крѣпостное право 30 . . 3—44

II. Эпоха правительственныхъ реформъ 1762—1804 г. „Просвѣщеніе“ (Эйзенъ, Шульцъ, Яннау, Гупель, Меркель) 44. Екатерина II и ея реформы (ландтагъ 1765 г.; законодательная комиссія; намѣстничества) 56. Освобожденіе крестьянъ (Фр. Сиверсъ; ландтагъ 1803 г.; положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ 1804 г.) 79. Заключеніе 95 . . . . . 44—96

Часть вторая.

Отечественная война въ Прибалтійскомъ краѣ . . . . . 97—223

III. Причины и подготовка войны. Публицистическая дѣятельность Меркеля. Континентальная блокада. Приготовленія къ осадѣ въ Ригѣ (Барклай-де-Толли). Генералъ Эссенъ I . 97—115

IV. Нашествіе французовъ. Рига въ опасности. Движеніе X корпуса Макдональда. Военное положеніе въ Ригѣ. Битва при Экау. Сожженіе форштатовъ и послѣдствія этого. Благотворительная и патріотическая дѣятельность г. Риги . 116-147

V. Военныя дѣйствія близъ Риги. Отступленіе французовъ. Расположеніе французовъ и пруссаковъ. Іоркъ. Вылазки русскихъ. Прибытіе финляндскаго корпуса. Сраженіе при Мезотенѣ. Маркизъ Паулуччи. Экспедиція противъ Фридрихштадта. Бѣдственное положеніе непріятелей. Отступленіе X корпуса 148-173

VI. Лифляндское дворянское ополченіе. Событіе въ Дерптѣ. Пожертвованія Лифляндской и Эстляндской губерній. Воззваніе Фр. Сиверса объ ополченіи. Печальное состояніе лифляндскаго ополченія и его уничтоженіе. Столкновеніе между студентами и офицерами въ Дерптѣ. Взглядъ маркиза Паулуччи на Дерптскій университетъ 173-186

VII. Французы въ Курляндіи. Пожертвованія Курляндской губерніи. Отъѣздъ губернатора Фр. Сиверса. Волненіе въ Митавѣ. Военно-прусское и французское управленіе. Областное правленіе изъ курляндскихъ чиновниковъ. Контрибуція и реквизиціи. Страданія жителей Курляндіи. Освобожденіе отъ непріятелей. Всеобщая амнистія 187-207

VIII. Таурогенская конвенція. Заключеніе. Переговоры маркиза Паулуччи съ Іоркомъ. Участіе Меркеля. Рескриптъ 6 декабря. Встрѣча Іорка съ Дибичемъ и заключеніе конвенціи. Мнѣніе маркиза Паулуччи о конвенціи и о Мемелѣ. Историческое значеніе Таурогенской конвенціи. Послѣдствія Отечественной войны для Прибалтійскаго края 208-223